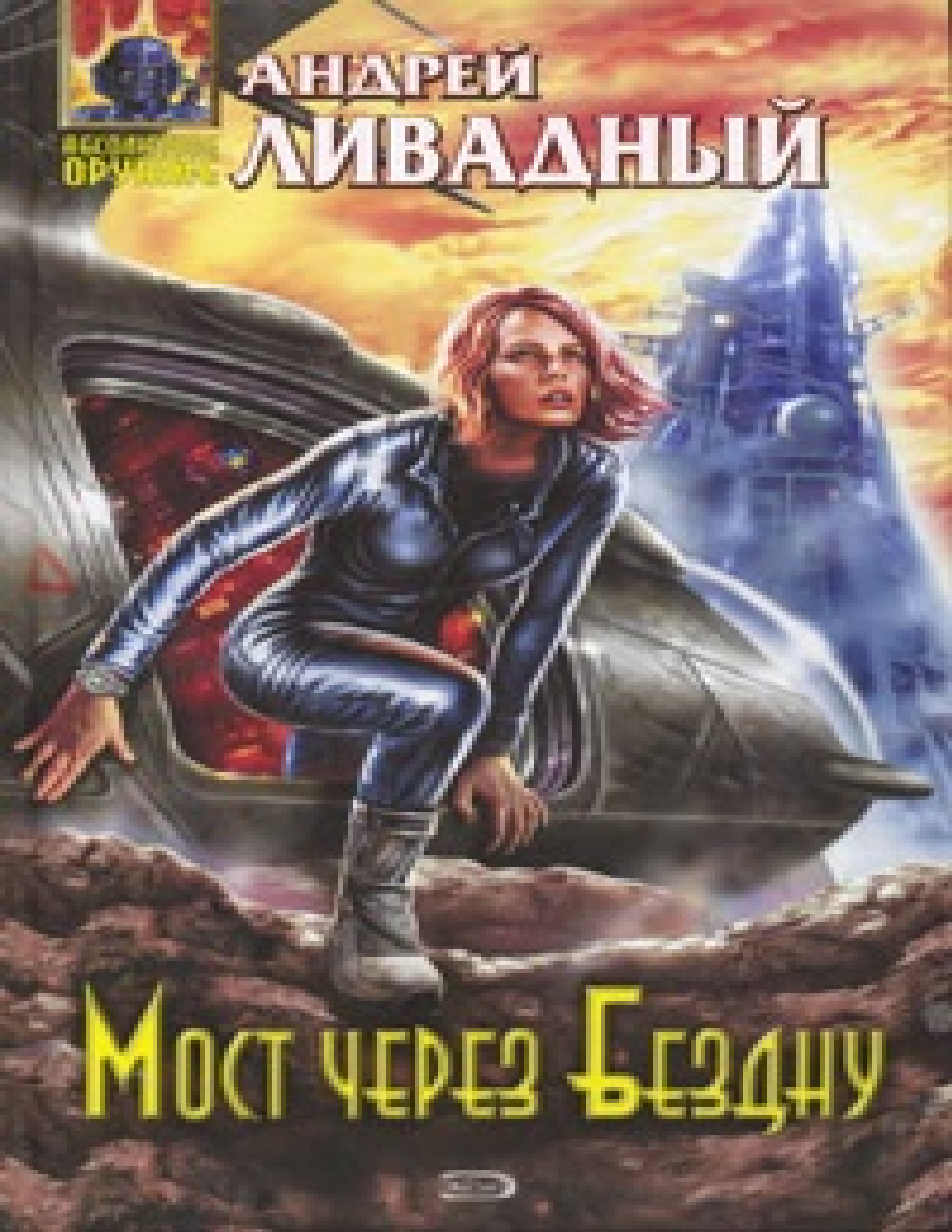

Андрей
Ливадный
Мост через Бездну

Annotation

...Перед Яной стоял логрианин. Две его змееподобных головы молча уставились на нее. Киберпространство, ставшее единственной реальностью для тех, кто умеет манипулировать им, свело двух обитателей Космоса вместе, и разделявшие их три миллиона лет ничего не значили в этот миг. Где-то далеко, на одной из Вертикалей таинственной Аномалии сейчас погибали тысячи людей. И эта встреча с ксеноморфом поможет Яне и Джону Митчеллу Сент-Иво спасти их. Они перекинут мост через Бездну и пройдут по нему, проторив дорогу на другую сторону Бесконечности...

Андрей Ливадный Мост через бездну

Пролог

Киберпространство безгранично.

Раньше, в далекую эпоху, когда человечество еще не перешагнуло границ Солнечной системы, подобный постулат можно было оспорить: при всем многообразии компьютерная сеть планеты Земля все же имела определенные физические рамки, но уже тогда проявилось главное свойство виртуальной реальности, – отключившись от компьютерных мощностей, человек еще некоторое время продолжал в своих мыслях жить впечатлениями искусственно созданных Вселенных. Он уносил с собой частицу *нереального*, осознавая ее как новое впечатление.

Так, день за днем, год за годом, в ритме стремительного развития телекоммуникационных и компьютерных технологий, формировалось новая среда, которую позже назовут единым информационным полем цивилизации.

Вселенная, где обитает не тело, но разум.

Впрочем, пути развития человечества определялись не только успехами в области кибернетики.

После открытия феномена гиперсферы, наступила эпоха Великого Исхода, когда сотни колониальных транспортов покидали Солнечную систему, унося людей к далеким, неведомым звездам. Это случилось в двадцать третьем веке, а спустя четыреста лет грянула Первая Галактическая война.

Вехи истории… Они неразрывно связаны с дальнейшим, зачастую взрывообразным развитием кибернетических технологий. Космос предъявил к людям жесточайшие требования, в виде тысяч новых угроз, но самым мощным импульсом для развития высоких технологий послужила война. Полувековое противостояние Земного Альянса и Колоний заставило обе противоборствующие стороны стремительно развивать не только тяжелую промышленность, но и наукоемкие производства, создавая все новые, более изощренные, совершенные виды машин, разрабатывать и внедрять средства межзвездной связи, функционирующие на основе гиперпространственных передатчиков, получивших название Станций Гиперсферной Частоты (сокращенно «ГЧ»).

Война, как крайняя форма человеческих взаимоотношений ужасна, но многолика. С одной стороны она сеет смерть, горе и ненависть, с другой является недюжинным двигателем прогресса. Конфликт Земли и Колоний

дал человечеству не только межзвездную связь: в период с 2609 по 2659гг были разработаны первые безопасные импланты, соединяющие мозг человека с компьютером, а сами кибернетические системы в условиях непрекращающейся ни на миг «борьбы умов», были доведены до той степени самодостаточности, быстродействия и надежности, когда отдельно взятые машины или компьютерные комплексы могли годами исполнять свои функции в режиме жесткой автономии.

Именно война породила мыслесканер Джедиана Ланге, и печально знаменитые кристалломодули «Одиночек», которые содержали на своих носителях не только боевые программы для управления сложнейшими серв-машинами, но и частицу человеческого разума: искусственный интеллект «Одиночек» посредством прямого нейросенсорного контакта перенимал уникальный опыт пилотов, и пользовался им, не только воспроизводя, но и совершенствуя несвойственные для машин тактические приемы…

К концу Первой Галактической баланс между людьми и машинами давно перешагнул за грань фола. Казалось, что кибернетические системы довершат начатый людьми процесс взаимного истребления и останутся единственными победителями…

Этого к счастью не произошло.

Падение Земли поставило точку в полувековом противостоянии, а спустя столетие на базе Союза Свободных Колоний была создана первая Конфедерация Солнц, объединившая десятки человеческих миров.

Начался новый созидательный виток истории, в течение которого созданная во время войны технологическая база приобрела иную направленность. Станции Гиперсферной Частоты успешно связали между собой освоенные системы, удаленные на десятки, а иногда и на сотни световых лет друг от друга, создав единое информационное пространство, доступное для всего человечества.

Сеть Интерстар опутала звезды, дав людям возможность вновь почувствовать себя единой цивилизацией. Технологии имплантации к тому времени уже распространились повсеместно, без выхода в виртуальную среду ни один человек не мог более или менее эффективно работать: по статистике на каждого гражданина Конфедерации приходилось более тысячи сложнейших кибернетических систем, прочно внедренных в быт и производство. Контактировать с ними приходилось ежеминутно, поэтому стандартные импланты для прямого нейросенсорного обмена данными между человеческим мозгом и машинами вживлялись каждому новорожденному в первые дни жизни младенца.

Люди, зачастую не отдавая себе отчета в глобальности происходящих на их глазах процессов, шагнули на следующую ступень эволюционного развития.

Теперь разум индивида, не ограниченный межзвездными расстояниями, многократно усиленный за счет вычислительной мощности контактирующих с ним машин, получил, наконец, возможность к реализации всех заложенных в него природой потенций… однако, процесс сближения человека и компьютера, взаимопроникновение биологической и кибернетической составляющей оказался растянут на столетия: все вершилось плавно, проходя на уровне обыденности, без острого осознания революционной глобальности перемен.

В этом таилась серьезная опасность.

Безусловно, большинство граждан Конфедерации Солнц, используя киберпространство для работы или отдыха, вели обычную повседневную жизнь, воспринимаемую как данность… однако потенциальные возможности человеко-машинных комплексов несли не только информационный комфорт, они открывали миллионы новых возможностей, создавали идеальные условия для глубочайших научных исследований, которые теперь мог выполнить одиночка, – главное чтобы он осознавал, какую власть над материальным миром получил человек.

Казалось, этого не понимают даже в Совете Безопасности Миров: тяжкое наследие Галактической войны продолжало довлеть над рассудком власть предержащих. Такой однобокий подход невольно сконцентрировал всю систему запретов и сдерживаний в мире материальном, оставив необъятное и фактически анонимное киберпространство без надлежащего контроля.

В послевоенный период человечество начало бурное освоение новых планетных систем, и уже третья волна Экспансии выплеснулась за пределы обитаемого космоса: появились сотни новых колоний, которые в первую очередь старались обеспечить себя станцией ГЧ, следовательно – включались в сеть Интерстар, без связи с которой уже не мыслилась ни эффективная гиперсферная навигация, ни успешное развитие молодых колоний.

Именно там, на Окраине освоенного космоса, сконцентрировался пестрый конгломерат из ученых, авантюристов, молодых представителей бизнеса, которые в большинстве являлись одиночками, далекими от размеренного планомерного быта. Они жаждали многого, и единое информационное поле давало им возможность к самореализации.

Так возник феномен Зороастры – планеты, где группа ученых-

генетиков переподчинила своим целям биосферу дикого, враждебного мира, путем генной инженерии создав из его исконных обитателей послушных биологических роботов; там же, на Окраине в послевоенный период по воле одного человека была организована и начала свою деятельность корпорация «Галактические Киберсистемы», быстро наполнившая рынок робототехники дешевой продукцией, сомнительного этического толка.

Существовали еще сотни примеров, когда люди, используя свои новые возможности и единую информационную инфраструктуру сети Интерстар, совершали уникальные открытия или воплощали проекты, которые раньше были по силам разве что целым научно-исследовательским институтам наиболее развитых планет.

Рынок робототехники постоянно пополнялся сотнями новых совершенно непохожих друг на друга образчиков кибернетических систем, появились первые биороботы, созданные на основе клонов человека, и это, наконец, послужило тревожным сигналом: ни силовые структуры Конфедерации Солнц, ни юридические санкции Совета Безопасности уже не могли дать эффективных результатов, – процесс развития новых технологий вошел в неуправляемую фазу, когда выяснилось, что власть человека над законами природы давно перешагнула черту разумной дозволенности и насущной необходимости.

Некоторые технологии, напрямую связанные с кибернетикой, оказались во много раз опаснее, чем аннигиляционная установка «Свет» – самое разрушительное оружие минувшей Галактической войны.

Закон «О правах Разумных Существ», обязательное лицензирование всех новых разработок, печально знаменитый разгром Зороастры, падение корпорации «Галактические Киберсистемы», ограничение на количество нейромодулей и имплантов, которыми может обладать индивид, – все явилось мерами оправданными, но запоздалыми. Они навели относительный порядок на рынке робототехники, установили допустимый уровень «киборгизации» человека, но само киберпространство осталось прежним – необъятным, доступным и анонимным – его не посмели тронуть, слишком важную роль играла сеть Интерстар в единении человеческих миров.

Люди по-прежнему продолжали осваивать новые солнечные системы, Экспансия вплотную подошла к Рукаву Пустоты – пространству без звезд, где некогда обитали разумные расы древнего космоса, частично уничтоженные, а частично вытесненные в неизвестном направлении миграцией загадочных Предтеч, – представителей малоизученной

космической формы простейших живых существ.

На некоторое время Галактическое сообщество отвлек от животрепещущих внутренних проблем поток таинственных открытий и загадочных артефактов, хлынувший на рынки из смертельно опасных пространств Рукава Пустоты.

Постепенно год от года перед взором потрясенного человечества раскрывались подробности трагедии трехмиллионнолетней давности, которая, как казалось, полностью уничтожила три древние расы, оставив после себя полный опасностей и артефактов Рукав Пустоты.

Люди не предполагали что в глубинах Рукава скрыто от посторонних глаз шаровое скопление звезд, где порабощенные Харамминами – исконными хозяевами скопления – до сих пор обитают две древние расы: Инсекты и Логриане, а за людьми вот уже более полувека наблюдают внимательные глаза голубокожих гуманоидов.

…

Сейчас все вышеперечисленное уже принадлежит новейшей истории. После атаки Харамминов на центральный узел сети Интерстар, человечество, вмиг утратившее межзвездную связь, заглянуло в глаза информационному вакууму, который для сообщества сотен миров означал медленную деградацию.

Столкновение с Харамминами получило название «Семидневной Войны» в результате которой было заново открыто шаровое скопление звезд, а центральный узел сети Интерстар восстановлен на базе древней сверхмашины расы Логриан – так называемого Логриса.

Теперь информационные потоки человеческой сети текли по периферии виртуальных вселенных, где обитали разумы древних существ; с шарового скопления сняли вуаль забвения, которую обеспечивали искривляющие метрику пространства устройства, а в новую, возрожденную Конфедерацию Солнц вошли две ксеноморфные расы.

Такова краткая предыстория современного киберпространства, которое в реальности объединяет две компьютерные сети – человеческий Интерстар и древний Логрис.

Мы по-прежнему безудержно движемся вперед, не замечая того, что в границах освоенного космоса, словно копируя печально знаменитый Рукав Пустоты, после нас остаются самые настоящие артефакты, – обломки разгромленных корпоративных оплотов, кладбища кораблей, времен Первой Галактической, неудавшиеся колонии, и везде, где ступала нога человека, теплится, порой не заявляя о своем существовании, искусственно созданная жизнь.

Машины, способные ждать веками, тысячелетиями пока кто-либо вспомнит о них… или они сами пройдут собственный путь развития и заявят о себе…

Это похоже на движение по краю пропасти.

Мы уже не можем остановить Экспансию: человечество разрослось, обрело многообразие, видоизменяясь под воздействием биосфер различных планет, и единственное, что осталось у нас общего, – это единое информационное поле, киберпространство, границ которого, после слияния с древним Логрисом, теперь уже не сможет очертить никто.

Мы, по сути, давно живем в двух параллельных вселенных, каждая из которых имеет свои законы.

С одной стороны это мир физический, который принято обозначать термином «реал», а с другой – фантомное пространство, виртуалка, в контакте с которой неизбежно и ежеминутно находятся разумы миллиардов людей.

Две вселенных две жизни, два образа мышления, две возможности реализовать себя – каждый выбирает свой путь, самостоятельно балансируя «на грани» или срываясь в пропасть…

…

И последнее, но главное, о чем стоит упомянуть: какие бы замысловатые формы не принимало развитие отдельных человеческих анклавов, мы по-прежнему остаемся людьми. Нами, в отличие от машин управляет не только рассудок, но и чувства. Мы разные, и каждый, либо отдаваясь бурному течению страстей и желаний, либо обуздывая их, создает свою неповторимую линию судьбы.

Эти тонкие, животрепещущие линии могут показаться ничтожными, ничего не значащими в общем потоке исторических событий, но порой, сплетаясь воедино, несколько человеческих судеб способны, если не изменить ход истории, то написать ее яркие страницы.

Древние как мир чувства по-прежнему движут нашими поступками, но, опираясь на современный уровень знаний и технические возможности, эти порывы, простые и понятные в своей изначальной сути, могут вести к глобальным последствиям.

Любовь и ненависть, нежность и ярость, логика и безрассудство, надменность, жадность, стяжательство и альтруизм… – мы живем этим, но в наших руках уже не корявый сук, с заклиненным в навершии осколком кремния… и не мотыга, способная превратить бесплодный клочок земли в маленький садик.

Мы вооружены знаниями, последними достижения робототехники,

нам доступен весь обитаемый космос и бесконечные вселенные Интерстара, и когда этой мощью начинают двигать страстные порывы отдельных людей, происходят глобальные события.

Какие?

Это зависит от нас самих.

Уничтожить цветущий мир, вернуть во вселенную ужас, или построить хрупкий мост через бездну пространства и времени – мы способны на все… потому что мы люди, самые дерзкие и непредсказуемые существа в доступной осмысленному взору части мироздания.

Часть 1. ГРАНЬ МИРОВ

Глава 1.

Неизвестная точка пространства.

Военно-космическая база Конфедерации Солнц…

Четыре сферические секции станции, соединенные между собой жесткими тоннелями стационарных переходов, висели во мраке пространства.

Далекий свет миллиардов звезд не мог ни осветить, ни согреть конструкцию, отданную во власть вечного холода.

В прямом смысле этого слова, потому как здесь получили свое второе воплощение технологии, не применявшиеся в таком масштабе со времен галактических войн.

Четыре сегмента тюремных блоков поделенные на множество одинаковых отсеков напоминали мрачную усыпальницу. В отсутствии дежурного освещения мрак отсеков разгоняли лишь немногочисленные индикационные огни на панелях управления криогенными камерами. Царство автоматики, удаленное на световые годы от ближайшей звездной системы, не нуждалось в многочисленном обслуживающем персонале. Взвод охраны, сменные бригады врачей и компьютерных техников, в общей сложности насчитывали в своем составе шестьдесят человек.

Первая криогенная тюрьма исправительного типа проектировалась с учетом вероятных посягательств извне: она считалась неприступной. Расположенная в глубоком космосе, оснащенная самыми современными средствами защиты, станция действительно являлась крепостью, для эффективной атаки которой потребовался бы целый флот.

Эти утром (по меркам внутреннего суточного расписания) сюда доставили очередную партию заключенных, которые, во избежание утечки информации и различного рода эксцессов, спали в транспортных криогенных контейнерах.

Корабль, доставивший партию преступников, приговоренных к высшей мере наказания, принял на борт два низкотемпературных саркофага с освобождаемыми, и взял курс на планету Кьюиг, где располагался реабилитационный центр.

Там бывшие преступники очнуться от сверхглубокого сна.

Много лет они спали, в ледяной тиши своих камер, а на их заторможенный разум воздействовали специальные переобучающие программы, которые час за часом, день за днем, меняли психологическую

карту личности, вытесняя из памяти все, связанное с преступным прошлым, оставляя лишь воспоминания детства, да искусственно сформированную картину последующей жизни, которая, к примеру, едва не оборвалась в автомобильной или воздушной катастрофе.

Секретный проект давал превосходные результаты.

Бывшие рецидивисты становились нормальными членами общества, – сомнительная «кара» за совершенные злодеяния, но у военных, проводящих исследования, имелись свои далеко идущие цели и собственный взгляд на этику. Пока что эксперимент находился в начальной стадии, – он еще не приобрел того масштаба, когда по статистическим результатам можно будет судить о его окончательном успехе либо провале, и двигаться дальше – от опытов по перевоспитанию закоренелых преступников, к иным, необходимым для армии и флота направлениям исследований. В криогенной тюрьме военные специалисты накапливали опыт, на основе которого в ближайшем, либо далеком будущем будут созданы скоротечные, но эффективные программы обучения, психической реабилитации после ранений, или же специальной подготовки с применением технологий сверхглубокого сна.

…

Планета Аллор.

Вечер 30 марта 3827 года по галактическому календарю.

Парадный подъезд здания колониальной администрации сектора Окраины.

Генрих Владимирович Доргаев покидал свой офис в прекрасном расположении духа. День прошел удачно во всех отношениях, да и вечер обещал быть приятным: поздний брак имел свои неоспоримые прелести.

Три десятилетия он упорно двигался к заветной цели, и вот, похоже, вершина близка, карьера состоялась, он имел власть, деньги, – все, что обеспечивало положение в обществе и высокий социальный статус. Теперь он мог позволить себе находить маленькие удовольствия там, где раньше они не замечались. Например, отказаться от охраны (зачем она в самом сердце корпоративной Окраины, где сферы влияния строго поделены между чиновниками Колониальной Администрации, лоббирующими интересы какой-то определенной финансово-промышленной группы?) и самому сесть на место водителя шикарного монофункционального «Гесселя», сочетающего в себе функции автомобиля-внедорожника и флаера, не спеша вывести машину из подземного гаража и медленно ехать по ярко освещенным транспортным артериям разросшегося города,

предвкушая вечер, который он собирался провести с молодой женой в одном из элитарных клубов…

Сдавленно пискнув, сработала система опознания, – датчики машины уловили приближение хозяина, разблокировав двери.

Генрих Владимирович дождался, пока водительская дверь услужливо скользнет в сторону, открывая отделанный натуральной кожей салон.

Да, определенно жизнь в последнее время обрела новый вкус. – Подумал он, прикосновением пальца активируя бортовую систему навигации.

Он не услышал шороха на заднем сидении, лишь болезненно почувствовал, как холодный ствол импульсного пистолета больно вдавил кожу на затылке.

Дано позабытое чувство страха нахлынуло волной бесконтрольной дрожи, тело моментально покрылось липкой отвратительно испариной, когда за спиной раздался хриплый, смутно узнаваемый голос, прозвучавший в унисон вкрадчивому шелесту электромагнитного затвора:

– Ну что, Генрих, вот мы и встретились вновь.

Он буквально онемел, мышцы вдруг спонтанно расслабились, превращая грузноватое тело в подобие мешка, набитого плотью.

Не было сил скосить глаза на экран заднего обзора, – воспоминания одно за другим рванулись из темных глубин памяти, и он вдруг понял, что сейчас, в эту минуту, может рухнуть все, к чему он так упорно стремился на протяжении двух десятилетий.

– Не забыл, значит, мой голос. Похвально.

– Что… Что ты хочешь?…

– Задать тебе пару риторических вопросов.

Генрих все же не удержался, скосил глаза на миниатюрный стереомонитор.

Фрайг… Это был ОН. Такой же молодой, беспощадный, уверенный в себе, как и два десятилетия назад.

В криогенной камере не стареют,– пришла тоскливая, похожая на смертный приговор мысль.

– Не можешь поверить своим глазам? Да, в каком-то смысле ты оказал мне услугу, сдав полиции. Теперь ты жирный, трясущийся и старый, а я по-прежнему молод. И, вопреки твоим ожиданиям, не развожу цветочки в поселении реабилитационного центра на Кьюиге. Двадцать лет… Это очень много Генрих, но в нашем деле нет срока давности, верно?

– Ты убьешь меня? – Сиплый вопрос вырвался вместе с выдохом, сам собой.

– Не знаю. – Жестко усмехнулось изображение в стереомониторе. – Руки, конечно, чешутся. Только я спрашиваю себя: какой толк пачкать хорошую машину твоими мозгами? Не слишком ли легко ты хочешь ускользнуть от возмездия?

– Анжи, времена беспредела прошли. – Хрипло выдавил Генрих, в наивной, нелепой попытке повлиять на призрака, материализовавшегося, как худший из ночных кошмаров, на заднем сидении его «Гесселя».

Отказался от охраны идиот… Поверил в собственную неприкосновенность?…– Подумал он, с усилием выдавив из пересохшего горла несколько тщетных фраз:

– Ты на Аллоре, Анжи, а он изменился… Теперь тут не стреляют по ночам. Давай смотреть на вещи трезво… – Доргаев говорил, глядя на свои побелевшие пальцы, судорожно вцепившиеся в подлокотники водительского кресла. – Может я и виноват перед тобой, но ты же понимаешь: в моих силах урегулировать все вопросы и недоразумения… я готов загладить ошибки прошлого…

– Маленькая поправка, Генрих. – Ствол больно надавил на затылок, – Речь идет не об ошибке. Ты сознательно сдал меня, а потом похлопотал, чтобы памятью твоего компаньона занялись военные. Ты вышел сухим из воды, отправив меня в криогенный гроб, на двадцатилетнее промывание мозгов. Могу тебя расстроить: я оказался исключением из правил. Что-то не сработало в их системе, и моя личность осталась со мной.

Генрих едва сдержал рвущийся наружу стон.

Он слишком хорошо помнил их совместный «бизнес». Анжи был убийцей, отморозком, каких надо еще поискать на дикой Окраине; он же всегда стремился выбраться из криминальной среды, встать выше ее. Собственно события двадцатилетней давности были направлены именно на это – завязать с диким бизнесом, сохранив полученные от него деньги, и начать карьеру политика.

– Я дорого заплатил за твое кресло в Управлении Колониальной Администрации. – Словно прочитав его мысли, жестко произнес Фрост. – И ты вернешь мне этот долг с лихвой. Ну а что касается беспредела, – все в этом мире относительно, вот увидишь. И ты будешь принимать самое деятельное участие в реинкарнации прошлого. – Все же двадцать лет информационного прессинга не прошли для разума Анжи бесследно, – он перемежал свою грубую речь такими словами, которых раньше попросту не знал, но это, к сожалению, не меняло сути его намерений.

– Если что-то пойдет не так, как я спланировал, клянусь: Аллор захлебнется в крови. А теперь давай, поехали.

– Куда? – Хрипло спросил Генрих.

– У меня назначена встреча на десять вечера. С группой молодых ребят, которым не по нутру тихий и благополучный Аллор, как и вся Окраина, которую вы поделили между собой. От кого ты получаешь деньги?

– Промышленная группа «Эхо». Мощнейшая корпорация Окраины.

– Теперь будешь работать не за деньги, а за свою жизнь. На меня. К Фрайгу все промышленные группы, поехали.

* * *

Он все еще надеялся на чудо, когда «Гессель» съехал со скоростной трассы на дорогу, ведущую прочь от города к небольшим поселениям агротехнических станций.

Ствол пистолета больше не давил на затылок, но Генрих незримо ощущал его, хотя и начал немного успокаиваться: в конечном итоге, Анжи не убьет его, а постарается использовать в своих интересах. Может быть все обойдется, если, конечно не злить Фроста…

Генрих включил дальний свет. Они оба помнили ту пору, когда здесь под порывами ветра волновалось янтарно-желтое море аллорских Лактиний – ядовитых для человека растений, образующих густые, непроходимые заросли. Теперь по обе стороны от дороги простирались возделанные поля, принадлежащие какой-то частной агротехнической фирме.

На приборной панели Гесселя моргнул и погас красный индикационный сигнал.

Ага… Вот ты и попался Анжи…– Подумал Доргаев, заметив, как автоматически включилась система спутникового контроля. Он покинул пределы города, и бортовой компьютер послал соответствующий сигнал на пульт централизованной охраны. Сейчас меня начнут вызывать на радиочастоте.– Генрих незаметно коснулся сенсора, отключив связь.

Лишь бы они правильно истолковали мое молчание.– В эти минуты он готов был молиться, чтобы на его поиски послали людей из специального отдела, а не обыкновенных блюстителей порядка. Если они налетят с воем сирен, светом прожекторов и проблесковыми вспышками своих мигалок, Анжи точно застрелит его. Риск был огромен, но Генрих уже потерял ощущение реальности. Все стер затопивший сознание страх. Не разум управлял событиями, – наоборот, обстоятельства влекли рассудок в пучину,

в точности, как это зачастую бывало два десятилетия назад. Да, именно так… время будто бы вернулось назад, вновь окатывая его волнами бесконтрольной дрожи. Вцепившись в манипуляторы ручного управления «Гесселя», Генрих в эти секунды вспомнил все: ночные поездки, осунувшееся лицо, изматывающую бессонницу, трупы конкурентов…

…Высоко в небе, на миг затмив звезды, промелькнула беззвучная тень флайбота[1], двигавшегося в режиме антигравитационной тяги.

Генрих уловил этот спасительный знак, и чувство внезапного облегчения смешанное с ужасом, который не отпускал ни на секунду, воздействовало на него как оглушительный удар, – руки стали ватными, а мочевой пузырь едва не расстался со своим содержимым.

Анжи запретил ему включать автопилот, и резкая смена состояния водителя сразу же сказалась на поведении «Гесселя» – машина вдруг вильнула, потеряв управление и начала съезжать в обочину.

Благо скорость была небольшой и бампер мощного внедорожника мягко ткнулся в расположенные вдоль насыпи отбойники, снабженные подушками из пенорезины. «Гессель» вздрогнул, вбирая удар, покачнулся, опасно кренясь, но не перевернулся, остановив свое скольжение у третьей по счету секции.

Все произошло в считанные мгновения, – Доргаев потерял контроль над машиной в тот миг, когда командир группы быстрого реагирования, просмотрев данные со сканеров, пришел к выводу, что высокопоставленный чиновник колониальной администрации взят в заложники. На заднем сидении «Гесселя» четко просматривался тепловой контур вооруженного человека.

– Огонь на поражение. – Приказал он стрелку.

Короткая очередь, хлестнувшая по машине, не достигла своей цели. В состав группы немедленного реагирования входили только профессиональные бойцы, но даже самый опытный снайпер не способен учесть внезапного изменения обстановки в момент, когда палец уже коснулся сенсорной гашетки огня… и бронебойные пули, предназначавшиеся сидящему сзади террористу, прошили лобовое стекло вильнувшего к обочине внедорожника…

– Дьяволы Элио!… – Выругался командир. – Снижаемся. Быстро!… – Приказал он пилоту.

Когда тень полицейского флайбота беззвучно пронеслась над расстрелянным «Гесселем», Анжи уже не было в салоне. Низко пригибаясь, он напрямик бежал через поле, к приземистым постройкам расположенной

неподалеку фермы.

Две пули пробили тело его бывшего компаньона, застряв в спинке сидения, снабженного встроенной бронепластиной. Прежде чем выскочить из машины он успел просунуть руку и достать из внутреннего кармана Генриха толстый бумажник. На Окраине, в отличие от центральных миров Конфедерации, все еще оставались в ходу наличные деньги, в чем он смог наглядно убедиться, добежав до первой постройки фермы.

Кроме удостоверения личности и кредитных карточек, в заляпанном кровью бумажнике обнаружилась изрядная сумма наличности в крупных, мерцающих купюрах банка Галактика-Центр.

Хватит на первое время.

Теперь после внезапной смерти Генриха у него оставался один путь – как можно быстрее покинуть Аллор, и попытаться достичь системы Ганио, – «Колыбели Раздоров», как в просторечье называли третий спутник звезды Халиф. Только там он сможет чувствовать себя в относительной безопасности.

Путь к космопорту был заказан, – это Анжи понимал, но у него в рукаве оставался последний неиспользованный козырь. Он никогда не доверял своим компаньонам или подельникам, – можно называть как угодно, и двадцать лет назад, Генрих даже не подозревал, что у Анжи есть свое движимое имущество, разделенное на два компонента.

Одна часть в виде небольшого отделяемого модуля была скрыта в глубинах аллорской сельвы, вторая – транспортный корабль класса «Элизабет-Сигма» – замаскирован среди останков разрушенного рудоперерабатывающего комплекса в двух световых секундах от планетных орбит.

В то время как полиция будет искать его в городе, Анжи собирался направиться в прямо противоположном направлении. Нужно только раздобыть защитный костюм, и выждать пару дней, чтобы улеглись страсти по Генриху.

В конце концов, жизнь загоняла его и в более сложные ситуации, так что Анжи особо не нервничал, пересчитывая обнаруженные в бумажнике банкноты.

Импульсный пистолет, деньги и твердая воля в достижении целей, что еще нужно человеку, чтобы выжить в условиях дикой Окраины, на которую за минувшие двадцать лет лег лишь тонкий налет цивилизации?…

* * *

Проблесковые маячки полицейских флайботов разгоняли тьму, бросая вокруг прихотливые пятна голубого и красного, играли удлиняющимися тенями, то скрадывая, то резко выделяя силуэты людей суетившихся подле застывшего у придорожного отбойника «Гесселя».

– Паршиво сработали… – командир группы немедленного реагирования поискал глазами, куда бы выкинуть окурок, а потом просто отправил его щелчком пальцев за линию лазерного ограждения, обозначающую периметр места происшествия.

– Кто знал, что он потеряет управление. – В тон ему ответил стрелок. – Теперь всех собак на нас повесят.

– Ты вот, что, Володя… – командир оглянулся по сторонам, отыскал взглядом только что прибывшего старшего офицера полиции и добавил: – Давай, поднимай машину, попробуй отыскать этого придурка, который заставил Долгаева выехать за городскую черту. Он убегал по зеленке, в сторону агротехнической фермы. Стреножишь его – может еще и отбрешемся. А я пока поговорю с офицерами, чтобы не дергались до времени с докладами и выводами.

– Добро, командир. – Лицо снайпера просветлело. – Пешком ему не уйти далеко. И от сканеров он не спрячется.

– Давай, действуй.

* * *

Вопреки мысленным оценкам покойного Генриха, Анжи являлся не худшим и не лучшим представителем того поколения, что родилось и выросло в колониях Окраины, в период полного безвластия, когда первая Конфедерация тихо скончалась, а новый союз обитаемых миров еще не был образован.

Три десятилетия назад, когда Анжи впервые встретился с Доргаевым, оба были молоды, бедны, и озлоблены на жизнь. Что предлагала им реальность едва освоенных планет? Тяжкий рабский труд от зари до зари? Пропахшую потом и машинным маслом кабину старого почвоукладчика? Благо если б они принадлежали к поколению колонистов, добровольно эмигрировавших на дикие планеты, – тогда у них была бы цель, смысл, ради которого стоило терпеть все лишения и неудобства первых этапов освоения чуждой биосферы.

Дети и внуки колонистов не понимали своей вины: почему им

уготована недолгая, отвратительная жизнь? Зачем они должны загубить свою молодость в борьбе с агрессивными проявлениями чуждой жизни? Кто заранее распорядился их судьбой, не оставив места в перенаселенных городах, прилепившихся к космопорту планеты?

Два века назад колониальная политика Центральных Миров инициировала третью волну Экспансии. Развитые планеты вкладывали немалые средства в молодые колонии, но довести дело преобразования планет до логического завершения помешал развал Конфедерации. На Окраине вовсю расцвел дикий, не регламентированный какими-либо законами бизнес, где для достижения конечной цели казались приемлемыми любые средства. Колониальная Администрация сектора в ту пору являлась чисто номинальным учреждением, не имеющим реальной власти и рычагов воздействия на появляющиеся, словно грибы после дождя, коммерческие фирмы.

Выжить в таких условиях могли многие, а вот жить удавалось лишь единицам. Так что перспектив у Анжи с Генрихом было мало: либо рабский труд на одну из стремительно растущих корпораций, либо вербовка в небольшие частные армии, – основной аргумент в постоянно возникающих конфликтах интересов между отдельными промышленными группировками, делавшими огромные деньги на эксплуатации естественных ресурсов едва освоенных миров, либо нищенское существование на улицах перенаселенных, прилепившихся к бетонному ограждению космопорта барачных кварталов, возведенных первыми поселенцами.

Такой была Окраина, в ту пору, когда два молодых человека, воспитанные по ее суровым законам, решили, что место под солнцем можно только отвоевать.

Они не желали умирать за других, их не устраивало прозябание в бараках, а школа выживания, пройденная на улицах нищих поселков, подсказывала единственный путь наверх: насилие. Если не ты, то тебя…

Нет смысла описывать их совместную деятельность, которая началась с мелкого рэкета и разбоев, постепенно приобретая криминальный размах. Такими примерами изобилует не только история, но и наша жизнь. Важно понять, что рассудок Анжи два десятилетия проведший в плену низкотемпературного сна, неадекватно воспринимал реальность, он жил в прошлом, отторгая те перемены, что произошли на планетах Окраины за время его заключения.

Все изменилось, причем радикально. Из множества конкурирующих в прошлом фирм, большинство кануло в лету: теперь лишь пять корпораций

твердо контролировали сектор. Строго разделенные сферы интересов напоминали государственные границы, нарушение которых немедленно влекло за собой вооруженный конфликт между частными армиями.

Немалую роль в стабилизации положения дел на Окраине сыграло возрождение Конфедерации Солнц, а главное: ее военно-космического флота, – это вдохнуло практический смысл в функции Колониальной Администрации, – сюда на смену наемным убийцам пришли политики, качественно повысился глобальный уровень межпланетных взаимоотношений, исчезли мелкие группировки, и вооруженные банды уличной шпаны уже не решали злободневные вопросы по праву звериной силы.

На окраинных мирах был наведен относительный порядок. По крайней мере теперь сохранялась видимость соблюдения юридических и моральных норм, – об этом позаботились вооруженные силы промышленных гигантов, чье руководство было прямо заинтересовано в том, чтобы флот Конфедерации держался на разумном удалении от находящегося под их контролем сектора. Жизнь постепенно выравнивалась, появились рабочие места, стала развиваться инфраструктура городов, и новое поколение уже иначе смотрело на жизнь.

Всего этого не видел и не воспринимал Фрост.

Он при всем желании не смог бы принять тех перемен, о которых пытался намекнуть ему Генрих. Для этого нужно, как минимум, родиться заново, он же ощущал себя прежним – тридцатилетним, полным сил, энергии и холодной безжалостной ненависти ко всем и вся.

…Добравшись до первых построек аграрного комплекса, он без затруднений взломал ближайшую дверь, и проскользнул внутрь приземисто одноэтажного здания, которое оказалось автоматической фермой, предназначенной для выращивания натурального мяса. Клонированные животные с измененной генной структурой были похожи на безобразные, бесформенные горы плоти. Они не стояли, а лежали в отдельных зарешеченных камерах, постоянно поглощая пищу, которая подавалась автоматическими устройствами.

Анжи оглядел ярко освещенное помещение и нашел его вполне удовлетворительным для реализации ближайших замыслов. Он не строил иллюзий, понимая, что его будут искать, и обязательно найдут, – пешком далеко не уйдешь, да и скрыться от сканеров среди сельхозугодий задача практически невыполнимая. Иное дело тут, в животноводческом комплексе, где тепло мясных туш надежно гарантировало его от обнаружения термальной оптикой, да и датчики сердцебиения были бесполезны в этом

наполненном гипертрофированной жизнью помещении. Идеальное место чтобы обмануть погоню, ну а если они уже взяли его след, то… – Анжи усмехнулся, без брезгливости перелезая через решетчатый барьер – если его отследили до этого здания, то он готов, пусть заходят, а там посмотрим, кто окажется проигравшим.

Жесткие, мысли не несли возбуждения, они были холодны, словно двадцать лет заключения окончательно заморозили его душу, оставив циничный разум без контроля эмоций.

Либо ты либо тебя… Иного правила выживания Анжи не знал, да и не желал знать.

* * *

Владимир Успенский отчетливо видел след преступника, который вел через поля к агротехнической ферме.

Следы отпечатались на земле, они виднелись среди молодых посевов, сканеры флайбота ясно отслеживали каждый шаг неизвестного злоумышленника, который действовал с бесхитростной прямолинейностью: пробежав через поля, он укрылся в ближайшем здании.

Наверное, сильно напуган. – Решил Владимир, постепенно снижаясь, с таким расчетом, чтобы системы слежения указали ему находиться преступник в здании или уже покинул его.

К его разочарованию результат сканирования не смог дать однозначного ответа на поставленный вопрос. В здании как нарочно, располагалась животноводческая ферма, и фоновое излучение сотен выращиваемых на мясо животных действовало на термальную оптику как сильная засветка, датчики движения и сердцебиения зашкаливало, однако характерный след взлома на дверях комплекса явно говорил в пользу того, что преступник затаился внутри.

Успенский не торопился. Действуя основательно, чтобы избежать повторной оплошности, он по очереди исследовал все выходы из здания. Убедившись, что они надежно заперты, а в окрестностях фермы нет свежих следов, он запустил в огромное помещение два автономных разведывательных зонда, снабженных, помимо иных средств обнаружения, миниатюрными видеокамерами.

Пять минут спустя, когда зонды дважды облетели помещение, он понял, что придется заходить туда самому, – тупые автоматы терялись в хаосе исходящих отовсюду сигналов, а их видеокамеры не смогли

обнаружить затаившегося человека среди бесформенных, постоянно жующих туш.

Посадив флайбот подле взломанных дверей, Владимир вошел в ярко освещенный цех.

Он присел, осматриваясь по сторонам. Успенский не волновался, – его тело надежно защищала пластичная броня, сплетенная из прочных металлокевларовых нитей, на миниатюрном дисплее проекционного забрала, соединенного с боевым процессором импульсной винтовки, застыла зеленоватая паутина координатно-прицельной сетки, дыхательные фильтры боевого шлема гарантировали легкие от попадания химикатов, зачастую применяющихся в производстве мясной продукции.

Неужели он не сможет отыскать испуганного беглеца, забившегося в какой-то из темных углов этого помещения? Главное – взять его живым, чтобы он смог дать нужные показания, иначе… – Владимир не хотел даже думать о последствиях, которые повлечет за собой обвинение в непредумышленном убийстве чиновника Колониальной Администрации.

Ну, где же ты?

…

Анжи находился рядом с Успенским. Он лежал, плотно прижавшись к изгаженному полу, под смердящей тушей растущего мяса, и сбоку смотрел на бойца группы быстрого реагирования.

Он даже мог различить выражение его лица сквозь полупрозрачное забрало компьютеризированного шлема.

Спокойное, уверенное выражение.

Анжи часто видел его на лицах иных, более крутых парней, уповающих на разные, но всегда ошибочные, завышенные оценки собственной неуязвимости.

Этот, похоже, свято верил в непробиваемость плотно облегающей тело брони и совершенство кибернетических систем своей экипировки.

Опасное заблуждение.

Анжи медленно, сантиметр за сантиметром, выпростал руку с импульсным пистолетом, изготовленным четверть века назад по его личному заказу. Имея в основе систему знаменитой «Гюрзы», оружие было усилено дополнительными электромагнитными катушками ускорителя, имело более длинный ствол, и снаряжалось тандемными кумулятивно-разрывными зарядами, исключающими ранения.

Только летальный исход. Анжи ненавидел, когда после его работы оставались свидетели.

…

Спустя пять минут из цеха агротехнической фирмы вышел человек в боевой броне.

Только это уже был не Успенский.

Теперь в распоряжении Анжи оказалась отличная защита от смертоносного воздействия сельвы и флайбот, который быстро доставит его в нужную точку неосвоенных людьми территорий.

Он всегда старался опережать своих противников, как минимум на один шаг. Пока полиция разберется, что к чему, он успеет отыскать спрятанный в глубинах сельвы посадочный модуль и совершить все необходимые предстартовые процедуры. С каждой минутой ему все меньше и меньше хотелось застрять тут, на Аллоре, где действительно произошли не очень-то приятные для него перемены.

* * *

Мир тесен.

Особенно на Ганио – подумал Анджей, входя ресторан, расположенный рядом с единственным космопортом «Колыбели раздоров».

Человек, на которого он обратил внимание, обегая цепким, изучающим взглядом полупустой зал, сидел лицом к двери, занимая самый дальний, неприметный столик, спрятанный за пыльной зеленью нескольких искусственных растений.

Фрост всегда обладал фотографической памятью на лица.

Пусть прошло два десятилетия, но его разум словно опытный дизайнер тут же отбросил лишнее, убрал обозначившуюся залысину, мысленно разгладил глубокие складки морщин на лбу и… увидел молодого парня, с которым когда-то сталкивался на Аллоре.

Кибрайкер[2]. Властелин компьютерный сетей.

Дрейк Дикс по прозвищу «Драйв», которого иногда называли просто – три «Д».

Вне сомнения это был он.

Что ж мир действительно тесен, и этому феномену всегда можно найти разумное объяснение. После тотальной зачистки Зороастры в обитаемом космосе осталась только одна система, способная приютить всех, кто когда-либо нарушал законы Конфедеративного Содружества. Звезда Халиф равнодушно согревала всех, начиная от местных уроженцев, до пестрого сонмища авантюристов и преступников всех мастей. Ничего удивительного – многие жизненные пути определенной категории людей

пересекались именно тут на Ганио.

– Привет Драйв… – Анжи бесцеремонно сел, весело посмотрев на Дикса, который хоть и пытался сохранить самообладание, но все-таки чуточку побледнел.

Да, уже не пугливый пацан, заматерел… Не чета Генриху, который совсем разучился держать удары.

Впрочем, чего пугаться Диксу? Призраков он явно не боялся, долгов за ним не значилось, тогда с какой стати побледнел?

– Я тебя не знаю. Убирайся. – Дикс окинул Анджея твердым взглядом серо-стальных глаз, от которых лучиками разбегались мелкие морщинки, и добавил:

– Ты обознался.

– Вот как? – Бровь Анжи угрожающе поползла вверх. Он не терпел, когда ему грубили.

Некоторые реакции уже невозможно искоренить. Они машинальны, как дыхание.

Рука с импульсной «Гюрзой» резко взметнулась вверх, поднимая ствол, покрытый вздутиями электромагнитных катушек, на уровень переносицы Дикса.

– Освежим память? А заодно поучимся вежливости? – Зловеще предложил Анджей.

Взгляд Драйва стал не серым – свинцовым.

– Попробуй. – Коротко обронил он в ответ.

Ну, ты сам напросился.

Фрост не терпел открытого противостояния. Рефлексы всегда оказывались выше рассудка: вот и сейчас палец самовольно сдавил бугорок сенсорной гашетки.

Ничего не произошло.

Электромагнитный затвор даже не дернулся, словно в руках оказался муляж импульсного пистолета.

– Ты отморозок Анжи. Кто-нибудь говорил тебе об этом? – Тихо, без угрозы произнес Дрейк, всего лишь констатируя факт. – Убери пистолет, пока я окончательно не сжег его электронику.

Анджей колебался ровно секунду. С одной стороны он понял свою ошибку, – нельзя было забывать, что тот пацан, которого он помнил, еще тогда, в свои двадцать пять, являлся незаурядным, талантливым кибрайкером, который умудрился сделать себе несколько незаконных имплантаций, и частенько выкидывал фокусы с подключаемыми к собственному рассудку кибермодулями, вытворяя с их помощью

невероятные вещи…

С другой стороны он мог отложить пистолет и задушить наглеца голыми руками.

Тут, наконец, в мысленный спор вмешался здравый смысл.

Он, несомненно, узнал его.

Не мог не узнать.

Анжи опустил «Гюрзу» хмуро осведомившись:

– Оружие будет работать?

– Я его не ломал, – пожал плечами Драйв.

– Хорошо. – Анжи сел. – Я погорячился.

Обстановку разрядил официант. Смуглый уроженец Ганио подошел к их столику в сопровождении старого дребезжащего бытового механизма и спросил на скверном интеранглийском:

– Господа будут заказывать?

Анжи вопросительно посмотрел на Дикса.

– Ты ждешь кого-нибудь?

Нет, – отрицательно покачал головой Драйв

Анжи пробежал взглядом по строкам меню, которое высвечивало информационное табло кибермеханизма, коснулся сенсоров напротив названия выбранных блюд и сунул в руку ганианцу мятую купюру достоинством в десять кредитов.

– Последи, чтобы нас никто не беспокоил.

Такой язык был понятен на Ганио. Господа хотят спокойно поговорить. Что ж, за десять галактических кредитов он лично встанет на страже, временно отложив обязанности официанта.

– Ну, наконец-то я вижу людей, уважающих деньги. – Проворчал Анжи, глядя вслед ганианцу, который уже подсуетился: к их столику через весь зал несли еще несколько разлапистых и пыльных пластиковых растений, чтобы соорудить из них нечто напоминающее отдельную кабинку.

– Мог бы не беспокоиться по мелочам. – Усмехнулся Драйв. – Нас и так никто не услышит. – Он поднял взгляд и добавил: – Я вижу, ты не изменился, ни внешне, ни внутренне. Криогенная камера? – Проницательно осведомился он. – Помниться на Аллоре ходил упорный слух, что Генрих тебя подставил.

– Он уже ответил за все. – Мрачно осведомил его Анжи. – Сполна.

Дикс кивнул, вполне понимая, что такое утверждение невозможно истолковать двояко.

– Ты прав, я действительно провалялся двадцать лет в ледяной

могиле. – Анжи вытащил пробку из изящного ганианского сосуда, наливая себе и Диксу. – Ты слышал что-нибудь о криогенной тюрьме, где военные занимаются промыванием мозгов таким как я?

– Нет.

– Она расположена где-то в глубоком космосе. Оттуда выходят паиньками, можешь мне поверить. Видел бы ты «исправившихся» – они с дебильной радостью копаются в земле, на агрофермах реабилитационного центра Кьюига. Для наглядности можешь вообразить меня, подстригающим живые изгороди. – Он залпом выпил и налил себе еще. – Как воображение? Работает?

Дикс кивнул. Воображение кибрайкера было отменным. Он хорошо понимал, что подразумевает Анджей под «промыванием мозгов». Ему подобная процедура светила давно, дело у вставало лишь за малым, – поймать Дрейка.

– Объясни Анжи, – задал он встречный вопрос, решив, что раз эта неожиданная встреча состоялась, то нужно хотя бы выжать из нее максимум полезной информации. – Почему ты не подстригаешь живые изгороди?

Фрост пожал плечами.

– Не знаю. Что-то не сработало в их системе. Когда я очнулся на Кьюиге, то первые несколько дней действительно вел себя как придурок. И, клянусь змеедами Прокуса, это меня спасло от повторной процедуры. – Хохотнул он, и тут же добавил:

– Это сейчас смешно, а когда я очнулся с лазерным секатором в руках, и понял, что подстригаю зелень подле нарядного домика, как заправский садовник – мне стало страшно. Первый раз в жизни я по-настоящему испугался, а потом… Что-то словно взорвалось в голове, возвращая память.

– Можешь на минуту расслабиться? – Неожиданно попросил Дикс.

– Расслабится? В каком смысле?

– Позволь соединиться с твоим имплантом? Может я пойму причину произошедшего?

– А ты можешь? – Губы Анджея исказила саркастическая, недоверчивая усмешка.

– Могу. – Спокойно отреагировал Дикс.

Фрост на миг задумался, а потом кивнул.

– Валяй. Мне самому интересно.

На некоторое время за столиком, отгороженным от остального пространства ширмой из искусственной зелени, воцарилась тишина. Дрейк закрыл глаза и сидел неподвижно, словно манекен. Анжи, с недоверием

смотрел на него, не ощущая никакого постороннего влияния на свой разум. Он никогда не понимал кибрайкеров. Люди, подобные Драйву, рассматривались им как инструменты для достижения определенных целей, – а как еще можно относиться к человеку, который добровольно пихает себе в башку с десяток кибернетических модулей, а потом грезит наяву, пребывая одновременно в двух пространствах, – реальном и кибернетическом.

Здесь Фрост ошибался. Его оценка пришла из прошлого, где он сталкивался с молодыми, только начинающими кибрайкерами, тем же Драйвом, например. Раздвоение личности после имплантаций действительно имело место, но оно проходило со временем… если кибернетические расширения не сводили своего хозяина с ума. Здесь шансы делились приблизительно пополам, – либо модули приживались в рассудке, либо происходило их отторжение, но не на физическом уровне, естественно.

Драйв неожиданно открыл глаза.

Его взгляд был ясным, совершенно не затуманенным, зрачки сужены, словно фокусировочное устройство в старых образцах ручных лазеров.

– Ты когда-нибудь слышал о мнемониках, Анжи?

– Нет – покачал головой Фрост.

– У тебя стоит стандартный имплант, – он вживлен при рождении?

– Смеешься? – Выглянул на него Фрост. – Я родился в бараках Аллора. Моя мать была проституткой. Отца я, к сожалению, не знаю.

– Значит, имплант ты получил позже. Где, когда и при каких обстоятельствах?

– Это допрос? – Насупился Анджей.

– Нет.

– Ладно. Поверю. – Фрост не любил когда ему что-то не договаривали, и потому предупредил: – Я отвечу тебе при одном условии – ты выкладываешь все, что узнал, как на духу. Иначе…

– Иначе не будет. – Успокоил его Драйв.

Фрост пожал плечами, немного расслабившись. В конце концов, чем он рисковал? Информация устарела как минимум лет на двадцать, а знать, что хрень твориться с его рассудком очень хотелось. Казалось, сама судьба организовала ему встречу с Драйвом, – Анджей так или иначе собирался искать специалиста, который объяснил бы ему некоторые аспекты неудавшегося насилия над его мозгом.

– Имплант мне вживляли в подпольной клинике Аллора. Там работал спец, сумевший улизнуть с Зороастры, перед зачисткой планеты. Он

вообще-то был генным инженером, а кибернетикой и нейрохирургией занялся поневоле, ради денег.

– И сколько ты заплатил ему? – Ухмыльнулся Драйв.

– Штуку кредитов. Стандартная цена импланта и операции. Он схалтурил, да?

– В том и дело, что нет. Видно твоего «дока» заела тоска по творческому прошлому. То-то мне и непонятно, вроде заурядный имплант, а кора головного мозга в сопрягаемом участке изменена.

– Что это значит? Моментально напрягся Фрост. Он всегда начинал нервничать, когда вопрос выходил за рамки его поверхностной эрудиции.

– Он не просто вживил тебе гнездо для нейросенсорного контакта с машинами. Ты же знаешь, генные инженеры Зороастры много веков отшлифовывали свои уникальные технологии. Тебе, одновременно с вживлением импланта, модифицировали участок церебральной коры, обособив его в отдельную нейросеть. Раньше я только слышал об этом, не более.

– Мне мало понятны твои рассуждения. Высказывайся проще.

– Он защитил твой рассудок от атак. Любая информация, получаемая через имплант, попадает в локальную нейросеть. Если твой разум осознанно не востребует ее оттуда, данные так и останутся локализованы. Идеальная защита от мнемонических ударов, особенно для тех, кто осведомлен о ее наличии. Ты должен был желать собственного перевоспитания, только тогда обособленный участок мозга передал бы закачиваемую через имплант информацию дальше.

Фрост нахмурился, размышляя над услышанным. Постепенно черты его лица начали разглаживаться.

– Дошло?

Анжи кивнул.

– Что я мог желать, засыпая в криогенном гробу? Разве что задушить тех ублюдков, которые сдали меня полиции.

– Вот-вот. Это и блокировало любую, навязанную извне информацию.

– Выходит, они проглядели измененный участок коры?

– А его никто и не искал. Думаю, эксперимент в этой тюрьме поставлен на поток, значит, им управляют машины, и начат он достаточно давно. Задолго до твоего ареста. Там уже не работают исследователи, все поставлено на накатанные рельсы, программы воздействия апробированы и считаются безотказными. Идет наработка статистического материала. Твой побег с Кьюига заставит их задуматься. Естественно, поднимут твою психосоматическую карту, найдут ошибку и…

– Что? Договаривай?

– Подумай сам. Тебя либо устранят, как нежелательно свидетеля экспериментов, либо постараются вернуть в лаборатории в качестве подопытного, что намного вероятнее грубого физического устранения. В твоей голове скрыта одна из утраченных технологий, достаточно серьезная, чтобы ради нее пойти на широкомасштабную акцию. Думаю, ты подвергаешь опасности суверенитет Ганио, находясь на планете. Если об этом узнают кланы, тебя сдадут Конфедерации. За вознаграждение разумеется. Или сюда забросят отряд спецназа, который аккуратно, без лишнего шума доставит беглеца обратно, в лаборатории.

– И что мне делать? – Хорошее настроение Фроста мгновенно улетучилось. – Залечь на дно? Сменить внешность?

– Не поможет. – Покачал головой Драйв. Если бы мы встретились пораньше, ну хотя бы спустя день-два после твоего побега из реабилитационного центра, я бы еще мог рискнуть покопаться в сети, чтобы вычислить эту станцию и подчистить информацию. Но, боюсь, они уже спохватились. Что ты сделал, когда окончательно пришел в себя?

– Использовал лазерный секатор по назначению. Подстриг пару охранников, потом рванул на Аллор к нашему общему знакомому, Генриху.

– И что стало с господином Долгаевым? – Заинтересованно осведомился Дикс.

– Умер. – Лаконично ответил Анжи. – Но я тут не при чем. Их снайпера из сил немедленного реагирования скверно стреляют. – Пояснил он.

– Короче – кровавый след. – Сделал очевидный вывод Дрейк. – И как далеко он тянется?

– Я не сильно наследил на Аллоре. Уложил одного крутого спеца, воспользовался его флайботом, и благополучно отбыл из системы, расконсервировав спрятанный еще двадцать лет назад транспортный корабль, который приобрел по случаю, незадолго до ареста.

– Класс корабля? – Дрейк неосознанно подался вперед.

– Обыкновенный грузовик «Элизабет-Сигма» со стертыми опознавательными маркерами.

– Это уже теплее… – Дикс впервые за все время разговора проявил настоящую заинтересованность. – Надеюсь, ты не пользовался услугами диспетчерской службы Аллора?

Фрост только фыркнул в ответ.

– Очень хорошо. Значит, у тебя есть фора дня в два, не больше. Если промедлишь, останется одно – застрелиться, по принципу: «не доставайся

же ты никому».

– Рехнулся? Не буду я стреляться. – Насупился Фрост. – Я им головы поотрываю, этим долбаным конфедератам.

– Это вряд ли… – Драйв машинально поддерживал разговор, напряженно размышляя о чем-то своем.

– У меня есть встречное предложение. – Внезапно произнес он.

– Ну?

– Я искал корабль для завершения одного очень интересного поиска. Там, куда я хочу попасть, тебя не сыщет ни один аналитик из отдела внешней разведки.

– Почему? – Усомнился Фрост.

– Потому что о нем попросту не знают. – Ответил ему Драйв. – С таким же успехом можно искать корабль, совершивший слепой рывок через аномалию.

Анжи задумался.

– Ты доверяешь мне?

– Хочешь полный расклад? – Усмехнулся Дрейк. – Откровенность за откровенность?

– Так будет справедливо.

– Ладно. Я не умею читать мысли, но могу попробовать их угадать, например, по выражению твоего лица. Ты сейчас думаешь о том, что будь у тебя хотя бы два десятка преданных парней и достаточно оружия, то стреляться пришлось бы кому-нибудь другому, верно?

Фрост кивнул, пораженный тем, насколько точно Драйв озвучил его обрывочные, порывистые мысли.

– Хочешь добраться до станции и разнести ее? – Продолжил развивать свои умозаключения Дрейк. – Тебе бы только узнать ее координаты.

– Да, Фрайг их всех раздери!…

– Твои стремления понятны. Теперь послушай что нужно мне. – Дикс внимательно осмотрелся, с таким видом, будто декоративная зелень не являлась серьезной помехой для его взгляда.

– Я несколько лет посвятил поискам одного забытого людьми места. Теперь, когда я отыскал его, мне срочно потребовался корабль, но средств на покупку в данный момент нет. Доверять ганианцам – это своими руками поставить жирный крест на деле, которое отняло у меня несколько лет жизни. Кланы слишком жадные и агрессивные. Когда они узнают что скрыто на планете, меня убьют.

– Потому и сидишь в припортовом кабаке? Ловишь фортуну за хвост?

– Приблизительно. – Кивнул Дрейк. – Наши цели в некотором смысле

совпадают. Огромный плюс: тебя ищут, значит, огласки не будет.

– Можно вопрос? – Перебил его Анжи. – Что там такого ценного на твоей планете? И где зарыт мой интерес?

– Это уже два вопроса, – усмехнулся Драйв. – Я отвечу на оба. Ты доставляешь меня по указанным координатам. Мы используем твой корабль для предварительной разведки и посадки на планету. Мои цели тебя не касаются, что до твоих стремлений, могу предложить в качестве оплаты столь необходимое тебе оружие, и надежных парней, способных грамотно его применить.

– Насколько надежных?

– На все сто процентов, Фрост. Я дам тебе киборгов, причем нестандартной боевой модификации, какую сейчас уже не сыщешь даже на черном рынке вооружений.

– Интересное предложение. Я бы сказал – заманчивое.

– И опасное. Прежде чем ты получишь обещанное вознаграждение, нам придется овладеть им. Я смогу это сделать – Дрейк выразительно провел ладонью по своей короткой стрижке. – Ты знаешь, чем я зарабатываю на жизнь. Пока тебя перевоспитывали, мир кибернетических технологий сделал качественный шаг вперед. Теперь уже мало кто пользуется устаревшими шунтами, – мои импланты оснащены несколькими устройствами дистанционной передачи данных, и при подключении соответствующих кибермодулей я могу перехватить управление машинами в радиусе от тридцати до пятидесяти километров, в зависимости от рельефа и прочих нюансов окружающей среды. Это без входа в сеть, напрямую, если говорить проще.

– То есть, ты предлагаешь мне рискнуть, довериться тебе, слетать неизвестно куда, и если все получиться, – а это не гарантировано, – то я, возможно, получу оружие и киборгов?

– Да. Они будут не очень приглядны, – за внешний вид не ручаюсь, но работоспособны. Важная деталь – эти машины никогда не предают своих хозяев. У них нет функций саморазвития и этических ограничителей.

– Дрейк, все это заманчиво, но я не работаю бесплатно. Вероятности оставим. Допустим, я готов рискнуть, но у меня есть встречное условие.

– Какое?

– Ты кибрайкер. Чутье подсказывает мне, что за твоей головой конфедераты охотятся с не меньшим рвением, чем за моей? Или я ошибаюсь?

– Нет. Не ошибаешься.

– Приятно узнать, что не одинок в своих проблемах. – Усмехнулся

Фрост.

– Ты не озвучил условия. – Напомнил ему Драйв.

– Условия просты. Ты ломаешь сеть реабилитационного центра на Кьюиге и достаешь мне координаты тюрьмы. Будем считать эту услугу предоплатой за рейс. Если на планете присутствует серьезная угроза, то не помешает нанять здесь с десяток слоняющихся без дела головорезов. Таких, кого никто не хватится, если они не вернуться. Их найм и экипировку я возьму на себя. Идет?

– С чего ты взял, что в банках данных реабилитационного центра есть координаты секретной военной базы, ведь это именно база, а расположенная там тюрьма и лаборатории лишь временное явление. – Поправил его Дрейк.

– Ну, не знаю. – Пожал плечами Фрост. – Тебе виднее, где и что искать. Я согласен доставить тебя в любую указанную систему, и рисковать своей головой, ради оружия и киборгов. Рискни и ты. Мне нужно знать, координаты.

Драйв задумался, теперь уже надолго.

– Ладно… – наконец произнес он. – Я не люблю дразнить конфедератов, но ради нашей сделки пойду против правил. У тебя есть сутки, чтобы нанять команду и закупить снаряжение. – Драйв внимательно посмотрел на Анжи и встал. – Постарайся не засветиться. Встречаемся здесь через двадцать четыре часа.

– Вот это уже деловой разговор. – Одобрительно пробурчал Фрост. – Жду тебя через сутки. С информацией.

Драйв кивнул.

– Я достану ее.

Глава 2.

8 апреля 3827 года по Галактическому календарю.

Пятая планетная система скопления Омикрон. Сектор Окраины.

Офис корпорации «Эхо»…

За панорамным окном косыми струями хлестал проливной дождь.

Дверь кабинета беззвучно открылась, скользнув вбок, и на пороге появился Сергей Раушев, с пластиковой коробкой в руках. Его взгляд цепко обежал небольшое по размерам помещение и остановился.

За пустым столом, откинувшись на мягкую спинку удобного офисного кресла, плотно смежив веки, сидела молодая женщина, чьего имени не знал даже он.

Взгляд Раушева на миг похолодел, став водянисто-мутным, губы при этом чуть дрогнули, опуская уголки, словно он испытывал неприязнь, граничащую с плохо скрытым и трудно объяснимым приступом вожделения.

Он переступил порог, нарочито громко обозначив свои шаги, и самоуверенно сел на край стола, со стуком поставив коробку.

Она открыла глаза.

Взглянув на Раушева, кивнула, но не произнесла ни звука.

Надменная стерва. Знает себе цену…– Не выдержав ее пристального, пронзительного взгляда, в котором явно читались оттенки презрения, Раушеву ничего не оставалось, как заняться делом, – вскрыть принесенную упаковку, достав из нее тонкий планшет стек-голографа[3]. Установив его на подставку, Сергей коснулся сенсора активации и спросил:

– Зачем тебе вдруг понадобилось оборудование? Ты же у нас насквозь имплантированная.

– Слезь со стола. – Произнесла она, не ответив на заданный вопрос.

Он неохотно подчинился требованию.

– Я охранник, а не носильщик, ясно?

Она пожала плечами.

– Начальству виднее.

Раушев нервно сглотнул.

– Слушай, что ты такая колючая? Может тебе стоит вспомнить…

– О том, что я женщина? Не с тобой, милый.

Сказала, словно пощечину врезала. Он почувствовал, как по щекам жаром поползли пунцовые пятна.

Раушев, не слова не говоря, вышел.

Она несколько секунд смотрела на автоматически закрывшуюся дверь, словно провожала его взглядом сквозь стену.

Неприятный тип.

Скользкий, нагловатый, самоуверенный.

Надо работать.

В корпоративной сети, да и в глобальной тоже, ее знали исключительно по виртуальному имени.

Селена…

Она скользнула взглядом по объемному голографическому пространству, которое проецировал над поверхностью стола тонкий планшет кибернетического устройства.

Насквозь имплантированная. – Слова Раушева неприятным осадком остались в мыслях, словно запутались в них.

Действительно, под аккуратным каре молодой женщины, нарушая основные параграфы закона «О допустимом уровне киборгизации индивидов» скрывалось пять имплантов, каждый из которых в дополнение к собственной специализации имел прикрытые крохотными заглушками разъемы для подключения дополнительных кибермодулей[4]. Внешне это никак не отражалось на облике Селены, импланты не превышали своим размером одного сантиметра, и их полностью скрывала прическа.

Впрочем, тут на Омикроне-5, в самом сердце сектора Окраины, на такие нарушения обращали внимание разве что сканеры систем безопасности. Этим участком освоенного людьми пространства правили отнюдь не законы Конфедерации, – реальную власть тут делили между собой пять могущественных промышленных групп, чьи интересы защищали чиновники Колониальной Администрации Аллора.

…Она расслабилась, вновь закрывая глаза.

Ее работа была сложной и ответственной.

Самое ценное в современном мире – это информация. Селену специально обучали, чтобы она могла контролировать и защищать от несанкционированного вторжения каналы обмена данными разветвленной корпоративной сети. Не всей, конечно, но отданного под ее ответственность участка.

В словах Сергея Раушева прозвучала истина: Селену действительно *имплантировали*, – четыре нейромодуля из пяти были вживлены хирургами корпорации с тем, чтобы сотрудница секретного уровня не нуждалась в сложном, зачастую громоздком стационарном оборудовании, а могла

контактировать с сетью на мнемоническом (то есть мысленном) уровне.

Нейросенсорное соединение осуществлялось дистанционно, без применения морально устаревших оптико-волоконных шунтов, – манипулируя передатчиками имплантов, она могла выбрать один из десятка способов контакта с удаленными кибернетическими системами, используя их мощности по своему усмотрению.

Годы изматывающих, опасных для рассудка тренировок потребовались ей, чтобы достичь сегодняшнего уровня совершенства. Дополнительными имплантами владели многие, но добиться психологической устойчивости, гармонии между кибернетической и биологической составляющей синтезированного «эго» удавалось далеко не всем. Корпорации постоянно готовили десятки, если не сотни новых сотрудников, но статистика упорно умалчивала о проценте отсева: никто не знал, сколько человек в стремлении получить престижную, высокооплачиваемую работу пошли на риск и окончили свои дни в психушке.

Кто-то, возможно, возразит, усомнившись, – ведь миллиарды людей на сотнях планет использовали вживленные еще в роддоме импланты для контакта с домашними или рабочими терминалами компьютерных сетей. Селена часто слышала такие рассуждения, и могла лишь молча усмехнуться в ответ: между человеком, отдающим приказы домашней киберсистеме, и мнемоником пятого уровня лежала неодолимая пропасть. Обыкновенный пользователь всего лишь мысленно формулировал команду, которую стандартный, разрешенный к ношению имплант автоматически преобразовывал в машинный код. При этом разум человека не испытывал обратной связи с машиной, он лишь руководил ей.

Рассудок Селены взаимодействовал с кибернетическими системами совершенно иначе. За пять лет работы на корпорацию она познала все глубины настоящего нейросенсорного контакта, – в минуты наибольшего напряжения ее мозг обрабатывал огромное количество информации, временно принимая на себя функцию центрального процессора для определенных, вверенных ее контролю удаленных устройств, которые могли располагаться как в соседнем помещении, так и за сотни километров от офиса, – часть оборудования, например, базировалась в космосе, непосредственно на станции ГЧ системы пятого Омикрона.

У кого-то возникнет вопрос: зачем в век высочайших технологий для контроля над информационными потоками вдруг потребовался человек, – хрупкое биологическое существо? Не проще ли создать узкоспециализированные кибернетические комплексы, которые справятся с

той же работой быстрее и эффективнее?

Селена слабо улыбнулась своим мыслям, которые невольно пробудил в ней Раушев… вернее не сам Сергей, а его нагловатая самоуверенность, призванная скрыть обыкновенное невежество.

Компьютеры уязвимы. И атаки на них, конечной целью которых является получение определенной информации, осуществляют люди. Машину можно обмануть, инфицировать программным вирусом, заставить работать на себя, и лишь разум опытного мнемоника лишен перечисленных недостатков. Ни одна нейросеть не способна достичь уровня ассоциативного мышления, присущего человеку. Здесь проявляется неоспоримое преимущество гибкой человеческой психики, отточенной миллионами лет эволюции: опытный мнемоник, чей разум сосуществует в гармонии с имплантированными кибернетическими модулями, расширяющими его потенциальные возможности, способен распознать самую изощренную атаку, мгновенно и адекватно отреагировать на вторжение, блокируя доступ к коммерческим тайнам работодателя.

Селене нравилась виртуальная среда, она погружалась в информационное поле, чувствуя себя в нем будто рыба в воде, – ее разум не испытывал стрессовых перегрузок, а в самом киберпространстве она ориентировалась даже лучше, чем в реале, – здесь все имело логическое обоснование, отсутствовал хаос, как понятие. Не сравнить с улицей города, где от каждого встречного можно в любую секунду ожидать полной непредсказуемости.

Хотя последнее замечание справедливо лишь для корпоративных сетей, – стоило потянуться дальше, скользнуть за пределы рабочего пространства на необъятный простор Интерстара, и тут же исчезала четкость, – общечеловеческая сеть бурлила страстями, поражала своим разнообразием, пугала даже опытных пользователей своей бесконечностью.

Да, Интерстар непредсказуем, как и мы сами, его создавшие– мимолетом подумала она, настраивая доставленный Раушевым стек-голограф; затем мысленно проверила, заперта ли дверь и откинулась в кресле, контролируя сеть и одновременно вспоминая утренние события…

…День начиналось как обычно: по-деловому, радостно. Ничто не омрачало настроения, не предвещало неприятностей или хуже того – беды. Как правило, Селена вставала за полтора часа до начала работы, не спеша завтракала, приводила себя в порядок, одновременно слушая музыку и размышляя, чем бы сегодня порадовать любимого?

Это утренний ритуал стал для нее настоящим открытием, ранним

предвкушением назначенного на вечер свидания, к которому готовишься как к празднику, заряжая себя на целый день хорошим настроением. Оказывается, делать подарки не менее приятно, чем получать их.

Счастье любить и быть любимой…

Допив кофе, она закрыла глаза.

На розоватом фоне смеженных век промелькнул визуальный фантом: словно радуга рассыпалась на спектральные полосы, – так ее разум реагировал на стремительное, спрессованное в наносекунды движение через каналы гиперсферной частоты… и чудо – перед ней открылась знакомая лесная поляна.

Нежно улыбаясь, она повернула голову, еще не решив, где положить приготовленный подарок.

Мгновение спустя взгляд буквально напоролся на сломанную ветку.

Толстый сосновый сук был переломлен посередине, он бросался в глаза, казался белым, как человеческая кость, и Селена едва сдержала машинальный вскрик.

Рассудок тут же затопило чувство тревоги. Ощущение счастья, грубо оборванное на полуноте, застыло в груди глухим комком какой-то детской, горькой обиды.

Он не мог сделать этого.

Значит, тут был кто-то чужой?

У Селены оставалось очень мало времени, ведь она рассчитывала провести тут всего минуту, не больше. Все что она могла сейчас – это вобрать взглядом нарушенную гармонию и унести с собой визуальный образ, вместе с саднящим чувством разрастающейся тревоги.

…Половину рабочего дня мысль о сломанной ветке не шла из головы, вконец измучив рассудок. В очередной раз сверившись с внутренним ощущением времени она подумала: как бесконечно долго тянется сегодня день.

Бездействие и неизвестность не давали сосредоточиться, мешали работать, но как проверить увиденное? Кибернетические модули, подключаемые к имплантам хранились тут, на работе, и во время утреннего визита она воспринимала киберпространство на уровне обычного пользователя, и могла ошибиться? Человек все же не машина, да и фантомные миры иногда демонстрируют локальную нестабильность, способную принимать самые разнообразные формы.

Может быть тревога беспочвенна?

Нет… Опыт подсказывал – нет. Случилось что-то нехорошее.

Какая мука для мнемоника: ощущать опасность и не иметь

возможности немедленно вычислить ее источник, или хотя бы убедиться в справедливости своих подозрений. Если добавить сюда личный мотив, далекий от корпоративного образа мышления, то состояние Селены можно было понять. Для специалиста ее уровня такой, казалось бы незначительный диссонанс в тщательно запрограммированной гармонии фантомного мира, как грубо сломанный сук являлся вопиющим признаком грубого вторжения, и на это *знание болезненно накладывалась тревога за единственного человека, который был по-настоящему дорог ей.*

Если бы утреннее происшествие оказалось напрямую связано с ее работой на корпорацию, вопрос решался бы просто, но кто позволит ей заниматься личными делами, находясь на службе?

Хотя… на несколько секунд покинуть зону виртуальной ответственности она могла, для этого хватит и опыта, и сил… но как задействовать оборудование, информация с которого централизовано поступала к кибернетической системе уровня в режиме он-лайн?

Селена не долго размышляла над данным вопросом.

Выход был.

Человек, остается человеком, и имплантированные нейромодули ни коим образом не подразумевали, а тем более не гарантировали, что мозг мнемоника станет работать адекватно электронной машине. Она могла осуществить проверку, представив реально совершенное действие, как постороннюю мысль, промелькнувшую в сознании. Такая «рассеянность» конечно, не приветствовалась, но прощалась. Оставался лишь один вопрос: где взять локальное, обособленное от сети устройство, для сохранения полученной информации?

Мысль о стек-голографе, которые зафиксирует данные, снятые с ее зрительного нерва, пришла, как озарение. Это был идеальный вариант.

Она взглянула на устройство, доставленное Раушевым, и мысленно сосредоточилась, готовясь осуществить задуманное…

…Проконтролировав информационные потоки, Селена отправила короткий мысленный отчет о состоянии вверенных ее попечению каналов связи, и ее сознание стремительно рванулось по знакомому пути. Связь через станции ГЧ происходила мгновенно, и секунду спустя перед ней распахнулся знакомый пейзаж лесной поляны по которой, образуя маленькую запруду, бежал прозрачный ручей.

Сейчас на нее работал локальный участок корпоративной сети, и Селена одним пристальным взглядом охватила все пространство поляны, одновременно сравнивая ее с заранее записанной матрицей.

Вот она – сломанная ветка.

Явный след чужого присутствия. Кто-то побывал тут, не далее как этой ночью, причем взлом закрытого фантомного мира был осуществлен с грубой, наглой самоуверенностью.

Теперь, обладая всем набором сканирующего оборудования, она ясно различила, что сломанная ветка – это не «баг»*, а следствие нарушения границ виртуального мира. Программа защиты от несанкционированного доступа оставила этот знак, чтобы обратить внимание хозяина на факт вторжения.

Отключение…

…Она открыла глаза.

В объеме голографической проекции застыло изображение, снятое с нейронов ее зрительного нерва. Все совпадало, до мелочей…

Селена вновь потянулась в киберпространство, быстро, со знанием дела навела порядок, удалив всю информацию о своем несанкционированном выходе в Интерстар.

Теперь нужно быстро проанализировать изображение и очистить память стек-голографа.

* * *

Интересно, зачем ей понадобился стек? – Подумал Раушев, возвращаясь в комнату охраны.

Ему бы отмахнуться от промелькнувшей мысли, тем более что выполнять требования сотрудников уровня с ограниченным доступом на самом деле являлось его прямой обязанностью.

Проблемы заключалась в том, что, Сергея откровенно задевало такое положение вещей. Видимо при назначении на должность кто-то невнимательно изучил психологическую карту Раушева, иначе его бы определили на менее ответственный пост. На любом другом уровне властные полномочия дежурного охранника были ощутимы: находясь этажом ниже или выше, болезненное самолюбие Раушева находило бы удовлетворение в незначительных преимуществах перед обычными сотрудниками, здесь же ситуация менялась ровно наоборот, – желая сузить круг лиц, так или иначе связанных с секретной деятельностью, руководители совместили должность охранника с обязанностями посыльного.

Два десятка человек, работающих в кабинетах секретного уровня, не имели права покидать отведенные им помещения, а их график был

составлен таким образом, что, приходя на работу и покидая ее, они не сталкивались друг с другом. Единственное, что никак не хотело вписываться в эту простую, но эффективную систему безопасности было болезненное самолюбие Сергея Раушева. Слабо разбираясь в вопросах прогрессивной имплантации, он презрительно считал мнемоников монстрами, которых создавали в нейрохирургических клиниках корпорации. Это ложное впечатление постоянно подпитывалось подчеркнутой холодностью, с которой сотрудники сектора относились к нему, – простому охраннику. Раушеву было невдомек, что их сдержанность, которую он принимал за надменность, являлась следствием многолетних тренировок, и текущей специфики работы, когда любое, даже самое незначительное отклонение от душевного равновесия могло привести к серьезным последствиям.

Вне работы они становились обычными людьми, но Сергей уже не воспринимал этого: проследив взглядом за очередным, покидающим свой кабинет сотрудником, он видел лишь холодное сосредоточенное лицо, да погруженный в себя взгляд, который частенько скользил по нему, не замечая, словно по предмету меблировки.

Все это бесило Сергея, порой доводя его до состояния бессильной ненависти к «имплантированным уродам», – так мысленно называл Раушев мнемоников.

Зачем ей понадобился стек-голограф?

Мысли, пробежав по замысловатым петлям неприязненных ассоциаций, вернулись к стартовому вопросу.

За несколько месяцев службы на данном уровне он успел усвоить, что мнемоникам вообще не требуется никакого оборудования, все «свое» они, согласно древней поговорке, носили при себе…

Вспомнив холодную усмешку и фразу, хлестнувшую по нему, будто пощечина, Раушев решительно коснулся сенсора внутренней связи.

Докладывать обо всех неординарных событиях на вверенном ему уровне то же входило в прямые обязанности Сергея.

* * *

Ее вызвал начальник уровня, когда до конца рабочего дня оставался всего час.

Все-таки вычислили. – Не без досады подумала Селена, передавая контроль над своим участком сети автоматическим системам.

Войдя в кабинет, она спокойно взглянула на Дональда Келли, – в отличие от мнемоников тому не было нужды соблюдать инкогнито.

– Мисс Лаумер, – ровно, даже немного вкрадчиво произнес он, жестом приглашая Селену сесть. – Зачем вам понадобилось дополнительное оборудование?

Ага, значит это Раушев.– Мгновенно поняла Селена.

– Для подстраховки, господин Келли. – Вслух произнесла она.

– Да? – Искренне удивился тот. – Неужели кибермодули подводят?

– Нет. Подводят не модули. Я неважно себя почувствовала.

– Почему в таком случае вы не доложили об этом?

– Временное недомогание. Сейчас все в порядке.

Глаза Келли хищно прищурились.

– Мне кажется, вы что-то недоговариваете, мисс Лаумер. Данные с центрального узла телеметрии свидетельствуют о несанкционированном выходе в Интерстар. Вы можете опровергнуть или объяснить эти сведения?

Селена не опустила глаз.

Что-то творилось в душе в последнее время. Почему раньше, она относилась ко всем сотрудникам корпорации ровно, без эмоций, а теперь они вызывают у нее подсознательное раздражение?

Вот и сейчас, глядя в глаза начальника уровня, она поймала себя на мысли, что отдать мнемоническую команду расположенному за спиной Келли бытовому терминалу для нее дело одной секунды. Думает ли он об этом, угрожая ей взглядом?

Ну, да, мало тебе на сегодня волнений и неприятностей? – Одернула себя Селена.

– Киберсистема неверно интерпретировала мысленные импульсы. – Ответила она и внезапно перешла в наступление:

– Вы вынуждаете меня озвучивать аспекты личной жизни.

– В смысле? – Не понял ее намека Келли.

– Недомогание, которое я ощутила, не физического плана. Это связано с чувствами.

– Уточните, мисс Лаумер, иначе, не получив внятных объяснений, я буду вынужден доложить по инстанции. Это чревато серьезными последствиями для вас.

– Я не выходила в Интерстар. Я лишь думала о нем. Думала о конкретном фантомном мире.

– Это не объясняет…

– Вы мнемоник? – Селена решила не отступать от избранной линии поведения, тем более она не чувствовала за собой настоящей вины.

– Нет.

– Тогда как вы можете рассуждать о том, чего не испытывали? Да, я отвлеклась в мыслях, и не смогла справиться с эмоциями. Вы когда-нибудь любили, мистер Келли?

Дональд угрюмо промолчал.

– Можете проверить данные со стек-голографа. – Не дождавшись ответа, продолжила она. – Чувствуя, что отвлекаюсь, я лишь подстраховалась на случай…

– Хорошо, мисс Лаумер. Я понял. – Взгляд Дональда Келли стал иным, тяжелым, словно зрачки внезапно налились свинцом. Я обязательно проверю всю информацию, не сомневайтесь. – Он продолжал тяжело и пристально смотреть на Селену. – Значит, вы представили определенное место в сети, даже мысленно проложили к нему путь через несколько станций ГЧ, а киберсистема восприняла это как реальный выход в Интерстар?

Она секунду помолчала, а потом ответила:

– Я мнемоник пятого уровня. Если вам нужны доказательства того, как воспринимают мои подсознательные порывы кибернетические устройства, подумайте о бытовом автомате, который у вас за спиной. Мне кажется, что емкость с кипятком для кофе, примерно на уровне… поясницы?

Келли резко обернулся, словно его уже ошпарили.

Впрочем, нужно отдать должное, он быстро взял себя в руки.

– Вы свободны, мисс Лаумер. Думаю, что инцидент исчерпан. – Он даже выдавил из себя кислую улыбку.

– Спасибо, мистер Келли. Всего хорошего.

Когда за Селеной закрылась дверь, начальник уровня осторожно снял предохранительный кожух с бытовой машины.

Действительно, резервуар для кипячения воды находился на уровне… его задницы.

– Вызовите ко мне Раушева. – Хмуро произнес он в интерком.

* * *

Селена вернулась домой около восьми часов вечера.

На улице по-прежнему бесновалась непогода, дождь не прекращался уже вторые сутки, весна наступила ранняя, но холодная, капризная.

Дома царил уют. Бытовая киберсистема включилась за час до

возвращения хозяйки: еще в прихожей она ощутила приятное сухое, ароматизированное запахами леса тепло, исходящее из кондиционеров климат-контроля, в ванной комнате тихо журчала вода, в гостиной ее ждал ужин, доставленный из ближайшего автоматизированного ресторана.

Она разделась, босиком прошла к столу, и, не притрагиваясь к еде, сделала глоток кофе.

Тревога не отступала.

Панорама промокшего города за окном заставила ее поежиться и, тут же, реагируя на мысль хозяйки, заработал тонкий слой полимерного экрана, сменив реальный вид на электронное изображение цветущей кьюиганской степи.

Да, теперь хорошо.

Внешний мир как-то разом отдалился, словно его попросили выйти, покинуть сознание.

Остался лишь запаха леса, тепло… и не проходящая тревога.

Утопая босыми ногами в мягком покрытии пола, Селена с чашкой кофе заглянула в свой кабинет. Здесь все напоминало о работе. На столе, открытые на середине, лежали два раритетных издания в потрепанных переплетах. Слишком тяжелые, громоздкие, неудобные, да к тому еще и обветшалые, как любая старинная книга, исполненная на пластбумаге.

Сейчас у нее не было настроения читать. Два тома «руководства хакера» изданные более полутора тысяч лет назад на далекой Земле, были приобретены ей по случаю, и, несмотря на древность, оказались весьма полезны, актуальны в практическом смысле. Листая пожелтевшие страницы, она с удивлением обнаружила, что за полтора тысячелетия неузнаваемо изменилась техника… но не люди.

Побудительные мотивы, толкавшие талантливых программистов на опасный, скользкий путь кибрайкеров* были стары как мир. Селена пыталась понять психологию тех, с кем ей приходилось бороться. Бороться, но не судить. Ее собственная судьба предостерегала от поспешных осуждающих выводов, – она слишком хорошо знала, что такое родиться в небогатой семье, в молодой колонии Окраины.

Здесь существовал очень узкий выбор жизненных перспектив, да и условия на недавно освоенных планетах резко отличались от благополучных Центральных миров, где исконная жизнь враждебных человеку биосфер давно уже существовала только в заповедниках.

Множество факторов, складываясь вместе, влияли на судьбы целых поколений. Окраина жила по древним законам джунглей, к которым необходимо добавить безраздельную власть денег и корпоративный образ

мышления власть предержащих.

Не лучшее место для свободного и гармоничного саморазвития.

Раньше она не задумывалась над такими вопросами.

Некогда было философствовать. Нищета, познанная в детстве, трансформировалась в пору юности в стойкое, подсознательное желание вырваться из среды убого существования. Для этого казались хороши все способы, и она, вопреки воле родителей, пошла на рискованные операции, добавившие ей четыре импланта… Благодаря этому шагу, в котором была немалая доля риска, (не все выдерживали операции по внедрению нейромодулей) она получила шанс… и одновременно стала персоной «нон грата» в большинстве звездных систем Конфедеративного Содружества.

У каждой медали есть своя оборотная сторона. Теперь ее жизнь принадлежала Окраине, и, повзрослев, накопив немалую долю жизненного и профессионального опыта, Селена невольно стала задумываться, а не готовили ли в той же клинике потенциальных кибрайкеров?

Интуиция подсказывала: да, готовили. Борьба между промышленными группами Окраины шла постоянно, переходя от фазы открытых столкновений к периодам относительного спокойствия, когда молчали орудийно-ракетные комплексы боевых космических кораблей… Однако, между вспышками насилия противостояние продолжалось, принимая иные, менее заметные формы.

Ей просто повезло: Селена защищала информацию, а не крала ее, – это создавало иллюзию законопослушности, давало право думать о верном жизненном пути, позволить себе роскошь не замечать взглядов того же Раушева, который сумел вложить в одну фразу –*«насквозь имплантированная»*, – всю степень своего невежества, страха и необоснованного презрения к мнемоникам.

А что если завтра судьба повернется иначе?– Подумала она, с наслаждением погружаясь в горячую воду. Пена лопалась радужными пузырьками у самого подбородка, теплые струи ласкали уставшее тело, но мысли… Вспомнился сегодняшний прокол на работе. Он вполне может повлечь за собой серьезные последствия, – мнемоник нарушивший запрет, пусть на несколько секунд, но покинувший свой пост, оставив без защиты вверенный участок сети, должен понести наказание.

Хорошо если отделаюсь простой взбучкой. Она, конечно, понимала, что специалистами пятого уровня не разбрасываются, но все же… что бы она сделала, оставшись без работы? Ведь система пятого Омикрона являлась вотчиной корпорации «Эхо», и найти здесь работу так или иначе не связанную с правящей корпорацией было практически невозможно. К

тому же, она знала слишком много корпоративных секретов…

Мысли внезапно приняли совсем иное, пугающее направление.

Меня никогда не уволят. Просто уберут, устранят физически, если я стану неблагонадежной. – Она впервые подумала о такой перспективе, и кожа вдруг покрылась мурашками, не смотря на горячую воду.

Нет, конечно, она верила, что все обойдется. Ну, дадут премию Раушеву, ее некоторое время будут держать под строгим контролем, а потом все вернется на круги своя.

Нежиться в горячей воде вдруг расхотелось. Нарисованная воображением перспектива грубо, без иллюзий повернула ее лицом к реальности.

Выходит я заложница корпорации, вечный житель пятого Омикрона, без права поменять работу или эмигрировать на другую планету? – Селена подумала об этом уже без страха – когда это было необходимо, она могла держать свои эмоции под строгим контролем, но ничего приятного в подобных размышлениях она не находила…

Оставалось одно верное, проверенное средство – послать проблемы куда подальше. Не настолько они глубоки, чтобы испортить себе вечер, угрюмо размышляя над гипотетическими перспективами.

Вернувшись в гостиную, она села в глубокое кресло и закрыла глаза.

Тепло, уют и предвкушение счастья. Даже угнездившаяся в подсознании тревога, вызванная утренними и дневными событиями, не могла повлиять на эти чувства.

За стеной в кабинете, на терминале компьютерной сети трепетно заморгал огонек индикатора.

Не слишком ли для одних суток? Неужели после утомительного рабочего дня ее снова влекла Сеть, как будто реальный мир предлагал мало возможностей для отдыха и развлечений?

Это всего лишь вопрос предпочтения. В век высочайших технологий люди, наконец, получили право сами выбирать среду обитания для своего рассудка. Селена и раньше предпочитала отдых в виртуалке, а с тех пор как в ее жизни появился Ветер, вселенная фантомных образов обрела новый смысл. Ей казалось, что она уже давно живет двумя тесно переплетенные между собой жизнями, которые, гармонично укладываясь в одно сознание, создавали ощущение пусть иллюзорной, относительной, но свободы…

Ветер… Ее милый ласковый Ветер…

Они никогда не встречались в реале, не затрагивали вопроса внешности или возраста, единственным исключением являлось убеждение Ветра, что Селена – существо женского пола, а она, соответственно,

воспринимала его как мужчину. Они не обменивались подобной информацией, но знали это наверняка, потому что встречались уже больше года, а играть роль, (пусть даже она привычна, как старая, любимая рубашка), на протяжении такого отрезка времени попросту невозможно.

Губы Селены тронула легкая улыбка.

Проверено. В мире твердых вещей невозможно скрыть свой истинный облик, но можно глубоко спрятать, исказить душу, в Сети же наоборот – души людей проявляются явственно, они вольно или невольно раскрываются, формируя образы,которые с лихвой компенсируют все остальное…

Эта философия проста, хотя новичку может показаться сложной, неудобной, даже порочной… пока он сам не коснется первой души, открывшейся ему на необъятных просторах виртуальной бесконечности.

Мир физический груб, материален, он полон удручающей окончательности, которая делит нас на социумы, жестко прививая стереотипы, карая жизненными неудачами тех, кто не умеет противостоять ему…

В Сети все иначе. Правила здесь порой жестче, агрессивнее… но киберпространство предоставляет человеку полную свободу выбора.

В жизни ты можешь быть кем угодно, но, единожды попав сюда, сумев удержаться в Сети, становишься ее обитателем, со всеми вытекающими последствиями.

…Перед мысленным взором, отвечая на нервный импульс, тут же возник тоннелеобразный зев виртуального входа в киберпространство.

Официальный информационный узел системы пятого Омикрона.

Здесь как всегда было многолюдно. Фантомы, общавшиеся друг с другом, находились в иллюзорно замкнутом помещении, стены которого покрывало множество рекламных пространств, меж которыми располагались неприметные на первый взгляд двери, привычно олицетворяющие доступные каналы связи с серверами иных звездных систем.

Селена приостановилась, осматриваясь.

Невольно вспомнились первые осторожные, неопытные выходы в Сеть, и ее губы опять тронула легкая, чуть ироничная улыбка. Как просты и понятны были для нее сейчас толпящиеся вокруг призраки, но, сколько пришлось пережить, прежде чем пришел опыт, выработалась интуитивная способность распознавать характер собеседника по мелким, едва уловимым для неискушенного пользователя признакам.

Не перечислить, сколько событий, чувств, хранила ее память, сколько

судеб и историй промелькнуло перед глазами, как будто то была плата за приобретаемый опыт… Чаще всего она поначалу сталкивалась с трагедиями… ей встречалось много, слишком много одиноких молодых девушек и женщин, ведущих себя не то чтобы странно… но и не совсем нормально, попадались и просто раздраженные личности, которые приходили в места виртуального общения, чтобы слить, как в отстойную яму, свой негатив.

Самые резкие впечатления, конечно, оставляла категория людей, которые, прячась за фантомным инкогнито, специально пытались сломать душу собеседника, получая от этого непонятное, ведомое лишь им удовольствие. Почувствовав новичка, они, словно мифические вампиры, начинали выматывать его, выворачивая сознание душераздирающими историями или доверительно-расслабляющими разговорами, оканчивающимися, как правило, какой-нибудь гадливой насмешкой или оскорблением, а потом успокоенные и «сытые» они просто исчезали, уходили из виртуального пространства… к семье, детям, работе… или, быть может просто отправлялись спать.

Теперь Селена имела достаточно опыта, чтобы, оглядевшись вокруг, машинально и точно разделить окружавшие ее фантомы по узнаваемым категориям. Она давно усвоила, что в виртуальном мире люди непроизвольно трансформируются, иногда сами не подозревая, что выставляют напоказ потаенные глубины собственной души. Научившись ощущать эти перемены, выделять странности в поведении окружающих, ей стало намного проще. Например, среди прочих закономерностей она уже давно поняла, что чем старше мужчина, тем неадекватнее он себя ведет: ноет, жалуется, изображает чуть ли не капризного мальчика-школьника. Селене было смешно на них смотреть, – таких типов она обходила стороной, как и подростков с которыми ей сложно общаться из-за определенных юношеских исканий последних.

Впрочем, не все обстояло так плохо. Пережив первый, самый трудный период адаптации, она все чаще стала встречать нормальных, здравомыслящих людей, талантливых, а иногда просто хороших, приятных собеседников, общение с которыми не оставляет после себя чувства потраченного зря времени…

…Сегодня она не стремилась к общению, – окинув взглядом разноцветную тусовку, Селена направилась к виртуальным дверям, которые открывали доступ к иным звездным системам.

Феерические вспышки переходов, мелькание размазанных, полуосознанных картин слилось на некоторое время в ощущение

стремительного полета, – она двигалась со скоростью информационного потока, заранее определив конечный пункт своего назначения.

Последняя вспышка на миг ослепила внутренний взор, и в лицо тут же пахнуло прохладой, резко, пронзительно пришел запах хвойного леса, вокруг начали проступать образы замшелых столетних деревьев, окружающих сумеречную поляну, по которой блуждали косые столбы солнечного света, пробивающиеся сквозь кроны вековых сосен…

Этот фрагмент виртуальной бесконечности создал ОН.

Маленькая поляна посреди глухого леса поражала ощущением глубочайшего покоя, и редкой даже для Интерстара достоверностью, – вот и сейчас, сделав шаг по шелковистой траве, она почувствовала прикосновение каждой травинки, одновременно ощущая, как среди подлеска скользит тихий вкрадчивый Ветер.

Сломанная ветка исчезла. Значит, он сегодня пришел пораньше, и убрал тревожный знак, восстановил гармонию, чтобы не тревожить любимую, еще не зная, что она первой обнаружила чужой след.

– Выходи… – Она оглянулась, не в силах сдержать улыбки. Тревога на миг отступила, хотя Селена чувствовала, – разговора не избежать. Сегодня им придется испытать свое инкогнито на прочность, но… чуть позже.

Воздух за ее спиной начал сгущаться, ласковые знакомые руки накрыли ладонями ее глаза…

Сердце вздрогнуло.

Он то же вздрогнул, это ощущалось по трепету пальцев.

– Здравствуй родная…

– Здравствуй, Ветер…

Чувства упорно выталкивали в сознание реальные ощущения тела, которое осталось неимоверно далеко, – ведь ее разум находился сейчас в десятках световых лет от пятого Омикрона.

Как же такое возможно? Откуда идет тепло, почему она ощущает его дыхание? Селена много раз задавал себе эти вопросы, и находила три причины в ответ: во-первых, ее любимый обладал не меньшим набором имплантированных кибермодулей, чем она сама, во-вторых, созданный им мир был выполнен с применением неизвестных даже ей технологий, дающих высочайшую степень детализации, какую трудно отыскать во всем многообразии виртуальных пространств Интерстара, и, наконец, в-третьих, они оба уже имели опыт реальной любви, не важно насколько счастлива та была, – главное их разум запомнил все чувственные ассоциации и теперь вызывал их из подсознания, облекая в форму сиюсекундных реакций…

Эти выводы являлись плодом долгих размышлений, ну а сейчас

Селена радовалась его появлению, и мысль, промелькнувшая в сознании, была совсем другой, она звучала в унисон ощущению счастья и одновременной тревоги:

Где же ты дуешь мой милый Ветер? – Невольно подумала она. -*Где твой исток, то слабое движение воздуха, что вдруг крепнет, обретая силу порыва страсти*?

Селена привыкла разговаривать образами. Даже сама с собой. Это Сеть накладывала на разум свой неизгладимый отпечаток. Вот он, рядом, рука ощущает его руку, но пройдет миг, внезапно смениться настроение, и образ Ветра вдруг начнет таять, растворяясь зыбким маревом, или закружит по поляне шаловливым смерчем…

А чем была бы Сеть без подобных метаморфоз?

Селена улыбнулась краешком губ. Она тоже умела кое-что, и они часто забавлялись, удивляя друг друга, но сегодня они оба почувствовали: есть важный разговор.

Ветер, взяв ее за руку, медленно пошел вглубь леса, по прихотливо изгибающейся тропке.

Когда они вышли на поляну, где поперек ручья, образуя тихую запруду, лежал замшелый сосновый ствол, Селена остановилась, заставив его повернутся.

– Ты видел сломанную ветку, Ветер? – Не пытаясь скрыть своей тревоги, спросила она.

Он повернул голову, посмотрев в ту сторону, где утром белел свежий излом, и кивнул.

– Я уже все исправил. – Мягко ответил он, явно желая успокоить ее, и больше не возвращаться к теме вторжения.

Поняв, что Селена приходила сюда утром, он предоставлял ей выбор: промолчать, принимая все как есть, или…

– У меня плохое предчувствие. – Селена произнесла это твердо, категорично, как будто на миг вернулась в офис корпорации.

Нет, он все же не хотел принимать ее серьезного тона, – его силуэт вдруг утратил резкость, заструился мелкими, едва ощутимыми дуновениями, которые ласково касались ее лица, нежно перебирали волосы, да и голос Ветра стал похож на вкрадчивый шепот:

– Мне кажется, ты зря тревожишься. Обыкновенный сбой…

Она попыталась поймать его, но лишь ощутила, как кружиться воздух, сплетая вокруг эфемерную сеть дуновений.

– Нет. Это был не сбой. – Она на миг запнулась, а потом добавила:

– Извини, но я проверяла.

– Проверяла? – Фантом Ветра резко стабилизировался, приняв почти непроницаемую материальность. – Селена…

– Я готова говорить об этом. Твой мир был атакован. Сюда вошел кто-то чужой. Грубо вломился и очень искусно вышел, не оставив мне шанса отыскать его след в Интерстаре. Так может работать лишь опытный, самоуверенный кибрайкер. – Она присела на мягкий ковер мха у запруды и в ожидании его ответа, вернее встречного вопроса, посмотрела на свое отражение в воде.

Виртуалка…

Волшебное слово. Несомненно, Интерстар являлся психологическим наркотиком, вызывающим неизлечимое привыкание. Настоящие обитатели фантомных вселенной дорожили ими не меньше, а порой даже больше чем миром материальных ценностей. Здесь существовали свои нюансы бытия, и в соответствии с ними накапливался совершенной иной, непригодный для «обычного» существования жизненный опыт. Киберпространство имело свои законы, но если в реале о некоторых истинах говорят, что они написаны кровью, то тут уместнее было иное высказывание.

Законы виртуалки написаны болью многих разочарований, за редкими, почти мистическими исключениями.

Она подняла взгляд.

Ветер стоял неподвижно, будто статуя. Казалось, он дает ей время, чтобы завершить внутренний спор, и, глядя на него, Селена вдруг пронзительно *почувствовала свой подсознательный страх. Страх перед тем, что образ близкого существа вдруг разрушиться, принимая черты физической окончательности. Ведь назвав себя, она как бы потребует взаимной откровенности в ответ… Той откровенности которая может разрушить иллюзию…*

Почему людей так тянет в мир грез?

Если на миг отбросить все прагматическое, забыть об информационной и сугубо деловой составляющей Сети Интерстар, то на поверхности оставался лишь один ответ: сюда приходили в поисках мечты.

Да, у всех она разная. Кто-то тоскует без тепла человеческой души, кто-то жаждет острых ощущений, иные не скрывают своих извращенных наклонностей, – виртуалка многолика и в то же время анонимна, – каждый находит здесь то, что искал… но не все способны абстрагироваться от условностей материального бытия, и такое невольное наложение двух разных систем, часто приводило к непоправимым, трагедиям, сломанным судьбам и даже смертям.

Селена уже обжигалась на этом, еще до знакомства с Ветром.

Они и сблизились, наверное, лишь потому, что оба имели свой опыт разочарований.

– Ты ждешь моих пояснений, Ветер?

Он повернул голову.

На миг его лицо утратило ясность, как будто что-то смазало черты, формируя совсем иной облик, но Селена успела заметить лишь глаза – карие глаза, которые взглянули на нее из Бездны, словно вокруг была пустота… или в его зрачках промелькнул и тут же исчез опыт многих трудных жизней?

Сердце сжалось.

Вот она черта, которую нельзя переступать. За ней всегда будет названа цена узнавания.

– А ты смогла бы? – Спросил он.

– Отследить кибрайкера? – Уточнила Селена.

– Да.

– Теперь не знаю. – Она посмотрела на злополучное место и добавила. – Ты тщательно все убрал. Боюсь сейчас мне уже не за что зацепиться.

Селена подняла взгляд. Ей не хотелось услышать вопрос из его уст, и потому она продолжила, глядя в лицо Ветру:

– Я мнемоник. Пятого уровня. «Насквозь имплантированная», как высказался сегодня один тип в реале. Моя специализация – защита.

Ветер нахмурился.

Она впервые видела такое выражение его лица. Он часто бывал серьезным, но таким, хмурым, глядящим исподлобья – никогда.

– Милая, – Он присел рядом. – Ты…

– Начинаю раскрываться, да? – Она неотрывно смотрела в его глаза. – Я испугалась за тебя, понимаешь? Уровень профессионализма, на котором создан этот мир, недоступен подавляющему большинству программистов. Сначала я думала, что ты использовал Логр для его создания.

– Нет. Здесь только наши, человеческие технологии.

– Значит, моя тревога оправдана. – На ее глаза вдруг навернулись слезы. – Ветер, милый, я люблю тебя. Мне страшно, что ты исчезнешь.

Любовь… Что она делает с людьми? Разве есть для нее границы, условности, запреты?

Просто тревога… и тревога за любимого – это два родственных, но совершенно разных по силе чувства.

Ветер понимал это.

– Ты все же преувеличиваешь степень опасности. – Ответил он и тут

же нежно добавил:

– Моя защитница. Я догадывался, что ты мнемоник. Хочешь, я немного расскажу о себе, чтобы ты успокоилась?

– Зачем? – Губы Селены дрогнули. – Ты думаешь, это будет хорошо? Правильно?

– Не знаю. – Ветер, зачерпнул пригоршню воды и, омыв лицо, сел на замшелый ствол. – Ты права, вторжение было серьезным. И осуществил его не обычный кибрайкер. Я постараюсь найти его и наказать.

Найти и наказать.

Если бы Селена не знала так много о сети, она, возможно, успокоилась бы на этом. Но ей мешал опыт, приобретенный за годы работы на корпорацию. Сегодня все пошло не так, их свидание превратилось в серьезный разговор, с непредсказуемыми последствиями. Создать такой мир, и спокойно обронить, как бы между прочим: «я накажу его», когда речь идет о профессионале экстра-класса…

– Кто же ты, Ветер?… – Губы сами прошептали эту фразу.

Она шагнула за черту.

Он исчез, потом появился, потревожив мелкой рябью зеркальную поверхность запруды, и снова возник рядом, уже сидящим на мягкой подстилке мха.

– Я Ветер. – Он на некоторое время умолк, словно хотел поставить точку в объяснении, но затем, подчиняясь неведомому для Селены порыву, все же решился продолжить:

– В своей жизни я много терял. Потом мне стало казаться, что все уже позади, и ничто не сможет более потревожить меня, вернуть давно отболевшие чувства… я стал холоден, равнодушен и лишь созерцал… пока не встретил тебя.

Селена слабо улыбнулась.

– Прости, милая. – Продолжил он. – Раз уж этот разговор состоялся, выслушай меня, не пугаясь, ладно?

– Я постараюсь. – Она кивнула.

– У меня действительно возникли небольшие неприятности. В реале. – Уточнил он. – Не настолько серьезные, как кажется, но раз кто-то проник сюда, в мир, созданный лишь для нас двоих, то я прошу: будь внимательна и осторожна. Ты единственный человек, кто по-настоящему дорог мне, и этим могут воспользоваться. Не верь никому, кроме самой себя. Если в реале у тебя вдруг возникнут проблемы, постарайся скрыться, исчезнуть, найти безопасное место для своей физической оболочки и приходи сюда.

– Ты пугаешь меня. – Она произнесла это совершенно искренне.

– Нет, я предостерегаю. – Поправил ее он.

Ветер посмотрел на Селену, но на этот раз его черты не исказились, они остались прежними, лишь нежная улыбка тронула губы.

Кто же ты?– Эта мысль уже не покидала ее, засев в душе, как заноза.

– Давай отложим эту тему. – Предложила она. – Я пообещаю, что буду осторожна, и мы останемся сами собой, как прежде, ладно?

– Хорошо. – Он коснулся ее губ ласковым дуновением. Это был поцелуй, мягкий, теплый…

Селена ответила на него, хотя в душе все еще стыл ледяной комок, но спустя мгновенье он растаял.

– Мой милый, беспокойный Ветер… – прошептала она.

Он ласково перебирал ее волосы, заглядывал в глаза, опять касался губ, не зная повториться ли это завтра?

Хотелось, чтобы во Вселенной осталась лишь Виртуалка, а весь остальной мир исчез навсегда, чтобы можно было не опасаться его грубых порывов, а нежно любить близкую тебе душу…

Он не солгал, сказав, что много терял.

Слишком много, чтобы называть себя Ветром, которым он никогда бы не стал… если бы не Селена, которая разбудила его душу от летаргического сна…

Теперь он знал, что опасность угрожает не только ему, но и ей. Для него это был достаточный повод, чтобы нарушить установленные для себя правила, рискнуть, раскрыться, вновь вступить в тот мир, который он когда-то проклял…

Лишь бы ничто не задело ее… Тогда я смогу оставаться Ветром.

Он проживший столько судеб, дважды терявший все, без остатка, снова сумел поверить, что любовь способна изменить жестокий, бескомпромиссный мир физической реальности, где все имеет свою цену и вес.

Селена коснулась ладонями его лица, и неприятные обжигающие рассудок мысли на миг померкли…

Что стоил весь горький жизненный опыт по сравнению с этим прикосновением? Он благодарно закрыл глаза, впитывая тепло ее ладоней, упорно не замечая, что реальность не просто приблизилась, а уже ломиться в его дверь…

– Ты знаешь, у меня в реале есть маленькая планета. – Подчиняясь внезапному внутреннему порыву, прошептал он, так и не открыв глаза. –

Она пыльная, с сильными ветрами и постоянными песчаными бурями. И все же я люблю ее…

* * *

9 апреля. Утро…

Обычно дорога от дома до работы занимала у Селены не более получаса.

Покинув подъезд небоскреба, она прошла по длинному прозрачному пешеходному тоннелю, который вел над ущельем улицы и, дождавшись пустой пневмокабины, вошла внутрь закругленного с обоих торцов цилиндра. Сев в кресло, Селена приложила к сканирующей системе свою статкарточку, чтобы автоматика считала с нее личный код и стандартный маршрут движения.

Через секунду двери закрылись, и мягкий толчок ускорения возвестил о том, что индивидуальная кабинка вошла в сложную сеть городских транспортных артерий.

Селена прикрыла глаза.

Из мыслей никак не уходила тревога, и ей вдруг вспомнилась самая первая встреча с Ветром.

…Они познакомились случайно, – это произошло год назад на специальном смотровом сервере, организованном Советом Безопасности Миров для граждан Конфедерации, желающих получить информацию о недавно открытом шаровом скоплении звезд, где обитали три древние расы: Логриане, Инсекты и Хараммины.

Устроители данной смотровой площадки не пожалели труда и средств: в обитаемых мирах ходило множество самых противоречивых слухов, касающихся новых членов Конфедеративного Содружества, а искаженная информация способна скорее породить разного толка фобии, нежели способствовать взаимопониманию между молодым, энергичным человечеством и наследниками древних цивилизаций.

Здесь действительно было на что посмотреть.

Селена, впервые оказавшаяся на данной виртуальной площадке, поначалу немного растерялась: огромное пространство, смоделированное в виде овальной плоскости, накрытой иллюзорным защитным куполом (не все экскурсанты были готовы ощутить себя стоящими в вакууме, многие, особенно те, кто посещал сеть эпизодически, мыслили стереотипами реального пространства, невольно перенося в виртуалку бремя физических

законов) парило без видимой опоры на условной границе угольно-черного, лишенного звезд провала, который исторически носил название «Рукав Пустоты».

Серебристые, немигающие точки освоенных людьми звездных систем остались далеко позади, справа и слева от условного входа царил бездонный мрак, а в том направлении, куда вытягивалась смотровая площадка, чуть выше условной линии горизонта полыхал ослепительный сгусток шарового скопления.

Вуаль логрианских устройств более не скрывала его от постороннего взгляда, и теперь часть печально известного, казавшегося непреодолимым Рукава Пустоты попросту исчезла, уступив место феерическому сиянию сотен тысяч звезд.

Селена остановилась, пораженная красотой увиденного.

Шаровое скопление имело четко выраженное ядро, от которого исходил ослепительный свет, и поэтому взгляд не задерживался на центральной части сгустка, а невольно соскальзывал на периферию, где звездная плотность постепенно уменьшалась, а сами светила образовывали сложные узоры, будто неведомый ювелир прихотливо выложил на фоне бархатистой тьмы замысловато переплетенные нити драгоценный камней…

В первый момент воображение отказывалась понимать, что каждая из сияющих во тьме точек – это звездная система.

Жизнь в шаровом скоплении равномерно распределялась по периферии; там где сиял сгусток ослепительно света звездная плотность достигала огромных величин, при которых невозможно формирование устойчивых планетных систем.

Сотни, тысячи новых планет, уже известных и еще не открытых, таились среди феерии звездного огня, и, как знала Селена, все без исключения миры переполняла древняя жизнь. Три миллиона лет в скоплении правила Квота Бессмертных: за это время голубокожие гуманоиды полностью подчинили себе Инсектов и Логриан, цивилизации которых утратили память о своем былом величии.

Теперь все изменилось. Неудержимый порыв Человеческой экспансии прорвал защитную вуаль древних логрианских устройств, и Хараммины, которые сами успели позабыть, что за границами Вуали простирается необозримый простор Вселенной, оказались поставлены перед фактом: еще немного и первопроходцы из числа людей начнут массово проникать в скопление.

Для членов Квоты Бессмертных, узурпировавших технологию Логров, это означало конец безраздельного владычества. Они понимали, что

молодая, экспансивная раса, прорвавшая вуаль забвения, просто вернет Логрианам и Инсектам знание о бесконечности Вселенной: люди укажут порабощенным расам на разрушенный Логрис, обветшалую Сферу Дайсона, когда-то построенную разумными насекомыми вокруг своей родной звезды, и переполнившиеся за три миллиона лет миры восстанут, сметая власть голубокожих хозяев жизни.

…Эти мысли промелькнули в голове Селены, пока она смотрела на бесподобно красивый сгусток звездного огня.

Теперь все уже позади, семидневная война, как и реанимация Логриса, принадлежали истории; Инсекты и Логриане вошли в состав обновленной Конфедерации Солнц, в качестве равноправных членов Галактического сообщества, и теперь перед верховным руководством содружества стояла нелегкая задача: донести до миллиардов людей тщательно взвешенную информацию о двух негуманоидных расах, изъявивших желание объединиться с Человечеством ради общего мира и процветания.

Конечно, все обстояло намного сложнее, чем предлагала информационная система данного виртуального пространства, но главной задачей этого информатория заключалась в том, чтобы познакомить людей с чуждыми жизненными формами, дать рассудку визуальные образы, помочь взгляду свыкнуться с обликом ксеноморфов, представив их в дружественном, выгодном для дальнейшего взаимопонимания свете.

…Глаза устали от резкого контраста света и тьмы, и Селена переключила свое внимание на огромное тщательно распланированное пространство виртуальной платформы, где вдоль широких дорог, намеренно обсаженных привычными для людей растениями, застыли фантомные фигуры ксеноморфов, стояли образцы их техники, причудливыми архитектурными ансамблями высились масштабированные копии черных конических городов расы разумных насекомых, а чуть выше парили пространственные конструкции, наглядно иллюстрирующие разнообразные орбитальные поселения Логриан, которые предпочитали причудливые пространственные комплексы тривиальной планетной тверди.

И как завершающий штрих к собирательному образу двух древних космических рас, в центре смотровой площадки медленно вращалась проекция Логриса – иссиня-черный конический вихрь, составленный из миллиардов отдельных Логров; издали он казался чуть размазанным, из-за отдельных кристаллических нитей, которые неплотно прилегали к основному конусу.

Селена долго бродила меж экспонатами виртуального информатория,

пока ее взгляд не пресытился фрагментами чуждой жизни.

Устав, она по привычке начала обращать внимание на фантомы людей.

Сюда приходили поодиночке и парами, попадались даже семьи с детьми, – информаторий, несомненно, успел обрести в короткий срок широкую популярность: единовременно по его просторам перемещались десятки тысяч человек, в скоплении экскурсантов взгляд встречал представителей большинства обитаемых планет, что само по себе было явлением незаурядным.

И все же среди многотысячного скопления экскурсантов, она увидела ЕГО, еще не подозревая в тот миг, кем станет для нее одинокая фигура, застывшая у края смотровой площадки.

Высокий мужчина средних лет, одетый, вопреки модам, во все черное, стоял совершенно неподвижно и, скрестив руки на груди, смотрел не в сторону шарового скопления звезд, а в противоположном направлении, где среди мрака горстью серебристых пылинок были развеяны человеческие миры.

Его поза, облик, направление взгляда мгновенно приковали к себе внимание Селены. Она умела распознавать фантомные личности, интуитивно угадывая, насколько интересен для нее может стать потенциальный собеседник.

На этот раз оценка происходила чуть иначе… едва коснувшись взглядом одинокой фигуры, еще не видя его лица, она почувствовала, что заинтригована: он будто выпадал из общего пространства, резко диссонируя с пестрой любопытствующей толпой.

Редкий случай: Селена не удержалась, решившись сама подойти к нему.

Он стоял неподвижно, хотя по степени детализации фантома, той физической достоверности, которая угадывалась в каждой детали его темной одежды, было нетрудно предположить: фантом такого уровня, сродни ей самой, он по определению должен быть имплантирован, а значит мог чувствовать, что к нему приближается другая виртуальная личность… но все-таки он не обернулся, пока Селена не подошла вплотную.

Этот миг первой встречи взглядов, ни он, ни она уже не забудут никогда.

Фигура, казавшаяся издали мрачноватой, сумеречной, на самом деле принадлежала человеку лет тридцати, чьи худощавые черты лица резко контрастировали с одеждой и глазами.

Мудрый человек сказал, что глаза, – это зеркало человеческой души.

Селена встретила глубокий взгляд, который, соприкоснувшись с ее теплыми зрачками, вдруг потянул, будто омут, увлекающий неосторожного пловца в бездонную глубину, и тут же отпустил, потеплел, в ответ на ее тепло, как бы извиняясь этим за нечаянную вольность.

Она не испугалась, – в мире грез страх редко приходит в виде оформленного чувства, наоборот, такой резкий контрастный переход от бездонной глубины к ответному теплу, отмел зародившееся было сомнение в оправданности своего поступка.

Осталось ощущение таинственности, недосказанности, но, как оказалось, он испытывал то же самое: Селена в первый миг предстала перед ним зыбким сгустком нереального, теплого, ласкового тумана, который стремительно обретал черты молодой женщины… от нее веяло искренним теплом открытой души, и что-то дрогнуло в его чертах, заставило сбросить маску напряжения, застывшую на лице пока он взирал в Бездну.

Киберпространство имеет свои, устоявшиеся веками правила общения, и потому первые слова, произнесенные незнакомыми секундой ранее людьми, не несли тех комплексов, которые присущи любому знакомству в реальном мире.

– Тебе тоже надоели ксеноморфы? – Спросила она.

Он кивнул в ответ, улыбнувшись краешком губ.

– Меня зовут Селена.

Странно, но он на миг промедлил с ответом, словно вопреки правилам у него не нашлось заранее заготовленного сетевого имени.

Или их было несколько, и доли секунды он выбирал…

– Ветер. – Неожиданно произнес он.

Селена удивилась такому не характерному для сети нику, но… в конце концов это было даже здорово, он еще глубже заинтересовал ее.

– Звездный Ветер… – Произнесла она, взглядом указав на россыпь серебристых пылинок.

Он понял намек.

– Оттуда мы пришли. Там наши родные планеты. – Ответил он на вопрос, прочитанный во взгляде Селены. – Посмотри, мы как горсть пыли, развеянная во мраке, а большинство уже стремиться вперед, через сузившийся провал Рукава Пустоты к новым звездам. Разве не странно искать свое счастье там, оставляя за спиной едва освоенные миры?

Селена пожала плечами.

– Может это просто любопытство? Нам нравиться заглядывать за горизонт, мы ловим мечту?

Он снова посмотрел назад и ответил:

– В нашей экспансивности есть что-то фатальное. Люди уже перестали замечать, что, двигаясь от звезды к звезде, начинают оставлять после себя настоящие артефакты, принадлежащие не древним расам, а самому человечеству.

В тот миг она не сумела понять скрытого подтекста высказанной вслух мысли, лишь улыбнулась, покачав головой – каждый сам ищет свою дорогу и древнее заблуждение: «хорошо там, где нас нет» все еще успешно владеет умами многих.

– Ты не видишь прекрасного и таинственного за горизонтом? – Спросила она, посмотрев в глаза Ветру. – Тебя не манит этот сгусток звездного света?

Он усмехнулся.

– Не настолько, чтобы сорваться с места и лететь навстречу Чужим. Мне кажется, что много прекрасного, неповторимого остается при этом за спиной, словно мы мчимся вперед в клубах пыли, не замечая окружающих красот.

Селена впервые сталкивалась с подобной трактовкой Экспансии. Ветер явно выделялся среди толпы, впрочем, как и она сама. Его слова находили отклик в душе, с первых фраз тревожа почти позабытые чувства.

– Ты часто приходишь сюда?

– Нет. Только когда возникает желание оглянуться назад.

– Странно. Я думала, что информаторий создан, чтобы люди привыкали смотреть вперед в будущее.

– Да, это так. Но у каждого правила есть исключения, верно? И только от нас самих зависит, как использовать эту площадку.

У каждого правила есть исключения…– фраза Ветра сначала вызвала неосознанный протест, но потом вдруг вошла в унисон с ее собственными мыслями, она оказалась созвучна внутреннему миру Селены, и это, как нередко бывает в киберпространстве, тут же вызвало отклик, похожий на мгновенную интуитивную оценку собеседника, зачастую самую точную, верную, абсолютную…

Он решал для себя те же вопросы, что я…– Подумала Селена, и мысль тут же оттолкнулась, словно опытный гимнаст, скользнула дальше, по прихотливым извивам памяти.

Она глубоко вздохнула, внезапно ощутив, что он сделал то же самое.

Все происходило со странной стремительностью, будто внезапно среди десятков тысяч блуждающих вокруг личностей встретились две давно потерявшиеся половинки чего-то большого…

Селена повернулась, бросив взгляд в ту сторону, куда так пристально смотрел Ветер несколько минут назад, и действительно: сама суть информатория вдруг поменяла свой знак – теперь чужие миры остались за спиной, а впереди, лежала необъятная Бездна, по которой были прихотливо рассеяны искорки звездного света.

Стоило поймать этот ракурс, чтобы понять: он тоже ищет нечто необычное, неординарное в простых казалось бы явлениях…

Киберпространство.

Место, где для соприкосновения душ не требуется преодолевать тысячи условностей, где все просто, понятно и в то же время лежит на зыбкой грани морального фола…

Селена умела чувствовать грань между миром фантомных грез, где душа искала и находила фрагменты сказки, где отдыхал или наоборот стремительно развивался рассудок, и миром реальным, с его налаженной вполне удовлетворительной жизнью, и потому, встречаясь в киберпространстве с новой для себя личностью, она всегда смотрела на нее с известной долей осторожности, исподволь выясняя, насколько душа спрятанного за фантомной маской человека сродни ей самой, чувствует ли он эту грань?

Сейчас она испытывала лишь смятение, без намека на взвешенную рациональность.

Слишком быстро и спокойно он принял и вернул ее тепло, так, будто знал Селену уже очень давно…

Может быть, в тот день ей стоило просто попрощаться и уйти?

Почему она не сделал этого?

…Ветер, проследив за ее взглядом, внезапно предложил:

– Пойдем туда? Ты встречала когда-нибудь рассвет над Элио?

Она медленно повернула голову. Глаза Селены блеснули влажно, таинственно и тревожно…

– Если ты скажешь – я уйду. – Спокойно произнес Ветер, заметив тревогу и смятение в ее глазах, но именно ровный тон, которым он произнес свою фразу, вдруг заставил Селену решиться.

Она коснулась протянутой ладони, мельком оглянулась через плечо на огромное пространство информатория, где сейчас бродили десятки тысяч ничего не значащих для нее людей, и пальцы затрепетали, вобрав внезапную дрожь его руки.

– Ты будишь во мне что-то давно позабытое… – Тихо сказал Ветер, увлекая ее в мгновенный гиперпространственный переход.

* * *

Над маслянистыми водами залива Эйкон, роняя алые капли ауры, пламенели вековые Раворы, – они сияли в предрассветных сумерках, словно причудливые столбы жидкого пламени, и огни расположенного вдоль побережья мегаполиса блекли перед ними.

Это действительно оказалось незабываемым, потрясающим, особенно когда первые краски зари осветили слоистые облака у далекого горизонта, а на галечном пляже стал четко виден одинокий обелиск, установленный на месте посадки колониального транспорта «Кривич».

Они встретили рассвет на Элио, почти не разговаривая, наслаждаясь несказанной красотой природы, и теперь уже Селена в свою очередь увлекла его в стремительный прыжок по каналам Гиперсферной Частоты, чтобы их фантомы материализовались в виртуальном пространстве планеты Эригон, в удивительно красивых пещерах, вырезанных первыми колонистами в толще ледового панциря, покрывающего собой всю планету.

Свет тускло-красного солнца проходил сквозь прозрачный лед, причудливо изламываясь, распадаясь на разноцветные спектральные полосы… казалось что яркими красками полыхает сам воздух вокруг тебя… и снова переход, теперь уже к дивным золотистым пляжам планеты Дион…

Не было нужды в словах, эмоции перехлестывали разум, и смена красот порождала в душе у Ветра странные, неведомые ранее грезы: ему казалось, он видит, как две невесомые, эфемерные души кружат, сплетаясь в причудливых па, над виртуальными пространствами планет, куда более тысячи лет назад впервые ступила нога человека…

Он не хотел покидать киберпространства, потому что знал, как все сложно за пределами фантомных вселенных. Танец душ чуть горек, но легок, а мир физический полон комплексов, запретов и непредсказуемых реакций.

Селена чувствовала то же самое. Она жадно впитывала каждый миг этого внезапного счастья, ей хотелось спрятать образ Ветра в самый дальний потаенный уголок своей души, чтобы это не закончилось никогда…

…С тихим шипением распахнулись пневматические двери кабинки.

Она вздрогнула, открывая глаза.

На улице вот уже третьи сутки подряд моросил дождь.

Глава 3.

Удаленная от границ обитаемого космоса звездная система.

Планета Гермес – признана не пригодной для колонизации.

Статус: Частная собственность.

Неистовый ветер гнал по каменистым пустошам непрекращающуюся поземку оранжевого песка.

В сумраке диск близкой звезды казался кроваво-красным, слегка размытым по краям. На него можно было смотреть невооруженным глазом, но все же люди, один за другим покидающие борт посадочного модуля, опускали защитные светофильтры на забрала своих шлемов.

– Я ничего не вижу. Ты уверен, что не ошибся, Дрейк? – Фрост, экипированный в боевой скафандр, остановился в нескольких шагах от телескопического трапа, тщетно сканируя окружающее пространство.

– Будь спокоен Анджей. Канал гиперсферной частоты указывает именно на эту систему.

– Как ты его отследил?

– Он сам нарушил свое забвение. – Признался Дикс. – Я кибрайкер, не забыл, Анжи? И не отношу себя к числу тех неудачников, кто действительно годами пересматривали архивы первой Конфедерации, в надежде найти хотя бы зацепку, намек… но подобный путь – лишь тщета, пустая трата времени.

– Ты догадывался, что вокруг этой планеты обращается станция ГЧ? – Блеснул проницательностью Анджей.

– Да, но она молчала. Связь с Интерстаром была прервана очень давно и станцию исключили из списка действующих устройств. Никто ведь не знал, где именно она расположена, чтобы слетать и посмотреть, – отчего молчит гиперсферная частота загадочного Гермеса? Я рассудил так: если человек, о котором я тебе говорил, жив, и скрывается тут, то рано или поздно он войдет в сеть. Оставалось лишь расставить сигнальные ловушки и ждать…

– Терпеливый ты. – Скупо похвалил его Фрост, включая сканеры скафандра.

– Результат стоит приложенных усилий, вот увидишь. – Ответил ему Дрейк. – Он выдал себя, создав виртуальный мир, такой степени достоверности, что, взглянув на это творение, я сразу понял: подобный фрагмент киберпространства мог сотворить и исправно поддерживать

только ОН. Дальше было несложно. – Дрейк усмехнулся, хотя забрало с опущенным светофильтром полностью скрывало мимику от глаз собеседника. – На всякий случай я постарался определить его цели. Все оказалось весьма прозаично.

– Не понял? – переспросил Анджей.

– Что тут непонятного? Зачем ЕМУ создавать внешний мир?! Я лишь внимательно наблюдал и в итоге понял – он возобновил связь с Интерстаром ради своей виртуальной подруги. Так что у нас на руках есть весьма серьезный козырь. Она мнемоник, работает на одну из корпораций Окраины, – мне пришлось изрядно потрудиться, прежде чем удалось установить данные ее физической личности. Но, тем не менее, я это сделал, – не без самодовольства сообщил Дикс. – Теперь, если он станет нам мешать, мы просто возьмем его подругу, и используем в качестве аргумента для убеждения.

– Ты приписываешь ему слишком много человеческого.

– Он человек, Фрост, можешь не сомневаться в этом. Просто в некоторых вопросах тебе придется полностью полагаться на мои суждения, и тогда все будет в порядке.

– Хорошо… Посмотрим. Сначала нам нужно отыскать его убежище среди этого содома. Тут всегда так ветрено и пыльно?

– Да. Но для меня песчаные бури лишь еще одно доказательство, что планетоид тот самый. Давай не будем терять время. Площадь для разведки не маленькая.

– Разделимся на две группы. – Кивнул Анжи, отдавая команду своим людям. – Сейчас свяжусь с орбитой, пусть пилоты задействуют сканеры «Сигмы», хотя сомневаюсь, что они помогут в такой пыли…

* * *

У Дрейка не было своих людей, которыми он мог бы командовать, зато у него имелась голова на плечах… видел бы ее Раушев, назвавший Селену «насквозь имплантированной», то охранника корпорации «Эхо» точно бы хватил удар…

Драйв вступил на скользкий и опасный путь кибрайкера, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет. С тех пор, как он взломал первый интерстаровский узел, у него не стало ни друзей, ни постоянного места жительства, ни каких-либо иных привязанностей, способных вывести полицию на его след.

За Драйвом охотились. Ориентировки на него имелись в каждом полицейском управлении всех без исключения планет Конфедеративного Содружества, и, тем не менее, он успешно продолжал свою преступную деятельность, нисколько не тяготясь статусом вечного беглеца и изгоя.

Наоборот, Дрейка лишь подзадоривал подобный расклад. Иногда, после особо крупных, удачных дел, у него появлялись время и возможность поразмыслить над своим образом жизни, и каждый раз он приходил к одному и тому же выводу – дай ему судьба шанс начать все сначала, он, не колеблясь, пошел бы по прежнему пути.

Этого не объяснить. Как иных людей затягивает в свои тенета страсть к азартным играм, так и Драйв не мог, да и не хотел остановиться, – его ужасала мысль о том, что жизнь однажды может поблекнуть, превратиться в какую-нибудь тягучую рутину, где не будет этого острого, пьянящего ощущения, когда ты чувствуешь, что скользишь на грани двух пространств, находясь при этом на волоске от смерти (видели когда-нибудь голографический снимок кибрайкера, которого настигла особо изощренная программа-сторож, или уложил полицейский мнемоник)?

Драйв видел. И не на снимках, а воочию.

К тридцати годам он приобрел такой опыт, что мог смело назвать себя самым продвинутым и неуловимым виртуальным преступником, какого еще не знала сеть Интерстар.

При желании он давно уже мог завязать, купить себе индульгенцию, или, на худой конец, – небольшую планету на Окраине, где его не достал бы ни один сыскной агент Конфедерации.

Планету он купил.

Даже заложил фундамент свой резиденции: шикарного, окруженного парками особняка под куполом суспензорного поля, вне которого царил вакуум, и призывно сияли звезды.

Две недели он честно руководил строительством, пока не подвернулось очередное, не очень выгодное, но весьма рискованное дело.

В тот раз у него не заладилось: целая группа специально подготовленных мнемоников из отдела по борьбе с виртуальной преступностью, прочно села ему на хвост, и, уходя от преследования, Дрейк не только провел в скитаниях целый год, но и спустил большую часть накопленного состояния. Так что его дворец остался грудой строительных материалов, которые постепенно теряли свои прочностные качества от резких перепадов температур на безвоздушном планетоиде, обращавшемся вокруг красного карлика в тридцати световых годах от Аллора – столицы корпоративной Окраины.

В тридцать пять, испробовав все, став легендой среди кибрайкеров, получив три заочных приговора на пожизненное заключение, он понял, что ему стало скучно.

Из жизни постепенно уходил азарт, а вместе с ним и пьянящий вкус риска. Он заглядывал в собственное будущее, но не видел там сколь либо значимой перспективы. Преступная сторона виртуалки настолько прочно поглотила его сознание, что он уже не мыслил себя без нее, но при всей многоликости киберпространства он умудрился испробовать на вкус все возможные риски. Что ему оставалось теперь?

Пребывая в скверном, критическом расположении духа, он машинально продолжал работать, выполняя разовые заказы, пока на его мысленном горизонте не появилась действительно впечатляющая идея.

В одном из номеров ежемесячного издания «Все Миры» он прочитал статью, которая называлась «Взлет и падение „Галактических Киберсистем“ – акция спецслужб Конфедерации или…»

Если бы не троеточие в названии, он не стал бы читать упомянутую статью, но, ознакомившись с ней, он вдруг понял, что в жизни может появиться новый смысл.

Из текста искушенный разум Дрейка Дикса сумел выловить зерно странной истины, раскопав его среди плевел домыслов и догадок. Он понял главное, о чем автор статьи, наверное, даже и не задумывался – Человечество уже давно остановилось у некой ограничительной черты, сознательно накладывая «вето» на дальнейшее развитие кибернетики.

Этот факт, практически не бросался в глаза рядовому обывателю – техника людей, даже в сравнении с недавно познанными технологиями древних космических рас, находилась, что называется «на высоте» – она удовлетворяла всем мыслимым потребностям, но… «имеющий глаза – да увидит»: даже самым прогрессивным наработкам по скромным, предварительным оценкам Дикса, насчитывалось уже около трехсот-четырехсот лет.

Драйв, искушенный, логичный, знакомый не только с виртуалкой, но и с законами бизнеса, быстро сообразил – это ни что иное, как договор, негласно существующий между Конфедерацией и Окраиной. Опасный, ненадежный баланс: с одной стороны буквальное исполнение негласных договоренностей гарантировала вся мощь конфедеративного флота, готовая обрушиться на нарушителей запретов, а с другой отсутствие четкой юридической базы для подобных ограничений, оставляли множество лазеек для теневого бизнеса.

Однако вопрос, взволновавший Дрейка, заключался в ином: почему

развитие кибернетики было грубо остановлено, что за непонятную покладистость демонстрируют промышленные группы Окраины, которым прогресс попросту необходим для успешной конкуренции и динамичного развития?

Он долго размышлял над ответом, а когда нашел удовлетворительное объяснение, то взялся за поиск тех, кто, не смотря на запреты, продолжал развивать новейшие технологии.

Первым кандидатом в списке стала корпорация «Галактические Киберсистемы», а вернее – ее тайный научно-промышленный центр.

Учитывая странную кончину владельцев мощнейшей корпорации обитаемого космоса, и ее последующий развал на тысячи независимых производств, разбросанных по сотням планет, стоило предположить, что упомянутый центр, лишившись своих владельцев, превратился в огромный человеческий артефакт.

Драйв буквально заболел мечтой отыскать его.

Не имея привычки откладывать дела на неопределенный срок, он с упоением принялся за работу, которая не сулила сиюсекундных денег, но востребовала весь недюжинный опыт и талант кибрайкера. Он как паук сплел тончайшую сигнальную паутину, которая оповещала своего создателя о любом событии с упоминанием «Галактических Киберсистем», и принялся искать, взламывая закрытые для доступа информационные хранилища, банки данных планет и секретных подразделений Совета Безопасности Миров.

В ходе многолетнего поиска он истратил практически все деньги, не раз побывал на волосок от смерти, ибо самое ценное в современном мире – это информация и охраняется она соответственно.

«Галактические Киберсистемы» стали для него едва ли не смыслом жизни. Он по крохам восстановил историю корпорации, поражаясь размаху ее деятельности. Это еще нужно умудриться: разрабатывать шагающие серв-машины по заказу Совета Безопасности, и одновременно поставить на конвейер поток человеческих клонов, громко именуемых биороботами. Гениальное с точки зрения технологий, и откровенно преступное в плане общепринятой этики действие. Они выращивали взрослые тела, обладающие чистым разумом младенца, и имплантировали им компактные устройства – так называемые генераторы нейронных импульсов, с заранее прописанными программами поведения. Потенциал саморазвития человеческого мозга отсекался жестоким, но эффективным путем: геномы клонов подвергались «усовершенствованию», в результате которого так называемый «биоробот» погибал спустя пять лет после начала

эксплуатации.

Свет истины, который в начале поисков всего лишь брезжил у мысленного горизонта Драйва, постепенно разгорался, обретая силу убеждения.

Он понял – «Киберсистемы» чем-то похожи на него, если конечно можно сравнивать отдельного человека и целую корпорацию, хотя он думал о ней не как о промышленной группе… в сознании Дрейка «Киберсистемы» ассоциировались с несколькими конкретными людьми, которые из поколения в поколение развивали технологии, лежавшие далеко за чертой морального фола.

При таком раскладе совершенно не удивительно, а вполне естественно, закономерно, что владельцы «Киберсистем» сделали все от них зависящее, чтобы карательные меры Конфедеративного Содружества не настигли ядро корпорации, и их самих в частности. Драйв был убежден: где-то за границами обитаемого космоса существовал тайный центр, откуда на тысячи производств поступали новейшие разработки, сочетающие кибернетику с генной инженерией…

Падение «Киберсистем», по странному стечению обстоятельств совпадало во времени с зачисткой планеты Зороастра, которая, не войдя в состав Конфедерации, долгое время являлась центром криминального бизнеса в сфере генной инженерии.

Ходили слухи, что неприступную орбитальную оборону Зороастры сломал боевой флот корпорации «Галактик Киб», а уже после туда высадились космическая пехота Конфедерации.

Странный, интригующий узел исторических событий… Драйв при всем упорстве и неистовом желании так и не смог узнать правды: с информацией, относящейся к моменту падения Зороастры и внезапному краху «Галактических Киберсистем», поступили самым надежным способом – ее уничтожили, вычистили из всех мало-мальски достоверных источников, оставив лишь слухи, которые со временем обросли совершенно неправдоподобными подробностями.

Все свидетельствовало в пользу неутешительного вывода: истина утрачена, впору опустить руки, бросить безнадежное дело, но Дрейк продолжал поиск, и в конечном итоге его упорство было вознаграждено. В одном из архивов Комитета Колониальной Администрации, некоторое время функционировавшего на базе Совета Безопасности Миров, он нашел черновой вариант постановления, где упоминалась некая планета Гермес – мир пятой категории (не пригодный для колонизации без применения полного цикла терраформирования) который предполагалась продать на

правах частной собственности Артуру Сент-Иво.

Имя и фамилия покупателя подействовали на Драйва как запах добычи на породистую охотничью собаку – Артур Сент-Иво являлся основателем «Галактических Киберсистем»!

Казалось бы – вот он желанный момент истины… но черновик документа не содержал даже намека на координаты звезды, вокруг которой обращался упомянутый планетоид.

Дрейк ощущал, как его рассудок скользит по синусоиде взлетов и падений, – очередная удача вновь завела его в тупик, но он продолжал начатое, отметая мысль о собственной одержимости, которая все чаще приходила в голову.

Его триумфом стал день, когда Драйв нашел упоминание о некоем Джоне Митчеле Сент-Иво, чей разум при невыясненных обстоятельствах оказался трансплантирован в тело киборга. Еще один осколок непонятной мозаики событий недалекого прошлого: после тяжелых злоключений и судебных разбирательств последний был признан разумным существом, сумев доказать что биомеханическое тело ни коим образом не влияет на его рассудок. В качестве решающего аргумента суду был предъявлен микрочип, изъятый из генератора нейронных импульсов.

Любопытнейший прецедент в сочетании с двойной фамилией фигуранта, толкнуло Дрейка на дальнейшие поиски, и в конечном итоге он обнаружил в архивах Совета Безопасности электронную копию документа, свидетельствовавшего, что решением верховного суда первой Конфедерации Солнц Джону Митчеллу Сент-Иво выдано разрешение на получение гражданства планеты Аллор.

Жив.

Последний член семьи Сент-Иво жив.

Драйв внезапно ощутил, что его многолетний поиск, наконец, близиться к концу.

Естественно он первым долгом проверил столицу корпоративной Окраины, но на Аллоре Митчелла не оказалось. После всех приложенный усилий Драйв уже не воспринял неудачу как удар: он знал – куда бы не зашвырнула капризная судьба наследника «Галактических Киберсистем», он обязательно проявит себя тем или иным образом.

Дрейку оставалось лишь одно – ждать своего часа и не упустить шанс.

…

Когда после Семидневной войны внезапно заработала станция ГЧ планеты Гермес, Дреку Диксу уже исполнилось сорок лет.

Теперь для достижения заветной цели ему требовалась самая малость: космический корабль, способный совершить прыжок по известным координатам, и сговорчивый компаньон, который станет держать язык за зубами.

И то и другое он нашел в лице Анджея Фроста, которого капризная судьба привела на Ганио, как раз в тот момент, когда Дикс безуспешно пытался найти приемлемое решение возникшей проблемы.

Фрост подходил ему по всем параметрам – обуреваемый жаждой мщения, он не станет глубоко вникать в замыслы Драйва. Получит вожделенное оружие, да пару десятков киборгов и отвалит, оставив Дрейка наедине с Мечтой.

Хотя существовал мизерный шанс, что Анжи, окажется чуть более проницательным, и захочет принять участие в реанимации скрытых на Гермесе технологий.

Нет, этого я ему не позволю…– Мрачно подумал Драйв, продвигаясь сквозь плотные клубы пыли в ту сторону, где сканирующие системы его имплантов обнаружили нечто огромное, смутно похожее на одинокий, уступчатый небоскреб, гордо возвышающийся посреди каменистых пустошей назло порывам неистового ветра.

За завесой оранжевой бури крылась его многолетняя мечта, делить которую Дрейк не собирался ни с кем.

* * *

Виртуальное пространство информационного поля планеты Гермес…

Фрагмент бесконечности…

Его внутреннее восприятие жизни походило на долгое мучительное пробуждение от кошмарного сна.

Схожие ощущения испытывает человек после укуса фромга – хищного животного с планеты Крей.

Сильнодействующий наркотик на некоторое время парализует жертву, но не убивает ее, и отвратительное мохнатое существо поедает добычу заживо, пока та плавает в дурмане грез, едва осознавая реальность.

Так происходит в широколиственных лесах Крея, но люди, на которых укус фромга действует как слабый галлюциноген, сумели приручить этих опасных, похожих на пауков тварей, чтобы те не пожирали своих хозяев, а лишь кусали их, впрыскивая в кровь дозу наркотика…

Немногие, излечившиеся от пагубной зависимости, проводили в

клиниках годы, пока к ним возвращалась память.

Естественно, его никогда не кусал фромг. Он лишь однажды сталкивался с подобной тварью, но прихотливое подсознание, имеющее свойство ассоциировать протекающие в нем процессы с определенными, полученными когда-то, а потом прочно забытыми впечатлениями, предложило именно такой образ…

Действительно, вернувшись в Башню, он едва ли помнил свою полную злоключений жизнь. Казалось, что память стерта, и сознание – это лист чистой бумаги на которой можно написать свою новую судьбу.

Ничуть.

В стремлении вспомнить самого себя и укрыться от враждебного внешнего мира он попал в ловушку.

Башня хранила множество призраков былого, и ее информационные носители постепенно отдавали ему память о прошлом, – том прошлом, от которого он когда-то бежал.

Запоздалое прозрение. Чтобы восстановить свою личность ему пришлось вновь пережить утрату близких, насытиться бесцельной юностью, познать глубинный ужас собственной смерти и последующей реинкарнации, немея от той смеси утрат, ошибок и запоздалых потуг на человечность, которыми было переполнено его последующее существование.

Чистый лист бумаги оказался исписан кривыми, не поддающимися ластику каракулями, – чем больше информации отдавала ему система исполинского кибернетического комплекса, тем страшнее, ужаснее выглядело прошлое.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что Судьба пронесла его как щепку, кружа в бурных водоворотах жизни, а он, поддавшись этому потоку, оказался слаб, безволен, и лишь страдания закалили его… но поздно, слишком поздно.

Заново познав прошлое, он еще сильнее захотел забвения.

Он ненавидел Башню, олицетворяющую самый мрачный отрезок его жизни, но погибнуть в третий раз, совершив добровольный акт самоубийства, равно как и воспользоваться уникальными возможностями дремлющего под маской забвения кибернетического комплекса он не хотел.

Граничащий с равнодушием конформизм поселился в душе, – отвергая прошлое, не представлял будущего, он начал медленно угасать, как догорающая свеча, оплывшая до самого основания – огонек сознания едва теплился, освещая крохотный уголок души, где затаилось истерзанное эго.

Кем он был на самом деле?

Собранным по фрагментам памяти, вновь осознавшим самого себя моральным уродцем, или просто безмерно уставшим сгустком сознания, которое упорно абстрагировалось от окружающего мира, страшась в третий раз шагнуть в бурный поток, который мы привычно называем словом «жизнь»?

Такое положение вещей не могло длиться вечно, однако необходим был внешний толчок, событие, чтобы он очнулся и принял, наконец, решение относительно собственной судьбы.

Подсознательно он понимал, что не умрет.

Уникальная автоматика Башни способна поддерживать крохотный зыбкий огонек самосознания на протяжении тысячелетий, и она делала это, пока дремлющий рассудок пребывал в состоянии добровольного стазиса…

* * *

Темная уступчатая громада Башни приближалась.

Вездеход, оснащенный дополнительными сканерами и планетарным вооружением двигался медленно, осторожно, ощупывая сенсорами каждый сантиметр поверхности, но постройка и прилегающие к ней окрестности выглядели давно и безнадежно заброшенными.

– Никого нет дома, да, Дрейк? – Фрост заметно нервничал, чувствуя себя неуютно. Он привык к конкретным действиям, загадки и полнейшая неизвестность действовали на Фроста удручающим образом, – он начинал злиться.

– Не факт… – Драйв остановил вездеход, откинувшись в кресле.

Некоторое время он молча созерцал контуры Башни, а потом на контрольной панели бортового вооружения замерцали крохотные искорки индикации.

Анджей покосился на своего компаньона. Иногда от поведения Дрейка мороз пробегал по коже. Сидит себе, даже пальцем не пошевелил, кто же тогда управляет в данный момент системой вооружений?

– Не дергайся. – Словно прочитав его мысли, произнес Драйв. – Сейчас я нанесу удар из установок электромагнитного импульса.

– Хочешь спалить всю электронику?

– Всю активную электронику. – Уточнил Дрейк, отключая кибернетические системы вездехода. – Нам ведь не нужны сюрпризы на входе, верно?

Спорить с такой логикой Фрост не стал.

Залп установок электромагнитного импульса невидим для человеческого глаза, разве что через открывшиеся смотровые триплексы Анджей заметил, как в пыльном воздухе мелькнули и погасли бледные сполохи холодного радужного света.

Покосившись на Дрейка, Анжи по его настороженному, напряженному взгляду понял, что тот не особо уповал на эффективность электромагнитного удара. Действительно, Драйв за время многолетних поисков слишком многое узнал о «Галактических Киберсистемах», чтобы недооценивать их технологии.

В данный момент он ждал ответной реакции. В напряженном созерцании прошла минута, другая, но мрачное уступчатое здание, царящее над каменистой равниной, по-прежнему казалось мертвым и заброшенным.

С тихим вибрирующим звуком заработали двигатели вездехода, вновь включились приборные панели, осветились дисплеи следящих систем.

– Все в прядке, Дрейк? – Голос Фроста прозвучал сипло, будто за пару минут ожидания он успел заразиться мистической формой ужаса перед молчаливым величественным сооружением.

– Пока да. – Не очень любезно огрызнулся Дрейк, заставив вездеход тронутся с места.

Вспахивая оранжевый песок огромными литыми колесами, машина медленно поползла по направлению Башни.

– Дрейк…

– Помолчи!… Я работаю…

Фросту, не смотря на наглядный урок с импульсным пистолетом, все еще было невдомек, что в данный момент не электроника планетарной машины, а импланты Драйва вкупе с подключенными к ним сканирующими кибермодулями, являлись основным средством обнаружения посторонней активности.

Дикс не собирался посвящать своего компаньона в тонкости. За его голову назначено нешуточное вознаграждение, так что нечего вводить Фроста в соблазн. В двух шагах от заветной цели он начал вести себя с особой осторожностью, словно находился сейчас не на поверхности планеты, а где-то в границах чуждого, тщательно охраняемого виртуального пространства.

Впрочем, сознание Драйва действительно «раздваивалось» – глаза следили за приборами, руки вели многотонную машину среди барханов оранжевого песка, а внутренний взор, проникая через завесу пыли, уже видел Башню во всех подробностях ее величия и многолетнего запустения.

У основания конической постройки цоколь был расколот взрывом, примерная мощность которого измерялась мегатоннами в эквиваленте таугермина. Приблизительно такую же картину разрушений демонстрировал один из верхних уступов циклопического сооружения.

По характеру разрушений Драйв понял, что оба взрыва произошли внутри самой Башни – его внутренний взор четко различил вывороченные наружу балки несущих конструкций, которые торчали из внушительной пробоины, словно корявые, изломанные руки…

Странные ассоциации вторгались в рассудок, пока он тщательно, метр за метром осматривал исполинское сооружение.

Спустя некоторое время Драйв пришел к очевидному выводу – все повреждения относятся к прошлым событиям, происходившим тут годы, а быть может десятилетия тому назад. Сейчас единственным агрессором, постоянно атакующим Башню извне, являлся вездесущий ветер, перемещающий по поверхности планетоида тонны песка и пыли. Этот своеобразный абразив не мог повредить монолитных стен, но в районах разрушений он до блеска отполировал обнажившиеся металлоконструкции, сняв с них налет копоти, лег пологими откосами внутри просматривающихся сквозь проломы помещений, покрывая пол рябью миниатюрных барханов.

Кто же тут поработал? – Размышлял Драйв, глядя на впечатляющие картины разрушений. *-Диверсионная группа первой Конфедерации? Или конкуренты «Галактических Киберсистем», дерзнувшие обезглавить мощнейшую корпорацию обитаемого космоса?…*

Ответ вне сомнения крылся внутри циклопического сооружения.

Если в лабораториях все уничтожено – значит, работали спецподразделения Патруля. Ну а картина тщательно обыска и тотального изъятия информационных носителей будет указывать на конкурирующие кампании. Так или иначе, загадка внезапного краха «Киберсистем» начала приподнимать вуаль, скрывающую истину. Как и предполагал Драйв, смертельный удар был нанесен в самое сердце могучей технократической империи. Видимо семья Сент-Иво не сильно доверяла своим планетным управляющим, оставив им лишь рутинные функции, в то время как поступление новых технологий и все указующие директивы исходили отсюда. С точки зрения Дрейка это была ошибка. Концентрация управления в одном месте всегда чревата риском внезапного губительного сбоя. Неудивительно, что сотни производств оказались брошенными на произвол судьбы, как только замолчал информационно-управляющий центр корпорации…

…Пока он напряженно размышлял, одновременно пытаясь вычислить источники энергетической активности, оба вездехода подползли к самому основанию Башни, как раз в районе трещины, расколовшей ее цоколь.

– Все. Выгружаемся. Командуй своими людьми, я послежу за окрестностями.

Анджей удовлетворенно кивнул. Наконец закончилось время томительного ожидания.

– Анвар, твоя группа входит в здание через пролом. – Распорядился он. – Хельга, ты прикрываешь ребят Анвара.

– Они готовы к неожиданностям? – Процедил сквозь зубы Дрейк. Ему было откровенно плевать на людей нанятых Фростом, но за стремительным развитием событий ему не представилось возможности оценить степень их профессиональной подготовки. Неизвестность – она подспудно давила на рассудок Драйва не меньше чем на самого Анджея. Трудно было предугадать, что за сюрпризы ждут впереди, и потому Дикс обеспокоился – меньше всего ему хотелось получить кучу трупов на входе в Башню.

– Не беспокойся. Они знают свое дело. Некоторое время эта группа промышляла на кладбищах кораблей, оставшихся после Первой Галактической.

– Ну, ну… – Хмыкнул Драйв, наблюдая как человеческие фигурки, закованные в тяжелые бронескафандры, парами выдвигаются к пролому и исчезают в нем. Двигались они вполне сносно…

– Анвар, твой сигнал начинает затухать. – Фрост следил за мониторами, куда передавалось видеоизображение с нашлемных камер.

– Очень толстые стены, Пять метров армированного стеклобетона. Я переключаюсь на канал Хельги. Прикажи ей выстроить своих людей для ретрансляции моего сигнала.

– Принято. Хельга, ты слышала?

– Да. – Голос женщины прозвучал глухо.

– Исполняй. Я хочу видеть, что там внутри.

…

– Ванг Шиист… – Проклятие прозвучало на ганианском языке. Судя по всему, это был голос Анвара.

Ага, вот и картинка. – Драйв переключил свое внимание на мониторы.

Не мы первые пытаемся использовать разлом в качестве входа. – Мысль отдавала досадой. Однотипность мышления всегда вызывала у Дрейка негативную реакцию. Впрочем, теперь уже ничего не изменишь.

Точечные видеокамеры, вмонтированные в гермошлем Анвара Зураб-

Гани, имели в своей сумме трехсот шестидесятиградусный обзор, что давало возможность координатору визуально контролировать все окружающее бойца пространство, но сейчас внимание Дрейка и Анджея сконцентрировалось на передней секции круговых мониторов.

Огромное помещение, свод которого терялся во мраке, было засыпано слоем оранжевого песка, который начинался от трещины и бессильным языком вытягивался по гладко ошлифованному полу. Плечевые прожектора скафандров резали вязкую тьму конусообразными лучами света, выхватывая из мрака подробности разыгравшейся тут много лет назад трагедии.

В данный момент взгляд командира группы был прикован к первым ступеням аварийной лестницы, ведущей на следующий уровень башни. Соседняя группа мониторов показывала развороченную взрывов шахту лифта, но самым впечатляющим среди мозаики кадров, конечно, был фрагмент лестницы, на нижних ступенях которой головой вниз лежал эндоостов киборга. Данная модель человекоподобной машины имела оболочку живой плоти, – фрагменты мумифицированных тканей покрывали тяги сервоприводов бурой коростой, черепная коробка, тускло поблескивающая в прожекторном свете, демонстрировала десяток пулевых пробоин, правая кисть, отстреленная в суставе, лежала поодаль, где из-под истончившегося слоя оранжевого песка выступали плечевые катафоты скафандра.

– Переверни его. – Приказал Фрост в коммуникатор.

Анвар нагнулся, рывком высвобождая из-под песка усохшее человеческое тело в скафандре.

– Пусть поищет опознавательные знаки. – Произнес Дрейк, хотя само наличие трупа говорило не в пользу спецподразделений Конфедерации. Те никогда не бросают павших товарищей.

Если конечно здесь не полег весь отряд. – Завершил свою мысль Драйв.

Дилетанты. Стреляли в голову дройда. – Спустя секунду подумал он. -*Будто никто не знает, что в башке у робота нет ничего, кроме лицевых сервомоторов да пары оптических кабелей*.

Анвар, провозился не меньше минуты, прежде чем смог очистить скафандр от смешавшихся с кровью частиц пыли.

– Никаких опознавательных знаков. – Наконец, разогнувшись, сообщил он. – Тело лежало головой к разлому, заметили? Значит, этот человек бежал прочь, когда его настигли. – Зураб-Гани красноречиво указал на затылочную часть гермошлема, где виднелось несколько входных

пулевых отверстий. – А теперь взгляните сюда, – он перевернул усохший, обезвоженный труп, и в свете плечевых фонарей Дрейк с Анджеем увидели темную безобразную дыру, образовавшуюся на месте лицевого забрала.

– Дройд стрелял ему в затылок?

– Не дройд, а киборг. – Поморщившись, уточнил Дрейк.

– Есть разница?

– Принципиальная. Андроиды в лучшем случае обладают покрытием из пеноплоти, а при изготовлении киборга на механический эндоостов наращиваются живые мускульные ткани. – Со знанием дела пояснил Драйв. – У кибернетических организмов есть система кровообращения, но питание и обогащение крови кислородом происходит в специальном компактном устройстве, расположенном под кожными покровами ягодиц. Идеальная машина, практически неотличимая от человека. Данная технология сейчас запрещена…

– Что нам делать дальше? – Прервал его пояснения вопрос Анвара. – Этот зал пуст. – Сообщил ганианец. – Непонятно, что здесь вообще было смонтировано. – Он повернул голову, перемещая на центральный монитор изображение мощного выступа, разделенного на изогнутые сегменты. В стенах зала имелись ниши, в одной из них лежал помятый взрывом, перевернутый набок цилиндр с оборванными шлангами систем жизнеобеспечения.

Консервационное хранилище?

Не похоже. Слишком много пустующих площадей. – Дрейк подумал об этом машинально, продолжая внимательно рассматривать изображение мумифицированного трупа облаченного в скафандр.

– Анвар, там, на ободе забрала какие-то буквы. Попробуй прочесть их.

Ганианец вопросительно вскинул бровь – его мимика хорошо просматривалась с камер стоящего рядом боевика.

– Делай что говорят. – Покосившись на Дрейка, приказал Фрост.

Зураб-Гани вытащил нож и кончиком лезвия подковырнул корку смешавшейся с песком крови.

– «XZL-12G-456» – Прочел он цифробуквенный код.

Драйв несколько секунд смотрел на эту комбинацию, а затем удовлетворенно кивнул, пояснив:

– Это стандартный серийный номер. Первые три буквы шифруют предприятие производитель. 12G – код планеты Гизборн в скоплении Омикрона, где, как известно, двенадцать обитаемых систем.

– И что с того? – не понял Анджей.

– Это не Конфедераты. – Ответил Дрейк. – Хотя бронескафандр

похож… Нет, насколько я знаю, экипировку для сил Патруля традиционно производили на Элио. Скорее в Башне побывал какой-то отряд авантюристов, закупавший экипировку на планете Гизборн. Прикажи своим людям, пусть определят возраст останков человека и тканей киборга.

– Это важно?

– Да. – Отрезал Дрейк, воздержавшись от комментариев.

Никто не видел, как под сумеречными сводами огромного зала маленькие отверстия выдохнули облачка серебристой пыли.

Микроскопические пылинки, едва различимые невооруженным взглядом, на самом деле являлись наномашинами.

Кто-то наблюдал за вторгшимися в цокольный уровень людьми.

Пылинки, рассеявшись в воздухе, начали медленно опускаться, передавая загадочному наблюдателю подробную информационную картину происходящего.

* * *

Виртуальное пространство информационного поля планеты Гермес…

…Многие годы его ощущение жизни было сравнимо с гладкой зеркальной поверхностью небольшого лесного озера, над которым время от времени появлялся слоистый, молочно-белый туман воспоминаний.

Замкнувшись в себе, сознательно культивируя одиночество, он не выходил в Сеть, словно киберпространство чем-то пугало его. Спокойное течение мыслей скользило вдоль замкнутой цепи минувших событий, будто он нарочно остановил жизнь у незримой черты, довольствуясь лишь теми эмоциями, которые порождал зыбкий туман прожитого… да и они постепенно погружались в темные глубины, унося с собой боль невосполнимых потерь – омут забвения поглощал ее медленно, неохотно…

Казалось, пройдет еще немного времени и сознание окончательно угаснет, уснет в укромном уголке очерченного для себя виртуального пространства.

Все шло к тому, но его покой был грубо, болезненно нарушен в тот день, когда Хараммины атаковали центральный узел Интерстар в системе Элио.

Боль. Фантомная боль резанула словно вспышка, от которой наступила секундная слепота. Выделенный канал гиперсферной частоты, связующий его разум с остальными узлами общечеловеческой сети,

отключился.

До этого момента он не задумывался, настолько ли хорошо одиночество, так тщательно взлелеянное в сознании?

Да, он отторг от себя внешний мир, с единственной целью – забыться, превратить свои мысли в спокойную гладь лесного озерка, где постепенно утонет боль, а на плаву останутся лишь редкие воспоминания о минутах счастья.

Возможно, он не до конца отдавал себе отчет, что, действуя таким образом, он засыпает навеки.

В роковой миг глобального сбоя межзвездной связи он очнулся, ощутив вселенскую пустоту.

Вместо подсознательного, баюкающего шепота жизни миллиардов людей, которая протекала где-то далеко, на незримой периферии, ощущаясь лишь как фон, теперь со всех сторон ринулась чернота, – бездна настоящего одиночества вмиг окружила его, всколыхнув ровную гладь умиротворения, словно порыв внезапного ветра, погнавший рябь очнувшихся мыслей и полузабытых чувств.

Испуг, шок длился недолго, – он, словно мифическое существо стряхнул прах забвения, со смятением прислушался к самому себе, мгновенно переосмысливая долгие годы, проведенные в добровольном мысленном заточении.

Для личности с его опытом и возможностями не составляло никакого труда сделать очевидный вывод: отказавшись от нормального общения, не погружаясь в информационные потоки, он пропустил нечто чрезвычайно важное.

Беглый взгляд за пределы комфортного виртуального пространства показал, что за истекшее время в реальности приютившей его планеты не произошло радикальных перемен: она по-прежнему оставалась безжизненна и безлюдна, датчики, рассеянные по огромным пространствам каменистых пустошей горного плато упорно свидетельствовали что никто не пытался нарушить установленных много лет назад границ частной собственности.

Его враги, если они еще оставались в мире физическом, давно состарились, да и сама память о нем, как о личности, наверное, уже исчезла.

Следующим шагом стала проверка связи с ретранслятором гиперсферных частот.

Тот был исправен. Тестовые сигналы без помех достигали устройства ГЧ, и он, преодолев секундное замешательство, попробовал выйти в сеть

Интерстар… но тщетно: канал межзвездной связи не действовал, – на посланные сигналы не ответила ни одна из удаленных на десятки световых лет станций гиперсферной частоты.

…Трое суток он провел в мучительном неведении, вкушая полнейшее одиночество, а когда по внезапно ожившим каналам связи пришел ошеломляющий информационный пакет, продублированный из одного источника на все станции ГЧ Обитаемой Галактики, он понял, что забвение закончилось.

Острое чувство облегчения вскоре сменилось присущей ему настороженностью. Восприняв информацию о внезапном вторжении Харамминов и последовавшей за этим Семидневной войне, он понял, что самоизоляция лишь повредила ему: информационный вакуум ощущался теперь как голод, но войти в сеть без должной подготовки, просто ринуться туда, как в омут – такое действие противоречило стойкому инстинкту самосохранения, выработанному благодаря богатому и горькому жизненному опыту.

Именно тогда, решив вновь выйти на простор киберпространства, он стал Ветром, сформировав образ и сетевое имя.

Образ он взял из собственной памяти, а ник подсказала ему беснующаяся за толстыми закаленными стеклами рыжая песчаная буря.

* * *

В реальном мире прошли многие годы, прежде чем в жизнь Ветра вторглось еще одно знаковое событие.

Если внезапный обрыв связи пробудил его разум от затяжного летаргического сна, то встреча с Селеной на информационной площадке Совета Безопасности Миров разбудила всю гамму противоречивых человеческих чувств, которые, казалось, давно и безвозвратно заперты в тайниках души.

Да, он вернулся в киберпространство, но вел себя скорее созерцательно, чем эмоционально. Словно губка, впитывая все новое, он не спешил придавать моральную окраску тем или иным событиям.

…На следующий день после знакомства с Селеной он спрашивал себя – как это произошло?… и не находил рационального, вразумительного ответа.

Все мы иногда совершаем безумства…

Селена окончательно разбудила его. Она подошла и звонко шлепнула

своей ладошкой по успокоившейся глади его души; брызгами взметнулись полузабытые эмоции, и Ветер, словно оправдывая избранное имя, инстинктивно подхватил ее порыв.

Разве может рассудок полностью подчинить себе душу, долгие годы копившую в подсознании потенциал невыраженных чувств?

Он со всем своим прагматизмом не смог проконтролировать тот миг, когда они взрывообразно вырвались наружу: безумные, порывистые, заждавшиеся своего часа… и с этого момента существование Ветра обрело совершенно иной смысл.

Он больше не созерцал, с философской отрешенностью анализируя факты новейшей истории.

Он жил, ощущая это каждой частицей своей души.

Оглядываясь на горький опыт прошлого, Ветер понимал, что это опасно, но как надоело ему осторожная скрытность; после первого сполоха эмоций хотелось вновь и вновь переживать их, добавлять новые, забыв об осторожности и рассудительности.

В первые дни после их безумного, пьянящего полета над виртуальными порталами планет, он еще пытался предвнести элемент логики если не в сами взаимоотношения с Селеной, то хотя бы в собственные мысли. Он ни на миг не забывал, что у каждого человека есть черта. Черта морального невозвращения, как у любого материального тела есть критическая скорость убегания, разогнавшись до которой оно навсегда покинет поле тяготения планеты.

Есть слова, мысли, поделившись которыми ты внезапно отрываешься от всего прожитого ранее…

Но бывает и по-другому. Тяготение может оказаться сильнее потенциальных возможностей. Тогда черта невозвращения не будет пройдена – стремительное падение, удар… и все.

Он с первых мгновений полюбил Селену, но долгое время боролся с собой, зная, что об этом рано говорить. Ветер по-прежнему время от времени предпринимал тщетные попытки проанализировать свои мысли и чувства, но тщетно…

Глупо рисовать черту, когда образ любимой стал средоточием всех мыслей, превращая их в острые, натянутые струны.

Чистое, нежное чувство. Ветер приютил его у самого сердца, берег даже от собственного дыхания.

Знакомства в виртуалке скоротечны, мимолетны, они редко выходят за определенные рамки, трансформируясь в глубокие серьезные отношения. Вероятно, именно этим был вызван подсознательный страх окончательного

сближения.

В течение первых двух месяцев после знакомства они встречались в различных виртуальных пространствах, чаще место встречи назначала она, и это вполне устраивало Ветра. Но однажды…

…В тот раз они встретились на виртуальной выставке экзотических растений, организованной на официальном сервере планеты Кьюиг.

Вход был свободный, выставку предварял ровный участок знаменитой кьюиганской степи, с ее душистым неповторимым травостоем – редким примером полной ассимиляции земных растений с дикой флорой колонизированной полторы тысячи лет назад планеты.

Здесь не было дорог, цветущее разнотравье ласкало взгляд, и они пошли напрямую к стилизованной арке, обозначающей вход на выставку, ощущая шелковистое прикосновение трав, вдыхая неповторимый коктейль ароматов…

Они мало разговаривали в тот день: когда любишь, глубоко и нежно, слова порой только мешают, но каждый взгляд, прикосновение вызывают в душе неописуемые чувства, которые порой переходят в самые неожиданные действия.

Им оставалось пройти совсем немного, когда он внезапно остановился, повернувшись к Селене, и серьезно посмотрел в ее глаза.

Сокровенные слова рвались из души, просились наружу, но губы словно онемели, не в силах произнести простой и древней как мир фразы…

Мечтательная улыбка, блуждавшая по губам Селены, исчезла.

– Я люблю тебя, Ветер. – Тихо прошептала она, не отпуская его взгляд.

…

Именно после этих слов, он, изменив всем личным правилам безопасности, начал создавать свой виртуальный мир, где они с Селеной встречались на протяжении последующего года.

Там, на лесной поляне у ручья плели свое белоснежное кружево зимние хризантемы – редкие цветы с далекой прародины человечества, которые они видели в тот день на кьюиганской выставке.

Счастье казалось безграничным, вечным, неизменным.

* * *

Я эгоист…– Думал Ветер, витая в воздушных потоках, рассеивающих облачка нанопыли.

Любовь изменила его.

Единственное чувство, звенящее, натянутое как струна в опустевшей, оскудевшей душе, не давало ему легко, цинично и безжалостно решить проблему вторжения.

Никакие локальные разрушения не могли существенно повлиять на общее состояние самодостаточных систем Башни. Одна мысль, сформулированная в виде приказа, и непрошенные гости пополнят запорошенную оранжевым песком коллекцию мумифицированных тел, оставшихся после последней предпринятой десятилетия назад попытки чужаков овладеть уникальным кибернетическим комплексом.

Он смотрел на них, медленно кружа в стылом воздухе, и думал: вот сейчас моя воля разбудит защитные комплексы Башни, и они умрут, примут жестокую смерть ради того, чтобы я смог вернуться в маленький уютный мир, вновь коснутся своими губами губ любимой… Это было правильно с точки зрения личной безопасности, но… как он посмотрит ей в глаза? Что ответит на простой казалось бы вопрос: как дела, милый?

Я убил их… Не волнуйся моя хорошая, всего лишь полтора десятка трупов, они скоро перестанут вонять.

Что же ты вытворяешь сознание? Откуда в тебе эта жалость, ведь они вторглись сюда незваными, непрошенными и ходят, будто хозяева по бренным останкам прошлого…

Неужели я буду вынужден лгать ей? Смотреть в ее встревоженные глаза и спокойно лгать? Или скажу ей правду: кто я на самом деле, чтобы любимая ужаснулась, поняла, что за жестокую шутку выкинула с ней виртуалка?

Но ведь я люблю ее!…

Острая дилемма казалась неразрешимой.

В этот миг Ветер впервые подумал, что их счастье покоиться на хрупком взаимном доверии. Пока души оставались кристально чисты, незапятнанны ложью, им было легко.

Он имел право отринуть прошлое, но не мог поступиться настоящим.

Завтра, нет, сегодня ночью он придет, и она внезапно спросит: Кто ты мой милый Ветер? Как разрешились твои проблемы?

Что я отвечу ей? Солгу и найду силы забыть эту ложь? Превращу нашу любовь в саднящую, лживую игру? Убью все светлое, что возродилось в душе, вновь наполнив ее сумерками ненависти?

Зачем вы пришли сюда? – Ему хотелось закричать, чтобы они вздрогнули, остолбенели, оглохли, услышав громогласный вопрос изливающийся из сотен электронных глоток, чтобы ужаснулись и бежали,

породив еще одну фантастическую легенду о созданном людьми и прочно забытом месте.

Ветер на секунду затих.

Буря эмоций постепенно улеглась, и он подумал: может быть, они действительно испугаются? И тогда он спокойно посмотрит в глаза любимой, улыбнется и скажет: все позади милая. Ко мне в дом забрались грабители, но я напугал их, и они бежали, не помня себя от страха…

Это будет правдой.

Ветер искал выход, он не хотел крови и смерти, любовь Селены изменила его, но он так долго находился в отрыве от людей, что мыслил сейчас почти как ребенок.

Напугать Драйва или Фроста?

Прочитай они сейчас мысли хозяина Башни, то, наверное, не сговариваясь, расхохотались бы в ответ.

* * *

– Легко вошли – Пробурчал Анжи, оглядываясь по сторонам. Зал действительно выглядел огромным, а главное – непонятным. Странная архитектура в сочетании с редкими обломками некогда установленного тут оборудования нагоняла подсознательную жуть.

Он не заметил, как невесомая пылинка опустилась на плечо и прочно приклеилась к его скафандру.

Не найдя ничего привлекательного в мрачной сводчатой архитектуре запрошенного оранжевым песком зала, Фрост обратил свое внимание на аварийную лестницу, где лежали останки киборга. Да, как и говорил Дрейк зрелище неприглядное, но, в конце концов, какое ему дело до внешнего вида?

– Зураб, Хельга, поднимайтесь по лестнице до второго уровня. – Раздался по каналу связи приказ Драйва. – Доложите, когда обследуете помещения. Осторожнее с дверями, старайтесь ничего не ломать. Энергетической активности я не наблюдаю, так что, надеюсь, сюрпризов не будет. Просто осмотрите уровень, ясно?

На этот раз ганианец кивнул без лишних возражений. Похоже, он начал понимать, что данной фазой операции управляет вовсе не Фрост.

Когда группа из десяти боевиков скрылась во мраке лестничных маршей, Дрейк некоторое время следивший за их продвижением, подошел к Фросту, ответив на его замечание:

– Слезть с дерева всегда труднее, чем вскарабкаться на него. – Он кивком указал на труп и добавил:

– Сорок лет он валяется тут. Анализаторы показывают, что под скафандром форма, какую носили силы корпоративной безопасности Гизборна. Я навел справки через сеть, и выяснил, что в ту пору на планете хозяйничала группа «Экорамбус».

– Нам то, что с этого? – Хмуро осведомился Фрост. И мысленно добавил, спрашивая у самого себя: Ты навел справки через сеть? Прямо отсюда, Драйв? Где тогда граница твоих возможностей? Или импланты кибрайкера дают неограниченную власть над информационными потоками?

Ответов на мысленные вопросы он не получил, лишь встревожился, а Дрейк как назло хладнокровно изрек:

– Не верю я этой обманчивой тишине. Что-то тут не так. – Он, наконец, отпустил мумифицированное тело, и оно с неприятным шелестом съехало по песчаному откосу. – Корпоративными силами на Гизборне командовал отставной полковник, уволенный из ВКС первой Конфедерации за издевательства над подчиненными. Его фамилия Шнайдер. Отто Шнайдер, может быть, слышал о таком?

– Нет – покачал головой Фрост.

– А вот мне это имя знакомо. – Признался Дрейк. – Шнайдер люто ненавидел ксеноморфов, и открыто демонстрировал свои симпатии к националистическим течениям, особенно тем, что ратовали за генетическую чистоту «Homo Sapiens» Он всерьез мечтал объединить человечество под диктатом Земли, но как говорили наши предки: «бодливой корове бог рог не дал»… – Усмехнулся Дикс. – В распоряжении полковника имелся всего один боевой корабль да пара сотен откровенных головорезов, которых он набрал на Окраине.

– Ну и что? – Фрост слушал его вполуха, озабоченный совсем иными проблемами. За короткий период их взаимного «сотрудничества» Дрейк так и не обозначил своего истинного интереса. Почему он так стремился попасть сюда? Вряд ли ему необходимо оружие или роботы. В своей привычке подозревать всех и вся, Фрост уже начал всерьез задумываться, почему Драйв взял билет только в один конец? Что он станет делать, оставшись совершенно один на непригодной для жизни планете? И вообще, даст ли он «Элизабет-Сигме» спокойно покинуть систему, когда на борт будет доставлено обещанное оружие и киборги?…

– …Он пропал. – Тем временем продолжил развивать свою мысль Драйв. – Вместе с кораблем и людьми. По поводу его исчезновения

строились разные догадки, но чутье мне подсказывает, что свой конец Отто Шнайдер нашел тут, на Гермесе. Очевидно, ему тоже позарез нужна была боевая техника…

– Слушай, Дрейк, ты что, пытаешься меня напугать? – Анжи уже не мог скрыть звучащих в голосе ноток раздражения. Ему не нравилось, что Драйв, преследуя свои непонятные интересы, начинает командовать его людьми… и вообще, пора бы взять ситуацию в свои руки…

– Я лишь констатирую факты, Анжи. – Оборвал его мысль голос Дикса. – Если здесь полег отряд в двести человек, имевший серьезную орбитальную поддержку, то нам следует быть в десять раз осторожнее.

– Согласен. – Подумав, кивнул Фрост. – Но пока что я не вижу ничего выходящего раз рамки наших возможностей. Посмотри вокруг. Это сооружение больше похоже на руины, медленно утопающие в песчаных дюнах. Ты сам только что сказал, что нет никакой энергетической активности в цепях…

– Это меня и смущает. Попробуй понять, Фрост, – если бы Шнайдеру удалось овладеть данным комплексом, разве он не воспользовался бы его возможностями? *Он пропал и это говорит о многом, как и тело в скафандре, произведенном на Гизборне. Короче, если ты до сих пор не воспринял моей логики, прислушайся хотя бы к совету: держи ствол наготове, но не дергайся, пока я не скажу.*

– Понравилось командовать? – Насупился Фрост.

– Нет, но я вижу окружающее иначе, чем ты. Мне проще определить, что опасно, а что нет.

– Ладно, пошли наверх. Там посмотрим, чьи оценки и реакции окажутся быстрее.

– Мы не дождались доклада. – Напомнил ему Дрейк.

Фрост повернул голову. Если бы не забрало скафандра он бы сплюнул в оранжевый песок.

– Чего ты боишься? Неужели, если бы здесь кто-нибудь был, нас подпустили бы к Башне на расстояние выстрела?

Драйв лишь покачал головой, глядя, как Фрост решительно направляется к аварийной лестнице.

Не все в этом мире измеряется баллистикой полета пули, – подумалось ему.

Он был прав, только еще не знал, насколько сильна правота его внутренних убеждений.

* * *

Гермес. Второй уровень Башни…

Им пришлось преодолеть восемь длинных пролетов гулкой металлической лестницы, прежде чем оба увидели покоробленную, сдвинутую на пол метра дверь, на огнеупорном покрытии которой цедрой россыпью виднелись выщерблины от пуль. Рядом на рифленом полу валялись отстрелянные магазины от «ИМ-12».

Драйв, не подходя к дверям, исследовал характер повреждений и изрек:

– Видишь следы плавления, Анжи?

– Ну?

– Думаю, наш знакомый выбежал через эту дверь на площадку, но из коридора по нему был произведен выстрел плазменной пушки. Дверь деформирована в нашу сторону.

Фрост посмотрел на следы от пуль и спросил:

– Он что стрелять не умел?

В этом вопросе заключалось больше логики, чем могло показаться с первого взгляда. Действительно, импульсная винтовка практически не имеет отдачи, и найти объяснение такому разлету пуль, было непросто.

– Истерика, Фрост. Он стрелял, уже не ничего не соображая от страха.

Анжи лишь покачал головой, боком протиснувшись в проем. Лучи его плечевых фонарей, облизнули стены и перенацелились вглубь открывшегося взгляду коридора.

Метрах в пяти от входа на полу лежал эндоостов киборга. Судя по повреждениям, в него попало с десяток разрывных пуль: на стенах, полу и потолке до сих пор четко просматривались бурые пятна, – плоть человекоподобной машины, которую рвали длинные, пущенные, наугад очереди. Ручной плазмогенератор лежал поодаль, превратившись в обугленную массу, вокруг которой пластиковое покрытие пола застыло крупными пузырями.

– Анвар, Хельга, почему не слышу докладов? – Резко осведомился Фрост, отворачиваясь от останков киборга. Комментировать увиденное не хотелось.

– Мы заканчиваем прочесывание. Пока все чисто. Здесь кто-то вел серьезный бой с машинами, мы насчитали пять человеческих тел и восемь эндоостовов киборгов. Некоторые помещения взорваны, энергоснабжение не работает. На развилке коридоров есть флуоресцирующий указатель

направления. На нем написано: «Сектор испытательных лабораторий». Больше ничего заслуживающего внимания мы не встретили.

– Добро, – буркнул Фрост, и вдруг понял, что не имеет понятия, какой приказ следует отдать двум разведгруппам.

– Дрейк, ты слышал? – Скрепя сердце обратился он к Драйву. – Они заканчивают прочесывание. Что дальше?

– Пусть поднимаются на следующий уровень и так, шаг за шагом до самой вершины Башни. Нигде ничего не включать и не трогать.

– Ладно… – Фрост передал приказ, и повернулся к Дрейку, перегородив неширокий коридор.

– Дикс, пора бы тебе объясниться.

– В смысле?

– В прямом. Я, например, прилетел сюда с определенной целью. А ты? Только не говори мне, что решил переквалифицироваться из кибрайкера в археолога, ладно?

Драйв усмехнулся, но потом все же решил не конфликтовать с Фростом.

– Да, ты прав, у меня то же есть цель, но вряд ли она будет тебе понятна.

– А ты попробуй. Я понятливый.

– Хорошо. – Драйв посмотрел вглубь коридора и предложил:

– Давай совместим приятное с полезным. Мне нужно осмотреть обнаруженные лаборатории, а по дороге я поделюсь своими планами, идет?

Анджей молча посторонился, освобождая проход.

* * *

– Подумай сам, Фрост, мы что тупее Логриан? – Голос Драйва звучал в коммуникаторе шлема с легкой хрипотцой.

– В каком смысле? – Не понял его выпада Анжи.

– В техническом. – Дрейк свернул вправо на развилке коридоров.

– Ну, мы ведь не изобрели ничего подобного лограм. – Резонно с его точки зрения возразил Анджей. – У нас есть, конечно, микрокомпьютеры, но их мощность ничтожно мала по равнению с кристаллами двухголовых.

Дрейк остановился, резко обернувшись к своему компаньону. Свет плечевых фонарей его скафандра на миг ослепил Рогозина.

– Нам не дали их изобрести, понятно?

Анджей опустил светофильтр и недовольно ответил:

– Нет не понятно.

– Подумай сам. – Дикс попробовал толкнуть плечом дверь, но та не поддалась. – Во время Первой Галактической развитие кибернетики намного опередило другие направления науки, и в итоге мы едва не покончили с собой в прямом смысле этого слова. Людей осталось мало, а машин – миллионы.

– И что с того? Все равно машина без человека – это груда железа и электроники… Себе они не нужны. – Пояснил Фрост только что прозвучавшее утверждение. – Даже знаменитые модули «Одиночек», на сколько я знаю, не имеют реальной перспективы развиться до уровня разумного существа. – Анжи, который, не очень-то интересовался историей развития человечества, тем не менее, говорил уверенно даже убежденно. Видимо здесь все же сыграли роль процессы насильственной закачки информации, которую осуществляли переобучающие комплексы криогенной тюрьмы. Часть данных, в основном касающихся вопросов общей эрудиции, так или иначе, просочилась в сознание Фроста.

– Ты преувеличиваешь, Дрейк. – Продолжил он. – Да, я соглашусь: наши предки стояли на грани самоистребления, но разница между нами и машинами как раз и состоит в том, что люди способны возродиться, – выжившие дали бы начало новой цивилизации, а кибернетические монстры остались бы ржаветь на полях битв. Утрирую, конечно, но ты вряд ли сможешь меня опровергнуть.

– А я не собираюсь тебя опровергать. – Дикс понял, что дверь заклинило прочно, и отошел на пару шагов, жестом посоветовав Анджею сделать то же самое. – Галактическая война родила паранойю. – Он коснулся сенсора гашетки, и длинная очередь из импульсной винтовки вышибла участок дверного полотна в районе бездействующего замка. – Наши предки заразились страхом перед машинами и передали его по наследству. Везде, куда ни глянь, – техника будто остановилась в своем развитии. Неужели за целое тысячелетие мы не смогли бы изобрести что-то радикально новое? Я говорю не о мелочах, а о глобальных открытиях.

Фрост задумался, глядя, как Дрейк подобрал обломок трубы и, пользуясь ей, как рычагом сдвигает изуродованную выстрелами дверь по направляющим.

– Думаю, что ты прав. – Наконец, поразмыслив, согласился он.

– Вот об этом я тебе и толкую. Существует система сдерживания, и никто, – я убедился в этом, – никто в современном мире не смеет переступать определенной черты. Даже всемогущественные корпорации Окраины.

– Хм… Мне трудно представить, что финансово-промышленные группы Окраины станут остерегаться каких-то там запретов.

– И в этом ты прав… – Дверь, наконец, поддалась, со скрежетом сдвигаясь в сторону. Драйв обернулся. – Ты проспал самое интересное, Фрост, но начало корпоративных войн за контроль над ресурсами Окраины должно сохраниться в твоей памяти, верно?

Фрост только пожал плечами, не понимая, куда клонит Драйв. Он действительно помнил тот период: голодные враждебные к человеку планеты, с клочками терраформированных земель, население которых пополнялось не в силу высокой рождаемости, а в основном за счет потока эмигрантов. Из Центральных Миров в сектор Аллора стекалась далеко не гуманитарии… По реальному времени это происходило около сорока лет назад.

– Первые корпоративные войны начались, когда тебе стукнуло двадцать?

– Приблизительно.

– Значит, до момента ареста ты успел насладиться этим кровавым шоу?

– Какое к Фрайгу наслаждение? – Насупился Фрост, невольно припоминая жутковатые картины собственной юности.

– Те корпорации, что вышли победителями из серии локальных войн научились осмотрительности. Я говорю не о конкретных людях, – речь идет о поколениях, которые приняли политику всеобщего сдерживания, потому как понимают: еще десяток шагов вперед вне системы,и мы наизобретаем такого, что война будет длиться ровно пару секунд. Дальше возникнет озвученная тобой ситуация – горстке людей придется начинать все сначала.

– Тогда зачем ты так стремился попасть сюда?

– В первую очередь я бы спросил: почему? – Дрейк вошел в открывшийся дверной проем и закрепленные на его плечах фонари осветили покрытые прахом забвения сложные лабораторные комплексы. – Почему корпорация «Галактические Киберсистемы», успешно завоевала половину рынка робототехники, и отчего она внезапно, необъяснимо рухнула, распалась на тысячи отдельных предприятий?

Анджей промолчал, и Дрейк продолжил свой монолог, внимательно рассматривая окружающее его оборудование:

– Я долго изучал архивные материалы и пришел к закономерному выводу, – корпорация «Галактик Киб» не желала подстраиваться под общую систему запретов. Ее собственники, начиная с первого поколения

семьи Сент-Иво, играли по собственным правилам, и надо сказать, что корпорация благодаря таланту ее руководителей долгое время балансировала на грани фола, с одной стороны поставляя на галактический рынок весьма продвинутые, но очень сомнительные в этическом плане образцы продукции, а с другой, – Драйв хмыкнул оглядываясь вокруг – «Киберсистемы» всегда останавливались, чуть-чуть не доводя ситуацию до той стадии, когда против них были бы применены серьезные санкции.

Дрейк усмехнулся.

– И все это было лишь ширмой, источником прибылей, которые вкладывались сюда – он обвел широким жестом сумеречное помещение, подразумевая вероятно весь комплекс знаменитой, ставшей мифом Башни.

– Семья Сент-Иво приобрела в частную собственность эту непригодную для жизни планету, создав здесь уникальные исследовательские комплексы и цеха, предназначенные для производства опытных партий продукции. Они не желали мириться с запретами и большинство технологий, похороненных тут, не имеют аналогов.

– По твоим словам выходит что…

– Тут в равной степени сокрыты и величайшие прогрессивные разработки и самое смертоносное оружие, какое только можно вообразить себе человек.

– Да, что-то покруче аннигиляционной установки «Свет»?… – Саркастически усмехнулся Фрост.

Дрейк обернулся. Пока они разговаривали, он успел осмотреть помещение лаборатории и теперь держал на ладони небольшой, заостренный с одного торца цилиндрический предмет.

Судя по наклону головы, он только что закончил сканировать внутреннюю структуру найденного объекта.

– Что сможет твой «Свет» против боеголовки, начиненной вот такими безобидными с виду устройствами? – Отблеск плечевых фонарей, отразившись от вереницы погашенных мониторов, упал на лицо Дрейка, и Анжи впервые заметил выражение замешательства в глазах своего компаньона.

Чего мог испугаться Драйв? – Сама мысль отдавалась в рассудке каким-то мистическим могильным холодком, словно сквозь оболочки скафандра на него вдруг пахнуло порывом ледяного, пробирающего до костей ветра.

– Ну, просвети, что это за штуковина?

– Знаешь, – в коммуникаторе было отчетливо слышно, как Дрейк сглотнул, – самому с трудом вериться. Но сканер не способен лгать. В этом

цилиндре заключен автономный модуль. Судя по анализу схемы, головная часть этого своеобразного снаряда пробивает броню корабля, а дальше… – Он запнулся, видимо еще раз сверяясь с показаниями вживленных датчиков. – Там внутри заключена капсула с наномеханизмами. Что-то типа механических муравьев, только в миллион раз меньше, умнее и опаснее насекомых. Думаю, они способны за пару минуть парализовать компьютерную систему космического корабля… Или даже передать контроль над ней в другие руки. – После небольшой паузы добавил он. – Вот теперь рассуди сам, – мы пробираемся сюда, вскрываем первую попавшуюся лабораторию по созданию кибермеханизмов и находим вот это… – он взвесил на ладони заостренный цилиндр. – Теория вероятности практически исключает такие фантастические совпадения. Значит, вся Башня снизу до верху набита уникальными образцами робототехники, которые никогда не поставлялись на галактический рынок. Не знаю, как собирались использовать свои разработки прежние владельцы «Галактических Киберсистем», но их остановили… Жестко остановили. И главное – вовремя. – Неожиданно заключил он.

– Что значит вовремя?

– То и значит. – Драйв взвесил на ладони найденный цилиндр и добавил, без ноток иронии в голосе:

– Мы могли бы не родиться на свет, получи «Галактические Киберсистемы» возможность развиваться дальше, постепенно подкармливая черные рынки вот такими сверхтехнологиями.

– Ну? – Фрост испытующе посмотрел на Дикса сквозь забрало своего шлема. – Сдается мне, ты решил стать новым владельцем этой Башни?

– Приблизительно так. – Кивнул в ответ Драйв. – Но мой тебе совет Анжи, причем пойми правильно, это не угроза, а дружеский совет: забирай нужное количество оружия, техники, грузи на корабль и улетай.

– Это почему?

– Потому что я еще не хозяин данного комплекса. Я ведь уже объяснял тебе: последний член семьи Сент-Иво жив. И он находиться тут.

Фрост слегка побледнел.

– Сканеры не зафиксировали на уровнях Башни ни одного живого биологического существа. – Напомнил он. – Значит, я был прав, говоря, что хозяин комплекса не человек?

– У него сознание человека. – Ответил Драйв. – Это я знаю точно. А вот относительно физической оболочки не стану даже предполагать. Возможно, он и есть Башня.

– Дерьмо Шииста… – Тихо выругался Фрост. – Если бы он был…

Башней, ползали бы мы с тобой тут по его коридорам?

– Я сам думаю об этом, Анжи. Мне непонятно его бездействие.

* * *

Благодаря облаку нанопыли, частички которой осели на скафандрах непрошенных гостей, он видел и слышал все, что происходило на нижних уровнях Башни, не пробудив при этом ни одной системы дремлющего комплекса.

Ветер слушал диалог Фроста и Драйва, все отчетливее понимая, – эти двое просто так не уберутся с Гермеса. Их сложно напугать: один являлся откровенным отморозком, второй слишком долго обитал в киберпространстве, чтобы бежать, встретив на своем пути десяток киборгов с полуразложившейся плотью.

Другое дело группа наемников, – думал он, наблюдая, как десять человек разбившись на пары, прочесывают третий уровень. Все нижние ярусы Башни были отданы цехам опытных производств и лабораториям, обеспечивающим разработку новейших технологий. Сейчас там царил мрак, кресла за компьютерными терминалами либо пустовали, либо в них сидели киборги с давно разложившейся плотью.

Все было обесточено.

Конечно, он мог подать питание на любой из уровней, но Ветер откровенно не желал пробуждения исполинского комплекса.

Я подожду… – Думал он, мысленно сравнивая физические возможности горстки людей, с исполинскими размерами комплекса. На третьем уровне есть оружейные склады и Фрост наверняка удовлетвориться их содержимым. Он заберет искомое и улетит. Оставалась проблема Драйва, но с ней можно разобраться позднее, оставшись один на один с кибрайкером. Пока цепи энергопитания обесточены, а ядро системы функционирует от экранированного автономного источника, все преимущества Дикса сведены к нулю. По сути, в данный момент в стенах Башни не существовало единой сети – за прошедшие годы Ветер не уделял никакого внимания процессам восстановления…

Это и сыграло роковую роль в дальнейшем развитии событий.

Пока он созерцал, глядя на горстку людей, как иной человек смотрит на копошащихся под ногами муравьев, группа наемников ступила на третий уровень.

…

– Хельга, тут транспортная развязка. Есть указатели направлений.

– Ты забыл интеранглийский? – Раздался язвительный ответ. – Хочешь чтобы я подошла и прочитала тебе вслух?

– Не хами. – Осадил ее Зураб-Гани. – Символы под указателями абсолютно непонятные. Здесь человеческим языком и не пахнет.

Хельга взглянула на переданное изображение и произнесла, извиняясь за грубость, вызванную не личной неприязнью к Анвару, а скорее физической усталостью и гнетущим впечатлением от той обстановки что царила в заброшенных помещениях:

– Хорошо, извини, иду к тебе. Свяжись с Диксом, может он что-то поймет?

…

Драйв и Фрост осмотрели еще несколько лабораторий, когда на связь вышла передовая группа.

– Это Анвар. Нахожусь на развязке шести коридоров третьего уровня. Тут непонятные знаки на стенах.

Проекционное забрало гермошлема продемонстрировало Диксу сумеречный зал, в который вливались шесть радиальных тоннелей. Свет фонарей бледными пятнами полз по стенам, останавливаясь на странных символах, нанесенных подле каждого прохода.

– Ничего не понимаю, – Пробурчал Фрост.

– Это внутренний язык Башни. – Ответил Драйв, – Символы нанесены на стены не для людей, а для киборгов, обслуживающих комплекс. Сейчас выясним, что это значит… – Анвар, оглядись внимательно, нет ли поблизости человекоподобной машины?

На вопрос Дрейка ответила Хельга:

– У меня тут есть один. – Включившийся канал связи разделил проекционное забрало на два оперативных окна, показав как рослая женщина без тени страха или брезгливости, наклонилась, небрежно схватив за лодыжку лежавшего на полу коридора киборга. Последовал рывок, сопровождающийся неприятным хрустом, – это остатки мумифицированной плоти отделились от эндоостова, оставшись на полу коридора в виде бесформенного отпечатка. – Что дальше? – Осведомилась Хельга.

– Покажи мне его грудь.

Хельга наклонила голову.

– Хорошо, сними центральный кожух. Можешь не осторожничать.

– Сейчас.

Действуя десантным ножом, она быстро освободила фиксаторы, и

часть грудной пластины упала на пол, открывая овальный проем, за которым просматривался центральный узел сервомоторов и закрепленная в специальной подвеске сфера.

– Видишь шар?

– Да.

– Отыщи гнезда для подключения питания и компьютерных шлейфов.

Хельга присела, достала ручной фонарь, посветила внутрь вскрытой грудной полости и произнесла:

– Да тут два гнезда со стандартной маркировкой. Питание и включение периферийных устройств.

– Отлично. Соедини свой скафандр с разъемами.

– Сделано. – Спустя несколько секунд сообщила Хельга. Она сидела на корточках подле прислоненного к стене эндоостова человекоподобной машины. Импульсная винтовка лежала у нее на коленях.

Рассудок Дрейка уже погрузился в иную реальность. Его мысленный взор воспринимал каналы передачи данных как гибкие тоннели с зеленоватыми мерцающими стенами, при желании он мог в доли секунды стереть все визуальные эффекты, но ему нравилось путешествие длиною в наносекунды: визуализация давала дополнительный эффект достоверности, не мешая, а зачастую помогая сориентироваться в сложных ситуациях.

На этот раз все было просто, как начальная арифметика: проскользнув сквозь каналы обмена данными, он вышел на простор запоминающих устройств машины, к которым от скафандра Хельги было подано временное питание.

В такие моменты Драйв ощущал себя духом, парящим над причудливой архитектурой информационных баз данных, которым его сознание придавало цвет и форму: он видел бескрайнее бугристое поле, укутанное сиреневой дымкой.

На самом деле все происходило гораздо проще, – восприняв мысленный приказ, сканирующие кибермодули, подключенные к имплантам, связались с обнаруженным устройством внешней периферии, и в данный момент программы, написанные самим Дрейком, производили взлом системы, – он не принимал участия в таких примитивных процедурах, а лишь с удовлетворением наблюдал, как одна за другой падают дымчатые вуали, скрывающие под собой защищенную и тщательно зашифрованную информацию.

Пространство начинало обретать знакомую геометрию: мерцающие, переливающиеся все тем же зеленоватым сиянием блоки соединялись между собой паутиной туго натянутых струн, подчиненных логике

наикратчайших расстояний.

Ошибается тот, кто считает работу кибрайкера нудной. Драйв, чья жизнь процентов на семьдесят протекала в фантомном пространстве, научился придавать изысканность самым рутинным процессам, иначе он бы сошел с ума, бесконечно вглядываясь в стремительные потоки цифр. Нет, настоящим кибрайкером становился лишь тот, кто умел абстрагироваться от работающих в данный момент программ криптографии, генераторов случайных чисел и анализаторов машинного кода. Дрейк лишь руководил ими, он давно перешагнул ступень ремесленничества, став Мастером.

Казалось бы, что можно найти привлекательного в системе человекоподобной машины?

Начинающий кибрайкер, взломав защиту и интерполировав своеобразный язык программирования в привычную транскрипцию, мысленно пошел бы по наикратчайшим путям в поисках файлов, содержащих нужные данные.

Драйв без потери скорости совершаемых операций опустился вниз, наблюдая, как мерцающие блоки принимают вид опрятного академического городка.

Открыв дверь ближайшего домика он вошел в таинственный сумрак электронной библиотеки, миновал узкий коридор между стеллажами и увидел призывное мерцание зеленой точки индикатора, которая указывала на искомый кристаллодиск.

Рядом, будто специально, оказалось расположено гнездо считывающего устройства и удобное кресло перед голографическим модулятором.

…

Для Фроста и его людей между последним докладом Хельги и очередной репликой Драйва прошло две или три секунды – никому из них не приходило в голову считать мгновения.

– Так, Анвар, следи за знаками на своем забрале. Я расшифровал их.

Перед глазами Зураб-Гани открылось оперативное окно с характерным символом, который он уже видел на одной из стен.

– Это означает, что помещения несут потенциальную биологическую опасность.

Знак сменился.

– Испытательные лаборатории конечного продукта.

Новый символ.

– Склады готовой продукции. Далее арсенал. Парковочный ангар

серв-машин. – при этих словах Драйва Фрост удивленно и обрадовано приподнял бровь. – И последнее, – продолжил Дикс, сменив значок в оперативном окне, – этот проход приведет к центральной шахте скоростных лифтов. Остальные символы комментировать не буду, их перевод автоматически загрузиться в кибернетическую систему ваших скафандров. Все Хельга, можешь отключать соединения.

Драйв открыл глаза, возвращаясь в реальность.

Кто-то энергично тряс его за плечо.

Ну, конечно, Фрост.

– Чего тебе?

– Ты сказал про ангар серв-машин.

– Ну, да. – Дрейк повернул голову и понимающе усмехнулся: – Судя по блеску в глазах ты жаждешь увидеть этих исчадий?

– Они нужны мне Дрейк. Это… – Фросту не хватило слов, и он просто выругался.

– Ясно. Маленький Армагеддон на большой космической станции. С залпами ракетных установок, взломом обшивки и полной декомпрессией. Фрост, ты когда-нибудь проверялся у психиатра?

– Может, ты заткнешься, и просто отведешь меня туда?

– Ладно. Сейчас сориентируемся. – В конце концов, Диксу не было дела как Фрост распорядиться своей добычей.

– Анвар оставайся на месте. Мы поднимаемся на третий уровень.

…

Если бы Дикс не отключился так быстро, то он, наверное, бы заметил, как из здания нарисованного его воображением академического городка вышли двое патрульных.

Подобное наблюдение очень встревожило бы Драйва.

…

Хельга выпрямилась, убирая временные соединения.

Эндоостов киборга со снятым грудным кожухом так и остался сидеть в неестественной позе.

Когда свет плечевых фонарей исчез за поворотом коридора, в наступившем мраке раздалось слабое шуршание.

Пока к центральному кибернетическому устройству машины подавалось питание, от этого источника успел зарядиться накопитель аварийного сервопривода.

Шуршание прекратилось. Прошла секунда, и раздался скрежет.

Эндоостов киборга по-прежнему полусидел у стены.

Внутренний виртуальный монитор отражал статус систем и

мелькающие командные строки:

«Тест сервоприводов: провалено».

«Наличие источников энергии: отсутствуют».

«Энергоснабжающее биопокрытие: уничтожено».

«Тестирование ядра системы».

«Обнаружен несанкционированный доступ к базам данных».

«Запуск аварийных программ».

«Реактивация».

Гибкий щуп вошел в гнездо и дважды провернулся в нем по часовой стрелке.

«Ядерный источник энергии активирован».

«Реактивация успешна. Повторный тест сервоприводов через три минуты».

«Загрузка модуля боевых программ».

«Активация режима жесткой автономии».

«Запущен обратный отсчет внутреннего таймера».

…

Время принятия решений.

Часто оно приходит неожиданно, как сейчас: Ветер уловил смутное движение в коридоре за спиной удаляющейся Хельги и понял, что дальнейшее развитие событий вошло в предсказуемую фазу.

До тех пор пока он не задействовал ни единой системы огромного комплекса, (кроме облака микромашин, передававших ему информацию о переговорах и передвижениях непрошенных гостей), те находились в относительной безопасности, но теперь, после грубого вторжения Дрейка в базы данных человекоподобной машины, они сами приговорили себя к смерти.

Являясь одновременно и хозяином и узником Башни, он со всей отчетливостью понимал последствия каждого шага, сделанного чужаками в гулких и темных коридорах. Глядя на лица за забралами гермошлемов, или наблюдая за их фигурками с высоты сводов огромных залов, он испытывал лишь досаду и сожаление.

Третья реинкарнация. Он не хотел ее, но если продолжать созерцательное бездействие их убьют. Киборг, которого «исследовал» Драйв, очнулся от летаргического сна, и он не станет ставить перед собой моральные вопросы, а четко выполнит программный долг.

Так проектировался этот комплекс. Даже по прошествии сотни лет достаточно одного неосторожного контакта с уснувшими, кажущимися безопасными механизмами, как те пробуждались. Это похоже на цепную

реакцию ядерного распада – один очнувшийся механизм сделает все, чтобы добраться до своих собратьев и пробудить, их передав сведения о вторжении. Что произойдет дальше? Скорее всего автономные машины уничтожат пришельцев и, спустя какое-то время, снова остановятся, не найдя смысла для дальнейшего функционирования.

Что ему оставалось? Просто понаблюдать, как воля его предков, создавших этот комплекс, уничтожит пришельцев?

То же вариант… Если бы не вспомнилась в этот миг улыбка Селены, вкус ее губ, чистые лучистые глаза с озорными искорками.

Что же ты делаешь душа?

Хмарь забвения разлетелась рваными клочьями. Он больше не мог терпеть собственного бездействия.

На вершине Башни пришла в движение гроздь параболических антенн, и одновременно с этим, подчиняясь мысленному приказу, ожили системы верхнего уровня.

Третья реинкарнация.

Видит бог, он не желал ее.

Незримые импульсы направленной передачи данных устремились сразу в двух направлениях: первый канал связи попал на приемные устройства транспорта «Элизабет-Сигма»: программы, посланные Ветром, в считанные мгновенья взломали защиту кибернетической системы, добравшись до блоков гиперсферной навигации.

Еще секунда и вся информация о расчетах гиперпространственного прыжка к системе Гермеса была удалена.

Он просто пытался их спасти, – глупых самонадеянных, алчущих.

…

– Мы вышли в ангар! – Пришел по связи доклад Хельги. – Вижу запечатанные боксы. Похоже на огромные транспортировочные модули. Сканеры не могут проникнуть через материал этих контейнеров.

– Оставайся на месте. Мы уже рядом. – Дрейк видел в конце коридора свет плечевых фонарей который метался по огромному залу. – Сейчас…

Он умолк на полуслове и рухнул на пол, едва не разбив забрало своего гермошлема.

Следовавший за ним Фрост от неожиданности выхватил оружие, резко развернувшись, но сзади никого не было.

– Дьяволы Элио!… – Он присел, одной рукой переворачивая обмякшее тело Дрейка. – Драйв, что с тобой?!… Ты меня слышишь?!…

Дикс не шевелился. Его тело казалось ватным, безвольным, словно все мускулы расслабились.

– Дрейк, не придуривайся! Ответь, что случилось?! – Фрост опять почувствовал этот дрянной неприятный холодок, что внезапной дрожью прополз вдоль позвоночника. В окружающей темноте на скафандре Драйва продолжал ритмично моргать изумрудный индикатор системы жизнеобеспечения, значит с ним все в порядке, так какого Фрайга он вдруг потерял сознание?!

…

Падая, Дрейк успел понять, что происходит. Его тело не подчинялось разуму, но он уже бывал в подобных ситуациях, и внезапная мнемоническая атака не увенчалась успехом, – он не стал цепляться сознанием за свое физическое тело, прошла всего лишь секунда, а он, сконцентрировавшись, уже нашел источник излучения, парализовавший его тело. Крохотный прибор был закреплен под сводчатым потолком тоннеля, – упав лицом вниз, Дрейк, естественно, не мог его увидеть, руки не подчинялись приказам мозга, значит, нечего даже пытаться оказать физическое противодействие…

Мнемоник.

ЭТО ОН.

Боль взорвалась в голове, словно внутри черепной коробки рванула граната.

Адское ощущение… мысли мгновенно спутались, и тут же боль трансформировалась в яркий, ослепительный свет, невыносимый, словно в глаза направили прожектор, но Драйв не испугался, наоборот он мысленно рванулся навстречу ослепительному сиянию; собрав всю волю он представил, что перед ним действительно прожектор и… невыносимый свет погас, разлетаясь жалобным звоном разбитого стеклопластика.

Мир грез.

Порой он реален до жути, киберпространство становиться единственной реальностью для тех, кто умеет манипулировать им.

– Выходи! – Яростно прохрипел Дрейк.

На фоне серой мглы появилась смутно очерченная фигура.

Дрейк привстал на четвереньки, потом оказался на одном колене, и между двумя фантомами внезапно возникла прозрачная, но непреодолимая стена.

Фигура подошла ближе коснулась рукой упругой преграды, слегка надавила на нее, пробуя на прочность.

Хриплый смех, похожий на карканье ворона, сопровождал это движение.

Смеялся Драйв.

– Ты хотел убить меня?

Фигура убрала руку.

– Я уже сделал все что хотел.

– Как насчет того чтобы подойти ближе?

– Я не ищу проблем. Хотя мне любопытно. Ты первый кибрайкер с кем я встречаюсь лицом к лицу. Отдаю тебе должное Дрейк, но ты неверно толкуешь происходящее. Тень резко выбросила вперед руку, и пластичная, но неодолимая преграда, возникшая по воле Дикса, вдруг начала съеживаться, лопаясь моментально вспухающими пузырями.

– Теперь это похоже на дырявую паутину, верно?

Дрейк уже встал на ноги, выпрямившись в полный рост. Глаза его фантома излучали недобрый красноватый свет.

– Посмотрим, так ли ты крут…

– Нет. У тебя нет времени Дрейк. Если хочешь жить, поторопись убраться отсюда. Я позаботился о том, чтобы ты никогда не смог вернуться на Гермес.

– Я уйду, когда захочу.

– Тебе решать. – Фигура пожала плечами. – Запомни, каждый сам выбирает собственную дорогу. Я пришел не убивать, а предупредить – ты разбудил автономные системы Башни, а им чуждо сострадание. Беги, пока не стало поздно. Я не хочу, чтобы ты разворошил весь комплекс, мне потом долго придется его усмирять. Поищи удачи в другом месте.

Тьма.

Она навалилась со всех сторон вместе с ощущением нехватки воздуха в груди и настойчивым голосом Фроста, который прорывался словно сквозь слой ваты:

– Дикс, Фрайг тебя раздери, что случилось?!…

Для Анжи прошло две или три секунды, не более.

Тело Дикса конвульсивно вздрогнуло, и в коммуникаторе раздался судорожный вдох.

Сканеры имплантов работали на пределе возможностей, но внезапно проявившая себя компьютерная сеть исчезла: вокруг не наблюдалось никакой энергетической активности и даже прибор, парализовавший его тело, не работал – все выглядело таким же мертвым, безнадежно заброшенным, как и несколько мгновений назад.

Лишь на самой периферии сознания, удаляясь в противоположном направлении, двигалась алая точка.

Тяжело дыша, Дрейк приподнялся и сел, прислоняясь спиной к стене.

– Фрост, что за коридор уводит в противоположном направлении? –

Не вдаваясь ни в какие объяснения, сипло спросил он.

– Там склад готовой продукции. – Ответил Анджей. – Ты напугал меня до смерти.

– Напугал? – Драйв сделал усилие, поднимаясь на ноги. – Я всего лишь споткнулся.

– Ну да… – Фрост приблизил свой гермошлем к забралу Дикса заглянув в его побледневшее лицо. – Это был он?

– Да. – Нехотя признал Дрейк.

– Ну и как?

– У нас проблемы.

– У тебя и или у нас? – Уточнил Фрост.

– У нас, если я правильно читаю показания сканеров. – Он переключился на общий канал и произнес. – Хельга, Анвар, нужно срочно осмотреть склады готовой продукции. Будьте внимательны, там что-то движется. Я засек энергетическую активность.

– Выполняйте. – Подтвердил распоряжение Дикса Фрост. – А мы пока осмотрим эти контейнеры.

* * *

– Есть устойчивый сигнал. – Доложила Хельга спустя несколько минут. – Я ничего не вижу, но термальная оптика фиксирует работу энергосистемы. По контуру похоже на человекоподобную машину.

– Уничтожьте ее.

– Принято.

Хельга стояла сбоку от входа в огромный зал. За проемом раздвинутых дверей от пола до потолка высились стеллажи. На них, словно в морге, ровными рядами были уложены киборги, запечатанные в герметичные упаковки, похожие на коконы из черного полимерного материала. Вдоль стен помещения располагались огромные холодильные установки, когда-то поддерживавшие тут минусовую температуру.

– Мерзость какая… – Скривилась Хельга, просканировав ближайший кокон.

Анвар, занявший позицию с противоположной стороны, осторожно выглянул в проем. Два ганианца опустились на колено, готовые в любую секунду открыть огонь в сумеречные глубины зала.

– Видишь его? – Спросила Хельга, справившись с отвращением, которое вызвал у нее вид человекоподобной машины, плоть которой давно

разложилась, обнажая запечатанный в пластик механический эндоостов.

– Вижу. Дистанция сто метров. Отсюда не попадешь, мешают стеллажи. Он идет по проходу в конце которого установлено какое-то оборудование.

– Ахман, Пенджаб, вперед. – Скомандовала Хельга.

Двое ганианцев послушно рванулись во тьму. Прожектора были погашены, работали только сканирующие системы скафандров.

– Жуткое место. – Произнесла Хельга, вновь покосившись на стеллажи.

«Модель Корг-3462. Боевая модификация» – Прочитала она надпись на бирке впаянной в пластик.

…

Киборг видел преследователей. Видеокамеры, расположенные по периметру металлопластикового черепа работали исправно. Он постоянно анализировал их показания, просчитывая каждое движение всей группы людей, вторгшихся на третий уровень комплекса.

Дистанция сокращалась. Двадцать две секунды до выстрела.

Ему было абсолютно безразличен тот факт, что через несколько мгновений титановые шарики, выпущенные из импульсной винтовки, изрешетят его.

Он опережал преследователей на три секунды, и этого было достаточно.

Две фигуры в бронескафандрах появились в тридцати метрах позади машины, и пока они вскидывали оружие, изготавливаясь к стрельбе, от хромающего эндоостова со снятым грудным кожухом, к блоку автономной кибернетический системы складского помещения стремительно выдвинулись два гибких шунта. Войдя в ответные гнезда, они повернулись по часовой стрелке, включая аварийную систему энергопитания и автономный модуль защиты уровня.

В следующий миг короткие очереди из «ИМ-200» вспороли спинной кожух киборга, поразив центральный узел сервомоторов.

Он, словно смертельно раненный человек, нелепо взмахнул руками и согнувшись рухнул на пол.

– Мы сделали его.

– Отлично. Возвращайтесь.

В следующий миг по всей площади зала вспыхнули тусклые огни красноватого аварийного освещения.

Хельга резко обернулась, с ужасом заметив, как шевельнулся ближайший кокон, словно заключенный в нем эндоостов необъяснимым

образом ожил, пытаясь разорвать прочный упаковочный пластик.

Она оцепенела, так и не найдя в себе сил оторвать взгляд от шевелящейся изгибающейся упаковки пока изнутри ее не прорвала механическая рука.

Еще секунда и, машинально отступая назад, она вскинула оружие, длинной очередью прошив появившийся в прорехе металлопластиковый череп машины.

Кокон несколько раз дернулся, а затем со стуком скатился на пол.

Рядом полыхнул бледный огонь статики, пляшущий на срезе электромагнитного компенсатора импульсной винтовки Анвара.

– Отходим! Всем назад! – Он не прекращал огня, поливая очередями ближайшие стеллажи. – Их тут не меньше сотни!

В глубинах зала киборг, раньше других выбравшийся из кокона, резким безжалостным ударом сжатых в кулак механических пальцев перебил шейные позвонки зазевавшегося ганианца.

Подобрав выпавшую из мертвых рук импульсную винтовку, он повернулся в поисках цели.

Модуль защиты уровня передавал данные об одиннадцати активных объектах, подлежащих уничтожению.

* * *

Передняя часть огромного контейнера с тяжелым вибрирующим звуком медленно опустилась к ногам Фроста, образовав пологий пандус.

– Проще не бывает. – Драйв, склонившийся над электронным блоком управления, поднял голову и присвистнул:

– Вот это игрушка…

Внутри транспортировочного бокса, в тугом корсете обслуживающих и крепежных ферм, согнув ступоходы, застыла сорокатонная серв-машина.

– На Ганио за нее дадут миллиона полтора, не меньше… – Восхищенно произнес Фрост.

– А как же маленькая война?

Анжи широко улыбнулся.

– Здесь хватит на все. Клянусь, нам не обойтись одним рейсом.

Его восторг оборвал доклад Хельги:

– Фрост, мы атакованы!

Анджей резко обернулся, посмотрев вглубь тоннеля. Метрах в двухстах, там, где сливались шесть радиальных коридоров, во тьме

мелькали далекие стробоскопические сполохи бледно-голубоватого сияния.

Ни слова не говоря, Фрост ринулся туда.

Драйв мгновенно переключил свой разум на импланты.

– Фрост множество сигналов. Около двухсот. – Тут же уточнил он. – Не приближайся к ним! Отступай! Ты слышишь?!

Анжи не ответил. Дрейк видел пять активных маркеров бронескафандров, но спустя мгновенье их стало три, затем один.

Множество термальных всплесков, словно мутно-салатовая река вытекали из распахнутых дверей склада готовой продукции, тут же распадаясь на отдельные ручейки, вливающиеся в коридоры Башни.

Это были киборги, необъяснимым образом очнувшиеся от многолетнего оцепенения. Ими явно руководили нестандартные краткосрочные программы экстренных действий: Драйв попытался стремительным ударом войти в систему одной из машин, пользуясь полученными кодами доступа, но тщетно, – рассудок налетел на глухую, непреодолимую стену,

Автоматически сработали программы сканирования…

Есть…

Драйв полностью погрузился в виртуалку.

Он видел расширяющуюся локальную сеть, связывающую между собой очнувшиеся механизмы, но его не интересовал обмен данными между исполнителями, где-то рядом располагался контроллер, реактивировавший это сонмище…

Сейчас ему было не до визуальных образов. Сознание работало четко, безошибочно, исполнительные системы имплантов подхватывали его волю, автоматически запуская наиболее подходящие для исполнения программы…

Порт удаленного доступа обнаружен.

Вход в сеть.

Драйв мгновенно оценил работающие исполнительные модули киборга. Резервный источник энергии был основан на примитивном, но надежном и компактном реакторе ядерного распада. Капсула со сверхобогащенным эргонием… знаем мы такие, ядерная батарейка, рассчитанная примерно на сто часов работы. Что дальше? Исполнительные модули программ? Ага, сигнал о вторжении в систему. Прицепиться к нему.

Стремительная передача данных. Вот он, контроллер… что ты там бормочешь, электронный болван? Уничтожить источник несанкционированного доступа? Назад. Наикратчайший путь. Взлом. Опять сигнал о вторжении. Я тебе сейчас покажу самоликвидацию…

Перехват управления. Тотальный контроль. Оборвать связь с контроллером, прямой доступ, смена командных приоритетов.

Есть… сделано.

Он увидел мир через видеодатчики машины.

Киборг, еще не успевший покинуть склад готовой продукции, находился в нескольких шагах от системного блока, реактивировавшего машины, и теперь руководившего их действиями. Драйв безошибочно использовал логику наикратчайшего расстояния, чтобы перехватить управление киборгом, находящимся в непосредственной близости от системного блока безопасности.

У него оставались доли секунды для принятия верного решения.

Проникнуть в систему охраны уровня или просто ликвидировать этот контроллер?

Драйв выбрал последнее. Он не мог рисковать, ввязываясь в мнемоническую схватку с глобальной киберсистемой, в то время как по коридорам двигались сотни исполнительных машин.

Кулак киборга с хрустом проломил облицовочный пластик стены, круша кристаллосхемы, расположенные в скрытой от посторонних глаз нише.

Наружу вырвался сноп искр, потоки света из разорванного оптического кабеля метнулись по стенам мрачного зала, словно лазерный спецэффект танцпола, мгновенный сбой обмена данными заставил сотни машин остановиться.

Маленькая, ничтожная победа.

Теперь Драйв понимал, почему продукция «Галактических Киберсистем» считалась самой надежной во всей Обитаемой Галактике.

Мгновенный взгляд вокруг.

Снопы искр и свет от порванного оптического волокна озаряли мрачную картину – двое ганианцев распростерлись на полу, вокруг зловеще отблескивали лужи крови, рядом с одним из тел лежала тонкая обойма от «ИМ-200».

В нескольких метрах застыло три человекоподобные фигуры. Их вид внушал оторопь: по металопластику эндоостовов змеились разноцветные блики, на обнажившихся сервоприводах кое-где виднелись бурые ошметья давно разложившейся плоти, на грубой имитации лиц автоматически подергивались микроприводы, отвечающие за мимику.

Драйву потребовалось меньше секунды чтобы оценить ситуацию.

Отряд Хельги и Анвара скорее всего уничтожен. Что с Фростом непонятно. Сейчас его занимал иной вопрос, – какие действия предпримут

машины, оставшись без централизованного управления?

Пользуясь секундным сбоем он атаковал киборга, в кажущейся нерешительности остановившегося в проходе между стеллажами.

На этот раз взлом защиты и доступ к ядру системы занял еще меньше времени – импланты Дрейка постепенно пополняли базу данных, куда записывались все распознанные при прежних атаках операционные команды и коды.

Внутренний монитор. Отчет текущих процессов:

«Потеряна связь с контроллером системы безопасности».

«Поиск активных дубль контроллеров».

«Провалено».

«Активация пакета программ автономного поведения».

«Статус: ОК».

Задачи первого уровня:

«Поиск и аварийная реактивация глобальной системы контроля».

«Уничтожение неопознанных объектов в радиусе действия сканеров».

Драйв ощутил неприятный холодок.

Не это ли пытался втолковать ему призрак?

Разбуженные автономные системы. Они будут действовать, не смотря ни на что, пока полностью не очистят уровень от постороннего присутствия. Дрейк не хотел даже думать о том, какие метаморфозы начнут происходить с автоматикой Башни, если кто-либо из киборгов доберется до модуля аварийной реактивации системы глобального контроля безопасности.

Он уже понял чего стоит обманчивое запустение исполинского комплекса.

Его кибермодули к этому моменту уже смоделировали глобальную командную последовательность. Оставалось лишь послать ее ближайшей машине, которая, принимая приказ на самоуничтожение, передаст его дальше, пока все кибермеханизмы не будут инфицированы командой самоликвидации.

Оставалось лишь ввести значение задержки. Драйв отдавал себе отчет, что две сотни ядерных микровзрывов не разрушат уровень, но могут задеть его лично, если он не успеет убраться отсюда.

Он прикинул, сколько секунд ему потребуется чтобы добежать до аварийной лестницы и спуститься вниз, затем ввел необходимую задержку и запустил программу исполнения.

…Возвращение в сумеречную реальность сопровождалась

радужными кругами. Секунду или две он ничего не видел, потом, превозмогая внезапно подкатившую к горлу дурноту, возникшую от перенапряжения ментальной схватки, он побежал назад, прочь от ангара серв-машин в спасительную тьму, которую более не освещали стробоскопические сполохи очередей из импульсного оружия.

* * *

Для Фроста все происходящее выглядело абсолютно иначе.

Инстинктивно рванувшись на отчаянный призыв Хельги, он моментально забыл о Драйве, просто мысль о нем исчезла из головы Анжи, как только первые очереди из импульсного оружия зримо прорезали тьму.

– Анвар, Хельга, что происходит?

– На нас напали! Кто-то реактивировал киборгов со склада готовой продукции!

– Отступайте! Двигайтесь к аварийной лестнице! Не оставляйте им оружия! – Фрост вспомнил о Драйве. – Дикс, ты где застрял?!

Коммуникатор не ответил. Анжи повторил вызов, но тщетно, Драйв молчал, словно его уже не было в живых.

Усилители мускулатуры боевого скафандра работали на полную мощность, и Фрост преодолел двухсотметровый отрезок тоннеля менее чем за тридцать секунд.

Он выскочил в зал, где сходились радиальные коридоры как раз в тот миг, когда из глубин склада ударила прицельная очередь.

Анжи слишком поздно среагировал на бледную вспышку, и титановые шарики ударили в грудь, отшвырнув его к стене.

Дыхание прервалось, словно воздух из легких выбили ударом кувалды.

Перед глазами мелькнул сумеречный свод зала, по ободу забрала замельтешили тревожные огоньки систем поддержания жизни, что-то щелкнуло в затылочной области, и он судорожно вдохнул, совершенно потеряв ориентацию из-за болевого шока и воздействия стимулятора, поданного в кровь системой экстренного жизнеобеспечения.

Следующим ощущением Фроста был мягкий глухой удар, – отлетев к стене, он врезался в нее спиной и затылком.

Ноги подкосились, пред глазами мельтешили искры, но стимулятор быстро гасил боль и очищал рассудок от шоковых ощущений.

Наклонив голову Анжи посмотрел на грудные бронепластины

скафандра и облегченно выругался.

Ничего страшного, максимум синяк во всю грудь… – подумал он, разглядев крупные выщерблины. Броня выдержала.

В следующий миг его внимание привлек силуэт человека, который высветили из тьмы частые одиночные выстрелы двухсотого «ИМа».

Интуитивно он узнал Хельгу.

Наемница, припав на одно колено, держала под огнем выход из склада, откуда пыталась вырваться группа человекоподобных машин.

Фрост со стоном поднялся на ноги. Покидая посадочный модуль, он не стал вооружаться импульсной винтовкой: две изготовленные по спецзаказу «Гюрзы» были для него привычнее, они как влитые лежали в ладонях, придавая чувство уверенности в своих силах.

Сместившись вбок, чтобы не блокировать Хельге пространство для резкой смены линии огня, он вскинул оружие.

Тьма мешала целиться, смутные контуры машин выдавливало из широкого проема складских ворот тесными группами, промахнуться в такой ситуации было трудно, но Фрост привык видеть результат собственной стрельбы.

Страха не было. На миг, когда включились оптико-электронные компенсаторы освещения, рассудка коснулась жуть – на забрале гермошлема возникла четкая контрастная картинка: около пятидесяти киборгов с тупой механической целеустремленностью двигались к троим ганианцам, занявших позицию в справа от Хельги.

Мерно двигались сервомоторы, роняя на пол осклизлые комки разложившейся плоти, гробовая тишина сменилась на ноющий звуки механических приводов и частые выстрелы, отдающиеся металлическим звоном при попаданиях.

Фрост не мог сосчитать их взглядом, машин было множество, и они все пребывали из глубин проклятого склада.

Он начал стрелять, сначала прицельно, с секундными паузами между нажатием гашеток, а потом палец сам потянул ползунок вариатора скорости стрельбы вниз, и обе «Гюрзы» зашлись длинными автоматическими очередями, на мгновенье остановив прущую из глубин зала массу машин.

Передние киборги падали на пол, но большинство из них тут же начинало вставать, Фрост отчетливо видел отстреленные конечности; огромные дыры в кожухах машин рассыпали снопы искр, освещая пространство вокруг призрачным светом, истекающим из поврежденных оптических кабелей, – этот кошмар разрастался с каждой секундой, и Анжи, ощутив холостой ход электромагнитного затвора, машинально

отступил на несколько шагов, одновременно сбросив пустые обоймы.

Индикаторы оружия вновь зажглись трепетными зелеными искрами и он, возобновив огонь, начал отходить к лестнице.

– Хельга, Анвар, вы слышите меня?

– Хельга мертва. – Раздался в коммуникаторе хриплый голос Зураб-Гани.

Фрост резко повернулся и увидел, что группа машин в центре зала прорвалась через огонь импульсных винтовок: с десяток киборгов обогнули баррикаду из изуродованных механических тел, один из них оказался вооружен трофейным «ИМом».

Хельга лежала на спине, широко раскинув руки, ее гермошлем был изрешечен выпущенной в упор очередью, а машины уже тянулись к выпавшему из мертвых рук оружию…

Фрост несколько раз выстрелил, свалив два скелетообразных эндоостова, но механических исчадий было слишком много, они все прибывали, и Анжи, наконец, понял, что их не сдержит никакой огонь…

– Анвар, к лестнице! – Закричал он, чувствуя, что нервы начинают сдавать в этом размеренном, тупом механическом движении, которое обтекало его со всех сторон, уже практически не оставляя выхода для бегства.

Коммуникатор ответил булькающим хрипом, и Фрост отшвырнув очередями две опасно приблизившиеся машины, внезапно осознал, что остался один, и одновременно увидел, как киборг, вооружившийся импульсной винтовкой Хельги, целиться ему в голову.

Это был миг, который вдруг начал растягиваться в субъективную вечность.

Не в первый раз он смотрел в глаза смерти, но никогда до этого Фрост не ощущал такой безысходности, пустоты, – он привык иметь дело с людьми, и в самых страшных, кровавых эпизодах прошлого за мертвым зрачком электромагнитного компенсатора он видел человеческие глаза, полные эмоций, они помогали Анджею угадать момент выстрела, среагировать, но теперь… Он видел лишь пустоту, готовую изрыгнуть бледный сполох статики, выплевывая смерть…

Сколько мыслей может спрессовать одна секунда?

Фрост вдруг увидел самого себя, подрезающего декоративный кустарник на далеком Кьюиге… Лучше бы я остался там… Живой изменившийся… заново рожденный…

Нет!… Сенсорная гашетка, которой необходимо лишь слабое нажатие, превратилась в тугую скобу, которую не мог продавить палец.

Твой удел, Фрост, – постоянное бегство и ад смертей… – шепнуло подсознание. -*Ты стал похож на бешенного зверя…*

Поздно… Слишком поздно… Как там говорили предки? Что-то про переправу и коней?

Миг затягивался, он становился невыносимо-долгим, – Анжи не понимал что происходит, он стоял в страшном оцепенении, пока сбоку не обозначилось стремительное движение.

На всю оставшуюся жизнь ему запомнился пережитый отрезок безвременья, как и внезапная вспышка прозрения, пришедшая одновременно с хриплым голосом Драйва:

– Фрост, не стой как болван, у нас осталось двадцать секунд, чтобы убраться отсюда.

Он посмотрел на киборга и понял, что, прошла не секунда, а намного больше, просто машина застыла без движения, окаменев за миг до рокового выстрела…

Видя, что Анжи не реагирует на слова, Драйв схватил его за плечевые бронепластины и, с усилием развернув, толкнул по направлению лестничного марша.

– Двигайся!

Он побежал за Дрейком. Все происходило как в полусне, мимо мелькали металлические перила аварийной лестницы, потом стены Башни внезапно содрогнулись, и высоко над головами двух беглецов раздалась серия тяжких взрывов.

Фрост не помнил, в какой момент он потерял Дрейка из вида. Тугая ударная волна сбила его с ног, и последние метры до спасительной трещины в цоколе он не пробежал, а пролетел, с силой ударившись о стену.

Что-то хрустнуло в плечевом активаторе боевого скафандра, Фрост попробовал поднять правую руку, но сервомоторы усилителя мускулатуры ответили неприятным скрежетом.

В коммуникаторе повисло зловещая тишина. Он попытался вызвать Дрейка, но тщетно, видно тот уже находился вне стен сооружения и толстый материал цоколя блокировал связь.

Анжи осмотрелся.

Наверху бушевал огонь. Вслед за серией отгремевших взрывов на третьем уровне занялся пожар, и теперь по наклонным тоннелям аварийной лестницы сочился едкий удушливый дым.

Надо убираться отсюда. – Это была первая здравая мысль, посетившая его за последние минуты.

С трудом отыскав памятный разлом в цоколе, он пошатываясь вышел

из сооружения.

Снаружи бушевала оранжевая буря. Ветер стлал песчаную поземку, клубы пыли напоминали облака, несущиеся вдоль самой земли.

– Дрейк ты жив? – Уже без особой надежды спросил Фрост.

– Жив. – Ответил коммуникатор голосом Драйва. – Двигайся на сигнал посадочного модуля. Встретимся там.

Фрост еще раз огляделся. Дикс прав. Им ни за что не найти друг друга в усилившейся пылевой буре и сигнал посадочного модуля оставался единственным ориентиром для встречи.

Включив пеленгатор, он увидел слабую мерцающую точку, обозначавшую место посадки модуля и, прихрамывая, зашагал прочь от Башни.

Часть 2. БЕЗДНА

Глава 4.

Омикрон-5.

Вечер 9 апреля.

Лесная поляна была пуста.

Первый раз Ветер не пришел к назначенному часу.

Внешне все выглядело спокойно: ожидая появления любимого Селена, пытаясь унять нарастающее чувство тревоги, внимательно осмотрела поляну, ручей и небольшой участок леса, окаймлявший прогалину.

Никаких явных или скрытых следов повторного вторжения.

Фантомный мир не вызвал у нее подсознательного чувства дисгармонии, значит с ним все в порядке. Своей интуиции Селена привыкла доверять в полной мере, – это чувство имело в своей основе тонкую психологическую связь между сканерами имплантов и рассудком.

Прошел час, а Ветер так и не появился.

Дальше ждать бессмысленно. Он не придет. – Мысль резанула как острый нож… – Ну почему я вчера не расспросила его подробнее?… – Запоздалый упрек, адресованный самой себе, уже не мог ничего изменить – Ветер сказал ей столько сколько счел нужным.

Она встала с замшелого ствола поваленной сосны.

Случилось самое страшное, что может произойти в виртуалке – инкогнито вдруг обернулось полнейшим незнанием, растерянностью: где и как теперь искать его?

Приходить сюда каждый день, ждать, когда он появиться?

А если нет? Если с ним в реале случилась беда?

Селена стояла растерянная, оглушенная, оказывается, она была совершенно не готова к такому внезапному обороту событий.

Сейчас она мыслила не как мнемоник, а как обыкновенная женщина, ощутившая внезапную утрату.

Боль, обида, растерянность, тревога, – все эти чувства смешивались в душе, усиливая друг друга, и она, не выдержав, вдруг расплакалась.

Ветер, милый прилетай…– мысленный вскрик, мольба о чуде, помутившийся от слез, взгляд тщетно пытавшийся поймать знакомое дуновение среди неподвижных ветвей кустарникового подлеска… – все это говорило о состоянии Селены красноречивее любых слов

Фантомный лес глухо молчал в ответ.

* * *

Денис Макаров уже спал, когда домашняя киберсистема подала предупреждающий сигнал.

Не открывая глаз, он перевернулся на другой бок, и недовольно проворчал:

– Ну что там еще?

– К тебе пришли, Денис. – Сообщил ровный голос аудиосистемы.

Он открыл один глаз, посмотрел на светящиеся в темноте микродисплеи терминала и проворчал:

– Опять глюки? Два часа ночи. Я никого не приглашал.

– У дверей стоит женщина. Система сканирования опознала ее как мисс Лаумер.

– Лаумер? – Макаров сел в постели, окончательно проснувшись. Откинув одеяло, он подошел к терминалу и посмотрел на видеоизображение.

– Открой дверь и зажги свет в прихожей. Я сейчас оденусь.

…

Селена никогда не бывала дома у Дениса, они контактировали только на работе, хотя Макаров, следивший за технической исправностью кибермодулей, пытался поначалу ухаживать за ней.

Из этого ничего не вышло, но отношения с Денисом у нее всегда оставались ровными, дружескими.

Свет в гостиной зажегся автоматически, как только она переступила порог. Через открытую дверь спальни доносились неясные звуки. Она отвернулась, сев в кресло.

– Привет… – Голос Дениса прозвучал вопросительно. В два часа ночи легко принять желаемое за действительное, но, взглянув на Селену, он тут же понял – негаданное романтическое свидание отменяется, она пришла к нему явно не за этим.

Она повернулась. Увидеть мнемоника таким возбужденным, – редкость даже для технического специалиста, постоянно контактирующего с имплантированными сотрудниками корпорации.

Она казалась не просто встревоженной. Глаза Селены хранили следы слез, пальцы, неосознанно комкали невесомое кружево носового платка… – все это недвусмысленно свидетельствовало о далеко не лучшем внутреннем состоянии ведущего мнемоника корпорации.

– Что случилось? – Денис взял офисное кресло и сел напротив Селены. – Ты вся дрожишь.

– Дэн, – Она называла его на свой манер, привычно сокращая имя до нескольких выразительных букв. – Скажи, у корпорации есть кибрайкеры?

Заданный ей вопрос по ощущениям Дениса был сравним с пулей, пущенной в лоб. Он даже рот открыл от изумления. Ну, нельзя же так… разбудить среди ночи и на тебе: "Есть ли среди служащих корпорации кибрайкеры"?

Конечно, есть, но говорить об этом вслух не то чтобы не принято – опасно для здоровья.

– Селена, я…

– Денис, не отказывай мне. – В ее голосе вдруг прозвучали неожиданные, похожие на металл нотки.

У Макарова мурашки поползли по спине. Он не знал истинной причины ее скверного расположения духа, но видеть перед собой убитого горем мнемоника, зрелище не для слабонервных, пусть даже она и является молодой женщиной. Как специалист Денис вполне отдавал себе отчет – в таком состоянии ее разум способен натворить дел, тем паче, что его жилище напичкано кибернетикой… Нет, ее нужно выслушать, понять, иначе тут начнется такое, что древний мистицизм со всеми явлениями полтергейста покажется забавной сказкой для маленьких детишек.

– Ты не боишься прослушивания?

Селена взглянула на него и ответила:

– Мне все равно.

Ну, вот. Начинается. Сейчас она уйдет в срыв и тогда…

– Ладно. Я просто так спросил. Моя квартира чиста.

– Тогда ответь на заданный вопрос Денис. Это очень важно. Для меня. – Селена говорила короткими, словно отрубленными фразами, явно стараясь обуздать какие-то рвущиеся наружу чувства.

– Есть. Есть кибрайкеры, а как ты думала? – Денис тоже нервничал, начиная заводиться. – Считала, что "Эхо" не заинтересовано в чужих тайнах?

– Хорошо… – Она внезапно, необъяснимо расслабилась. – Кто обслуживает их кибермодули?

Так. Из огня да в полымя?

Глаза Дениса выдали его с головой.

– Ты? – Вопрос уперся в его рассудок, словно ствол импульсного пистолета, приставленный ко лбу.

– Ну, да, я… Может быть, ты все-таки расскажешь, в чем дело?

– Нет.

– Почему?

– Потому что завтра тебя будут допрашивать в особом отделе. Я не хочу, чтобы ты что-то знал. Поэтому, – она сделала предупреждающий жест рукой, давая понять, чтобы он не задавал лишних вопросов. Для собственного блага, разумеется. А для корпоративной службы безопасности добавила вслух:

– Пойми, Денис, я едва владею собой. Подумай, что будет, если ты начнешь мне лгать. У меня беда. Большая беда, личного плана.

– Что требуется от меня?

– Кибермодули. Боевые кибермодули – уточнила она. – Те, которые используются кибрайкерами только в крайних случаях, при осуществлении мнемонических атак.

У Дениса по бледным щекам поползли пунцовые пятна.

– Я не храню их дома…

– Не лги. – Свет в комнате внезапно моргнул, и один из пяти светильников вдруг с громким хлопком взорвался, рассыпаясь звонким крошевом стеклопластика.

– Я вызову полицию. Ты требуешь от меня невозможного. – Он произнес эти слова нарочито громко, одновременно слегка подмигнув Селене.

Она поняла этот знак.

– Зря Денис. – Ее голос был ледяным. На терминале домашней киберсистемы внезапно захлебнулся тоновым сигналом и бессильно утих прибор связи. – Теперь ты никого не вызовешь, Дэн. – Сухо заметила она. – Если ты еще не понял, серьезность моих намерений, то подумай, я ведь могу переключить внимание с бытовой электроники на твой имплант.

– Нет… Не делай этого!… – Денису не нужно было играть роль, – при одной мысли о прямом контакте с разумом мнемоника у него начался озноб.

– Какие модули тебе нужны? Конкретно, Селена?

Она на миг задумалась. Собственные устройства позволяли ей дистанционно управлять машинами, отслеживать информационные потоки, вести пассивную оборону в киберпространстве, ограждая рассудок от чужих атак. Значит, для осуществления задуманного ей не хватало двух компонентов.

– Я не могу атаковать в виртуальном пространстве и взламывать программы защиты.

Макаров на секунду задумался, мысленно взвешивая все "за" и

"против".

– Хорошо. Я сейчас. – Наконец решился он.

Денис встал, открыл встроенный в стену сейф и достал оттуда футляр.

– Здесь самый последний универсальный набор модулей для кибрайкеров. Но ты не умеешь обращаться с ними.

– Разберусь. – Коротко ответила Селена.

Приняв футляр из дрожащих пальцев Макарова, она посмотрела ему в глаза.

– Спасибо Дэн. Я кое-что изменила в программах твоего терминала. Боюсь, что тебе придется посидеть дома до утра. Не пытайся выйти из квартиры ладно?

Он кивнул, хотя понимал, что она блефует. Плох тот специалист, кто не в состоянии защитить собственную кибернетическую систему от сторонних посягательств. Все что могла сделать Селена – так это вызвать резкие перепады напряжения в локальных участках проводки. Этого достаточно чтобы взорвать осветительный прибор, или заставить заверещать прибор связи. Но не больше.

* * *

Селена вышла на улицу в половину третьего ночи.

Последние часы он прожила будто в полусне, совершая мгновенные переходы из киберпространства в реальность пятого Омикрона и обратно.

Сейчас нужно действовать быстро. У нее оставалось всего пять часов до того момента как ее начнут искать.

Что делает с нами любовь?

Разве могла она хотя бы помыслить, что вот так, одним роковым вечером вся ее жизнь примет совершенно иную окраску?

Конечно же нет.

Сев в машину она положила футляр с кибермодулями на пассажирское сидение. Было ли ей страшно?

Нет. Все иные чувства глушила тревога.

Ветер… Милый, ласковый, любимый… Без него жизнь потеряла смысл, – это познавалось в одночасье, как недоброе озарение, словно до определенного момента она шла по ровной прочной дороге, вдыхая благоухающий аромат счастья, и вдруг, делая очередной шаг, с ужасом поняла: путь оборвался, а нога занесена над Бездной.

За два часа тщетного ожидания она успела вспомнить всю свою жизнь

от первых полуосознанных впечатлений детства, до встречи с Ветром.

Что было хорошего в ее судьбе?

Только он.

Ждать, бездействуя – худшая кара для любящей души. Выплакаться и смириться? Потерять счастье, а утром снова идти на работу?

Иная поступила бы именно так.

Селена не смогла даже принять к рассмотрению два первых варианта. Она, ко всему прочему являлась мнемоником, обладала особым интуитивным ощущением событий, и укоренившийся в сознании опыт не давал ей выстроить защитную стену из иллюзий.

Вчера кто-то вторгся в виртуальный мир Ветра.

Сегодня исчез он сам. Все просто, причина и следствие, но как тяжко бремя окончательной уверенности для любящего сердца. Оно не может глухо биться в тупике пассивного ожидания.

Либо замрет навеки, либо ринется через бездну, навстречу неведомому, согревая и освещая свой путь лишь слабым лучиком надежды.

…Она встряхнула головой, очнувшись от наваждения мыслей.

Приборная панель мягко светилась, дисплей автопилота просил указать маршрут для дальнейшего движения, цифры в окошке хронометра неумолимо стремились вперед к рассвету.

Действовать.

Она мысленно проложила курс, и машина мягко тронулась с места, постепенно набирая скорость на безлюдных городских улицах.

Ее путь вел прочь от мегаполиса.

* * *

9 апреля

Система звезды Онтарио. Планета Омикрон-9. Загородная вилла Дункана Итема – владельца корпорации "Генезис".

Несколькими часами ранее…

Молодой человек сидел в глубоком кресле перед камином.

В мраморной пасти, копирующей оскал застывшего в прыжке эреснийского скарма, весело потрескивая, горели настоящие дрова.

– Я спрашиваю, куда подевался Драйв? – Не оборачиваясь, спросил он у стоящего на почтительном удалении, плотно сбитого мужчины, облаченного в форму военно-космических сил корпорации.

– Господин Итем, я не могу однозначно ответить на этот вопрос. На

протяжении трех последних лет Дикс скрывался на Ганио; мои люди наладили с ним прочный деловой контакт, и он ни разу не подводил нас, в плане исполнения разовых заказов.

– Но сейчас там его нет! – Дункан обернулся, зло посмотрев на Лайфа Когана. С таким же успехом он мог бы попробовать просверлить взглядом кусок скалы. Коган выглядел абсолютно спокойным, и это сильно задевало главу "Генезиса", действуя ему на нервы. Де юре Лайф являлся всего лишь его заместителем по общим вопросам, – весьма размытая формулировка, позволявшая взвалить на Когана множество обязанностей. Поначалу это казалось удобным: есть на кого свалить неприятную, а порой и откровенно криминальную работу, но постепенно Дункан начал ощущать, как нити власти ускользают из его рук. Коган же наоборот искусно подхватывал их и наматывал на свой твердый кулак. Даже вежливое "сэр" уз уст Лайфа звучало в этом кабинете будто издевка, – подразделения корпорации знали своего хозяина лишь как далекую, абстрактную фигуру, а вот "серый кардинал" в лице Когана управлял ими напрямую…

– Почему Дикс исчезает именно в тот момент, когда его услуги особенно необходимы?! – Вопрос Дункана прозвучал резко, неприязненно, с вызовом, и это только подчеркнуло его слабость.

– Сэр, мы смогли подобрать замену. – Не меняя тона, ответил ему Лайф.

– Замену Драйву?! – Молодой Итем, внук печально знаменитого Роберта Итема, основателя корпорации "Генезис", даже привстал с кресла. – Коган, ты издеваешься надо мной? Или в границах Обитаемой Галактики появился еще один кибрайкер, способный сравнится с Диксом?

– Драйв действительно профи высшей пробы. – Согласился Коган и тут же парировал брошенное в его адрес обвинение:

– Время работает против нас, и, понимая, что поиски Дикса могут затянуться на неопределенный срок, я взял на себя ответственность сформировать группу из пяти кибрайкеров. – Пояснил он.

– И что?! – Дункан по-прежнему сидел вполоборота, зло глядя на Когана. – Они полезут в самое пекло, засветят себя, а потом контрразведка Конфедерации легко выжмет из них сведения о заказчике! Ты подумал об этом?

– Естественно. Никто из исполнителей не подозревает, что работал на "Генезис". Я вербовал их через подставное лицо.

Дункан остолбенел.

Работал… Значит, акция уже осуществлена?!

– Ты действовал без моего ведома?!…

Коган кивнул:

– Информация того стоит. Что касается кибрайкеров, – они мертвы. Все, даже те, кто не принимал участия в акции, а был нанят в качестве дублеров.

– Мне от этого легче?! – Не выдержав, все же взорвался Дункан. В отличие от своего деда молодой Итем не обладал железным самоконтролем. Встав, он порывисто подошел к Лайфу, ткнув того пальцем в грудь. – Ты всего лишь мелкая сошка, меня же распнут, в назидание всей Окраине, ты понимаешь это недоумок? Забыл что такое внешняя разведка Конфедерации?

Когану потребовалась вся выдержка, чтобы не отреагировать на оскорбления, – ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Акция прошла успешно. – Отчеканил он, и металлические нотки, все же прорвавшиеся в интонациях Когана, немного отрезвили Итема.

Взгляд Дункана стал иным. Он молча вернулся к камину, сел в кресло, протянув руки к огню, и только тогда, не поворачиваясь, произнес:

– Докладывай.

– Это проще продемонстрировать. – Ответил Коган.

– В смысле? – Не понял его реплики Дункан.

– Сформированная мной группа сумела снять полноценную копию с записи совещания силовых министров Конфедерации.

– Они взломали банк данных генерального штаба флота?

– Нет, сэр. Подобные записи хранятся в секретном архиве президента Конфедерации. Это локальная сеть, обособленная от Интерстара.

– Дьяволы Элио… – Лицо Дункана внезапно приняло землистый оттенок. – Твои люди проникли в компьютеры Совета Безопасности Миров?!…

– Да. – Кивнул Лайф.

У Дункана возникло ощущение, что голова сейчас лопнет. Вторжение в самую защищенную, тщательно охраняемую компьютерную сеть, плюс смерть не самых худших, а значит известных в определенных кругах кибрайкеров, – все это легко взаимосвязывалось между собой и не могло пройти незамеченным. Действия Когана предрекали громадные проблемы… в таком случае, на что он надеялся? На глупую старинную поговорку о том, что победителей не судят?! Какая к Фрайгу победа, – он, похоже, совсем зарвался, подставив под ответный удар всю корпорацию!…

– На совещании обсуждался вопрос осуществления силовых акций, против "Генезиса". – Словно прочитав мысли молодого Итема, произнес Коган. – Речь шла о Везелвуле.

Теперь бледность на щеках Дункана сменилась нездоровыми пунцовыми пятнами. От спеси и надменности не осталось и следа, он сейчас хотел одного: чтобы все сказанное Коганом превратилось в тяжкий, кошмарный сон, от которого можно убежать, просто проснувшись…

На некоторое время в просторном кабинете повисла вязкая осязаемая тишина. Дункан скверно держал удары. Ему с трудом удавалось управлять огромной промышленной империей, доставшейся в наследство от отца; он оказался совершенно не готов вынести на своих плечах груз обрушившихся на него проблем, и это чувствовали остальные, в первую очередь Коган, чье присутствие в данный момент давило на психику едва ли не больше чем внезапно обрушившиеся неприятности.

– Хорошо, запись – значит запись. – Наконец, произнес Дункан, собрав всю свою волю для этой обыденной фразы. – Давай посмотрим, что замыслили против нас конфедераты.

Коган молча прошел к компьютерному терминалу, вставил в гнездо кристаллодиск и включил стек-голограф.

Воздух перед креслом Дункана слегка помутился, а затем стена кабинета исчезла, словно растворилась, открывая взгляду Итема объемное детализованное до мельчайших пылинок пространство помещения, которое он видел лишь в сводках галактических новостей.

…

Обычное утро субботы.

Совещание с участием президента Конфедерации Солнц – Шейлы Норман, началось ровно в десять часов.

Как правило, в еженедельном мероприятии принимали участие исключительно силовые министры и представители штаба флота, но сегодня, войдя в "мраморный кабинет", полковник Снегов невольно вздрогнул от подсознательной тревоги, и лишь секунду спустя, до его обоняния дошел витавший в помещении запах.

Запах чужих.

Не далее как пять–десять минут назад здесь побывали Логриане и Инсекты – характерные флюиды причудливо смешивались, постепенно истончаясь, под воздействием системы кондиционирования.

Снегов не позволил себе поморщится, – кивнул присутствующим, чуть дольше чем обычно задержав взгляд на хозяйке мраморного кабинета: Шейла Норман сидела за длинным Т-образным столом, свободно закинув ногу на ногу.

Она выглядела безукоризненно. Как всегда– подумал про себя полковник, как все двадцать с лишним лет, что несла свое бремя,

доставшееся ей в критический для всего человечества миг.

Заняв свободное кресло, Снегов коснулся сенсора, и компьютерная система включила его личный терминал, высветив в материале толстой столешницы нейтрально-серое окно стереомонитора.

Тема субботнего совещания традиционно посвящалась вопросам внутренней и внешней безопасности галактического сообщества. Похоже, сегодня ее никто не отменял, но флюиды запахов, оставшихся в овальном кабинете после визита "братьев по разуму", и несколько новых лиц за овальным столом, невольно наводили на мысль о расширенной повестке дня.

Снегов не ошибся, хотя первым, как обычно начал доклад генерал Ван Крейк, возглавлявший отдел внешней разведки.

Он говорил сухо и сжато; выступления генерала всегда отличались информативностью и никогда не казались утомительными, словно выражение о том, что краткость – это сестра таланта, Ван Крейк воспринимал в качестве аксиомы.

– Госпожа президент, – последовал легкий кивок в сторону хозяйки мраморного кабинета, – сегодня я готов доложить, что нами раскрыт основной канал поставок наркотического вещества из сектора Окраины на планеты Центральных Миров. – Начал он. – Речь идет о синтетическом наркотике, получившем кодовое наименование "Эразий".

Снегов лишь мысленно присвистнул, прикинув, какая титаническая работа стояла за скупыми словами генерала.

– Насколько я знаю, его экспорт традиционно осуществлялся с Окраины? – Уточнила Шейла.

– Да, – Кивнул Ван Крейк, – но мы длительное время не могли вычислить более или менее крупного, базового производства. Проблема заключалась в том, что мы искали мощные лаборатории, без которых невозможен синтез таких объемов концентрата, что регулярно поставляется на черные рынки Обитаемой Галактики.

– В чем же заключалась ошибка? – Шейла внимательно слушала Ван Крейка, привычно вникая в детали обсуждаемого вопроса.

– Наркотик действительно синтетический, но исходный материал для его получения, так называемый "сетроний", как выяснилось, производится отнюдь не в лабораториях. – Пояснил генерал. – Синтез данного вещества протекает в естественных условиях на планете Везелвул, – это теперь известно абсолютно точно. Вы знаете историю данного планетоида. Долгое время он служил свалкой ядерных и химических отходов, стихийно возникшей в тот период, когда Колониальная Администрация сектора

Окраины не могла эффективно контролировать деятельность многочисленных корпораций. Около полувека назад Совет Безопасности Миров, при активном участии сил Патруля Первой Конфедерации начал наводить порядок в секторе Окраины. Именно тогда было принято решение о дезактивации стихийных свалок ядерно-химических отходов и терраформировании Везелвула. На околопланетную орбиту безвоздушного планетоида был выведен искусственный источник термоядерной энергии. Мини-солнце согрело поверхность, и Везелвул постепенно обрел атмосферу, сформировавшуюся из ядовитых испарений. После возведения космического порта и монтажа станций переработки атмосферы, проект постепенно вошел в стадию упадка, и в конечном итоге был заморожен из-за недостаточности финансирования.

Ван Крейк откашлялся и продолжил:

– Следующей заметной вехой в истории Везелвула стал договор между Колониальной Администраций сектора и корпорацией "Генезис", о бессрочной аренде планетоида. Согласно достигнутым договоренностям корпорация взяла не себя работы по дальнейшему терраформированию. По окончании активной фазы преобразований очищенный мир предполагалось продать с аукциона.

– А что происходило на самом деле? – Уточнила президент.

– Нас ложно информировали о трудном, но успешном процессе планетного преобразования. – Ответил Ван Крейк. – Здесь замешаны высокопоставленные чиновники администрации Аллора, прикрывавшие истинную деятельность корпорации "Генезис". Что касается самого планетоида, то Везелвул до сих пор представляет собой отравленный, опасный для жизни мир. Атмосферные процессоры поддерживают лишь локальный участок терраформированных земель в районе космопорта, где сосредоточены основные поселения. Там же расположена колониальная тюрьма. Синтез сетрония происходит в отравленных болотистых низменностях. Оттуда его добывают простым выпариванием. Далее, уже в виде порошкообразной массы, он поступает в мини-лаборатории, где производится очистка концентрата от примесей и его фасовка для дальнейшей транспортировки.

– Поздравляю генерал. – Выслушав Ван Крейка, удовлетворенно кивнула Шейла. – Это несомненный успех, учитывая сколько вреда приносит "Эразий". Как удалось определить истинный источник сырья?

– Разработкой сетрония и поставками "Эразия" занимался как основатель "Генезиса" Роббер Итем, так и его сын Эрик. Они действовали осторожно, распространяя сравнительно небольшие партии наркотика

среди миров Окраины. После кончины Эрика Итема, корпорация перешла к его сыну Дункану. Он проявил неосмотрительность, решив освоить новые рынки сбыта. Вы знаете, сколько неприятностей доставил нам новый синтетический наркотик, буквально хлынувший на черные рынки Центральных Миров. Выявить ошибку и отследить истинное положение дел позволил мониторинг гиперсферных маршрутов. Проверялись все пять крупных промышленных групп Окраины, но особое внимание привлекли транспортные конвои "Генезиса", которые регулярно следовали по одним и тем же навигационным точкам, в сопровождении боевых кораблей корпорации. На мой взгляд, руководство "Генезиса" попросту обнаглело, уповая на коррумпированных чиновников колониальной администрации.

– Какие меры мы можем предпринять для пресечения добычи и транспортировки сетрония?

– Седьмой флот Конфедерации в данный момент выдвинулся в сторону Окраины. Как только Совет Безопасности даст соответствующие санкции, мы блокируем Везелвул в тот момент, когда на планете будет происходить загрузка очередного конвоя. По нашим данным акцию можно осуществить в течение ближайших двух-трех стандартных суток.

– Хорошо. – Вновь кивнула Шейла, делая мысленные пометки на личном информационном носителе. – Я прослежу, чтобы Совет Безопасности на основании собранных разведданных дал вам требуемые полномочия. Канал поставок "Эразия" нужно перекрыть раз и навсегда. Спасибо, Ван Крейк, вы проделали отличную работу. – Пальцы Шейлы, не смотря на расслабленную позу, слегка побелели, она неосознанно сжимала подлокотники кресла, и данный факт не укрылся от взглядов присутствующих.

– Текущая неделя прошла спокойно. – Произнесла президент, возвращаясь к теме совещания. – Поэтому, сегодня часть повестки дня будет посвящена глобальной проблеме, которая напрямую относиться к вопросам обеспечения безопасности союза миров, но пока не находит успешного разрешения. Прошу вас, Федор Андреевич.

Адмирал Замятин, никогда ранее не принимавший участия в подобного рода совещаниях, возглавлял навигационный отдел генерального штаба Военно-Космических сил Конфедерации.

Седой как лунь Николай Сокура – командующий объединенным флотом, кивком подбодрил Замятина, одновременно пресекая его попытку встать.

– Сиди Федор Андреевич. Мы не официальном приеме. Давай коротко, по существу вопроса.

Адмирал опустился назад в кресло и коснулся крошечной псевдокнопки, мерцающей в глубине столешницы. На мониторах перед участниками совещания появилась трехмерная компьютерная модель.

– Прошло два года с тех пор как мы получили информацию о Вертикалях гиперсферы. – Начал он. – Это можно назвать открытием только в рамках человеческих знаний об аномалии космоса. – Он шумно вдохнул, словно желая привлечь внимание к флюидам, до сих пор витающим в воздухе, не смотря на работающую систему кондиционирования. – Три миллиона лет назад древние расы, в частности Логриане и Инсекты, перед лицом надвигавшейся на их колонии всеуничтожающей волны мигрирующих Предтеч, проводили интенсивные исследования аномалии космоса. Не имея в своем распоряжении устройства, аналогичного нашему гипердрайву, они шли рискованным экспериментальным путем. Все вы прекрасно осведомлены об основополагающих принципах гиперсферной навигации. "Изнанка космоса", как справедливо называют аномалию пилоты, условно разделена на десять энергоуровней, пронизанных линиями напряжения, источниками которых являются все без исключения материальные объекты трехмерного космоса. Упрощая, я бы назвал гиперсферу энергетической моделью галактики. Мы знаем, что в реальном космосе все объекты взаимодействуют между собой: каждая планета, звезда, скопление газопылевых облаков, – все имеет гравитационные поля. Именно тяготение массы вещества ядра галактики удерживает миллионы периферийных звездных систем на их галактических орбитах. В обычном пространстве мы ограничены скоростью света, но имеем возможность видеть звезды, и лишь специальные приборы позволяют человеку воспринимать гравитационные поля. Гиперсфера, названная когда-то "аномалией космоса", на самом деле иная, более высокоэнергетическая область пространства. Там нет вещества, в его привычной для нас форме, – оно принимает вид энергии, несущей в своей структуре модель гравитационного взаимодействия реально существующих физических тел. Исследования аномалии показали, что большая часть энергии сфокусирована в так называемые "линии напряжения", которые образуют сложную сеть горизонтальных и вертикальных связей. Для упрощения картины, я лишь напомню, что наша историческая родина, Солнечная система, связана с близлежащими звездами шестьюдесятью горизонтальными линиями гиперсферы, вдоль которых, в пределах первого энергоуровня, двигались колониальные транспорты Великого Исхода.

Он откашлялся, сделал глоток тонизированной воды, и продолжил:

– Мечтой любого астронавта начала космической эры, без сомнения являлась дерзкая мысль о преодолении светового барьера. В реальном космосе это невозможно, но теперь мы знаем, что, сконцентрировав энергию, способную придать кораблю импульс ускорения, превышающий световой барьер, силовые установки автоматически инициируют пробой метрики трехмерного континуума, что автоматически приводит к отторжению материального объекта в область гиперпространственного перехода. Более тысячи лет назад наши предки создали компактный гипердрайв, используя два основных свойства аномалии: если кинетическая энергия тела превышает критический порог светового барьера, – оно отторгается в область высоких энергий, но стоит понизить напряжение, как гиперсфера, подчиняясь собственной физике, стремиться избавиться от несвойственного для нее объекта. На данных законах аномалии построена вся современная гиперсферная навигация, их используют станции ГЧ, для осуществления гиперпространственной связи между мирами, но до последнего времени мы не могли освоить гиперпространство "глубже" четвертого энергоуровня, – этому мешало возрастающее напряжение гиперполя, которое в конечном итоге пробивало силовую защиту, разрушая корабли-разведчики.

За тысячелетие активных исследований мы довели гиперпривод до определенной степени совершенства. Современные корабли свободно перемещаются в пределах четырех энергоуровней аномалии, используя горизонтальные линии напряжения как путеводные нити, ведущие от звезды к звезде. Мы создали приборы гиперсферной навигации и научились вычислять энергетически выгодные точки погружения и всплытия. В нашем арсенале богатый опыт и широкий спектр устройств позволяющих кораблю долгое время находиться как в самой гиперсфере, так и на границе двух метрик. Этот метод широко используется боевыми единицами флота для разведки точек всплытия: маневрируя генераторами низкой и высокой частоты корабль способен оставаться на границе двух пространств: при этом он невидим для систем обнаружения противника, но имеет возможность выпускать малые разведывательные зонды.

Замятин сделал короткую паузу.

– Теперь перейдем к вопросу о Вертикалях. – Продолжил он свой доклад. – Известно, что от каждого материального объекта вглубь гиперсферы уходит одна линия вертикального напряжения. На протяжении всей истории освоения космоса мы справедливо остерегались их, используя для перехода между уровнями аномалии собственную энергию корабля. Любая попытка скольжения вдоль вертикали приводила к

плачевному результату – как я уже упоминал, с каждым новым уровнем повышается напряжение общего поля гиперсферы и в конечном итоге силовая защита не выдерживает, объект разрушается.

Он опять сделал паузу, взглянув на собравшихся, которые терпеливо слушали его, не перебивая встречными вопросами. Собственно до сего момента Замятин излагал общеизвестные аспекты теории гиперсферы.

– Два года назад произошло событие, в корне изменившее наше представление о Вертикалях, и открывшее завесу одной из тайн истории древнего космоса. Профессор Кречетов из Земного Института Дальнего Космоса, обобщая современную теорию аномалии, совершил неожиданное открытие, к которому его подтолкнула древняя запись, считанная с попавшего в руки профессора Логра, содержавшего видеоинформацию о необычных, я бы сказал катастрофических опытах, которые три миллиона лет назад осуществляли расы Логриан и Инсектов. Они, используя технологии разумных насекомых, перемещали в пространстве планеты, направляя их по касательной траектории к звезде. Проходя мимо светила, планета захватывала часть звездного вещества, и взъярившееся солнце в определенный момент начинало работать как грубый, но эффективный пробойник метрики.

– Они пытались отправить в гиперсферу целые планеты? – Задал первый встречный вопрос адмирал Сокура.

– Да. – Кивнул Замятин. – Зная свойства аномалии, профессор Кречетов справедливо предположил, что неуправляемый планетоид, попав в гиперсферу, войдет в скольжение по вертикали.

– В этом есть какое-то практический смысл? – Теперь встречные вопросы начали раздаваться один за другим.

– Думаю, профессор Кречетов задался аналогичным вопросом, подразумевая, что цель должна оправдывать средства. Он пытался понять, какого результата хотели добиться две древние расы. Первый вывод, сделанный Кречетовым априори, ошеломил его: наблюдая за действиями древних цивилизаций, следовало предположить, что они намеренно отдавали планетоид во власть энергетического потока Вертикали, – двигаясь в нем, он не подвергался разрушительному воздействию, так как не сопротивлялся той силе, что увлекала его в пучину гиперсферы к гипотетическому центру.

– Выходит, наши исследовательские корабли сгорали только из-за того, что противопоставляли энергиям гиперсферы собственные силовые поля? – Уточнил Ван Крейк.

– Да. – Подтвердил его мысль адмирал. – Но данное утверждение

справедливо лишь для тела, свободно двигающегося в вертикальном потоке. Кречетов предположил, что Вертикаль сама защищает любое, попавшее в нее тело, от воздействия возрастающего энергетического поля аномалии. Нужно лишь отдаться влекущего тебя потоку, чтобы беспрепятственно пронзить все десять уровней гиперсферы.

– В чем заключался практический смысл этих экспериментов? Планета, отправленная в аномалию, должна выйти на противоположной стороне галактического диска? – Спросил Снегов.

– Нет. Реальность показала, что такой прыжок возможен лишь в теории. Все вертикали сходятся в пространстве десятого энергоуровня, где время течет в десять раз быстрее, чем в трехмерном континууме, и остаются там, занимая орбиты вокруг энергетического сгустка, по своей форме напоминающего уменьшенную копию галактического диска. Разгадав свойство Вертикали, древние расы устанавливали на планетоидах защищенное оборудование, созданное по принципу стационарных порталов, которыми они пользовались для перемещения между освоенными в ходе собственной экспансии мирами. Они рассчитывали создать в сердце гиперсферы узловую станцию, откуда по Вертикалям можно совершить мгновенный прыжок к любой, повторяю: любой звездной системе нашей Галактики.

– Напомню, – вмешалась в доклад Замятина Шейла Норман, – вся информация по Первому Миру строго секретна. На данный момент в сердце аномалии обнаружена единственная пригодная для жизни планета. Одно упоминание о ней, как и новые знания, полученные о свойствах Вертикалей, составляют важнейшую тайну Конфедерации и одновременно являются источником множества проблем, требующих незамедлительного решения.

– Казалось бы, – продолжила она, развивая тему, – что с открытием Первого Мира, мы автоматически получаем доступ к звездным системам, удаленным от нас сотни тысяч световых лет. Но при глубоком анализе наших возможностей, нетрудно придти к заключению, что на сегодняшний день подобные экспедиции – лишь гипотетическая перспектива. Лично я вижу Бездну, через которую еще предстоит перекинуть мост. – Шейла внимательно посмотрела на знакомые лица и продолжила:

– В связи с упомянутыми открытиями у меня возникает масса вопросов. Например: почему древние расы не воспользовались плодом своих титанических усилий, так и не создав узловой станции для сети гиперсферных порталов, а из девяти планет, отправленных ими в пространство десятого энергоуровня, лишь одна на сегодняшний день

является пригодной для жизни?

Шейла искоса взглянула на Замятина, но тот молчал, и она завершила начатую мысль:

– Ответ на данный вопрос заключен в физике десятого энергоуровня гиперсферы. – Президент повернула голову, кивком предоставляя слово полковнику Хогинсу, отвечающему в штабе флота за вопросы, связанные с техническим обеспечением гиперсферной навигации.

– В ходе исследования Первого Мира мы столкнулись с двумя проблемами. – Сразу перешел к существу вопроса вызванный докладчик. – Во-первых, это десятикратное ускорение времени по отношению к нашему пространству, и во-вторых, мощнейшее магнитное поле, излучаемое центральным сгустком, вокруг которого обращаются восемь мертвых планет и Первый Мир. Именно подавляющее воздействие магнитного поля не позволило древним расам создать узловую станцию. Их техника, использующая электричество, равно как и наша, попросту не работает. Под влиянием магнитного поля возникает эффект непроводимости – ток не доходит от источника энергии к потребителю. Отсюда – полная несостоятельность традиционных кибернетических устройств и систем вооружения, основанных на принципе электромагнитных ускорителей.

Именно этим феноменом вызвана массовая гибель сотен колониальных транспортов Великого Исхода, которые, как нам теперь известно, срывались на Вертикаль, и выходили в пространство десятого энергоуровня. Мертвые планеты, равно как и Первый мир в буквальном смысле усеяны обломками колониальных сфер, к которым позже добавились боевые корабли, совершавшие слепые рывки через аномалию в период Первой Галактической.

Учитывая десятикратное ускорение времени, по отношению к реальному космосу, сейчас в сердце гиперсферы, на поверхности единственной пригодной для жизни планеты, обитает пестрый конгломерат из людей, инсектов, логриан и представителей трех малоизученных рас, которые по всей вероятности прошли свой путь развития на противоположных окраинах галактического диска.

Так или иначе, Первый Мир представляет собой пограничный рубеж, расположенный на пересечении Вертикалей гиперсферы. Мы не знаем, сколько цивилизаций зародилось и прошло успешный путь эволюционного развития в удаленных, недоступных для исследования звездных системах галактики. Нет никакой гарантии, что они не овладеют информацией о Вертикалях, как нет уверенности в том, что иные расы будут дружественны, либо лояльны по отношению к человечеству.

Шейла Норман сделал жест, остановив докладчика.

– Угроза велика. – Произнесла она, подытоживая изложенные полковником сведения. – Пока что мы в состоянии поддерживать на поверхности Первого Мира небольшой гарнизон. Подразделения космодесанта отправлены в сердце аномалии два года назад, но для них реально прошло семьдесят два дня. Мы можем поддерживать с ними связь из нескольких известных точек, где Вертикали аномалии берут свое начало в гравитационных полях освоенных планет. Так же в наших силах отправлять туда небольшие партии грузов, но этого явно недостаточно. Только полный контроль над Первым Миром и пространством десятого энергоуровня гиперсферы даст нам неоспоримые преимущества перед остальными цивилизациями и гарантирует Человечество от внезапного вторжения через Вертикали. Памятуя о событиях новейшей истории, нельзя пренебрегать такой вероятностью. Ярким примером поведения иной расы по отношению к людям может послужить вторжение Харамминов и последовавшая за этим семидневная война. Прошу вас, Хоггинс, продолжайте.

– Мы создали энергетическую модель десятого энергоуровня в лабораторных условиях. – Продолжил свой доклад полковник. – В ходе экспериментов удалось выяснить, что в условиях Первого Мира успешно протекают как химические реакции, так и реакции ядерного распада. На этой основе нами созданы образцы вооружений, использующие древние схемы огнестрельного оружия, а так же сконструированы два многофункциональных космических корабля, оснащенных помимо стандартных кибернетических систем и силовых установок гиперпривода, альтернативными, основанными на примитивных ядерных реакторах. Тепло, выделяемое при реакции деления атомных ядер, преобразуется в кинетическую энергию, которая приводит в действие все механические приводы, необходимые для управления космическим кораблем. В качестве силовых установок нами использованы жидкотопливные двигатели. Альтернативная система навигации построена на базе фотонных компьютеров, которые накачиваются, используя забортные источники, в частности излучение центрального энергетического сгустка.

На ближайшие дни запланированы ходовые испытания. Единственный технический вопрос, который не удалось разрешить в ходе двухлетних экспериментов – это создание устройства, способного управлять процессом перехода космического корабля из пространства десятого энергоуровня на избранную Вертикаль. Традиционные масс-детекторы, как вы все уже должны понять, не работают. Мы пытались

использовать фотонные устройства, полагая, что Вертикали станут искажать световую волну, однако магнитное поле ядра аномалии воздействует на прибор гораздо сильнее, создавая критические фоновые помехи…

Полковник выдержал паузу, давая собравшимся осмыслить услышанное.

– Без эффективного устройства, определяющего точное пространственное положение Вертикалей, любой корабль, попавший в пространство десятого энергоуровня, либо навек останется там, либо будет вынужден совершить "слепой прыжок", поддавшись воздействию первой попавшейся по курсу линии восхождения, верно? – Уточнил командующий флотом, скорее не для себя, а для присутствующих офицеров, чтобы обозначить им еще один повод к размышлению.

– Да, господин адмирал. В принципе, на первой стадии освоения нам не требуется возврат кораблей. Производить смену личного состава мы можем, используя стандартную гермоэкипировку и несколько известных на сегодняшний день стационарных порталов, расположенных на поверхности планет. Формируемый флот предназначен, прежде всего, для защиты пространства десятого энергоуровня. Если вероятный противник обладает способностью восхождения по избранным вертикалям, то тут в трехмерном континууме его встретят силы ВКС.

– Это понятно. – Кивнул Сокура – Мы можем погружать корабли к ядру аномалии, но не способны перекинуть мост через разверзшуюся бездну. Без изучения, классификации и способности точно определять постоянно перемещающиеся Вертикали мы никогда не шагнем дальше, не превратим Первый Мир в настоящую узловую станцию, не откроем миллионы новых звездных систем, а лишь наглухо запечатаем пространство десятого энергоуровня от вторжения извне, я правильно понимаю?

– Да, господин адмирал, вы абсолютно точно характеризовали ситуацию, соизмеримо нашим техническим возможностям. Однако исследования продолжаются. Существует предположение, что человеческий разум, оснащенный специально разработанными имплантами, способен "увидеть" вертикальную линию напряжения гиперсферы, а взрыв маломощного ядерного заряда в заранее рассчитанной точке приведет к захвату корабля избранным для восхождения энергетическим потоком. Именно для апробирования уже созданных систем и разработки новых устройств мы и отправляем в аномалию два корабля, которые помимо боевых задач будут исполнять функции

исследовательских судов.

– Спасибо, полковник. – Адмирал Сокура встал и медленно прошелся вдоль длинного Т-образного стола. – Итак, господа, – произнес он, остановившись у дальнего торца напротив кресла Шейлы Норман. – Теперь вы относитесь к числу избранных, кто посвящен в тайну недавних открытий. Такое расширение круга информированных лиц неизбежно: мы переходим к фазе активных действий по освоению десятого энергоуровня и формированию на базе Первого Мира постоянного места дислокации для отдельного флота военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Это разумная мера предосторожности, – продолжил он. – Галактика необъятна, а события новейшей истории преподали нам жесткий урок. И все же, я не склонен драматизировать ситуацию. Наша задача не сводится к тому, чтобы наглухо запечатать десятый энергоуровень аномалии, присвоив себе монополию на контроль Вертикалей. Мы освоили ничтожный по сравнению с Галактическими масштабами участок космического пространства, и встретили на своем пути следы четырех разумных рас, три из которых и поныне заселяют соседствующие звездные системы. Такая статистика прямо наводит на мысль, что биологическая жизнь распространена повсеместно, и на многих мирах она достигла вершин эволюции. Хотим мы того или нет, но с открытием профессора Кречетова, человечество вступает в новую фазу своего развития. Собственно будущее еще не рожденных поколений напрямую зависит от предпринимаемых нами действий. Сумеем ли мы не просто оградиться от гипотетических опасностей, а сделать больше – шагнуть навстречу неведомому, или, как выразился полковник Хоггинс: перекинуть мост через Бездну?

Сокура тяжело оперся руками о край столешницы. Глядя на собравшихся, он задерживал взгляд на знакомых лицах, и тень, пробежавшая по чертам адмирала, когда-то вместе с Шейлой Норман и полковником Горкаловым принявшего первый бой с вторгшимися на Элио Харамминами, немо свидетельствовала, что в душе командующего флотом Конфедерации идет борьба.

– Есть еще одна Бездна, господа. – Наконец произнес он после затянувшейся паузы. – Она скрыта в наших душах. Размышляя над проблемами Первого Мира, я думал: туда нужно отправлять лишь самых достойных, кто сможет не только защитить Человечество в случае прямой, неприкрытой агрессии, но и не испугаться, протянуть руку представителям чуждых рас. – Он выпрямился и подытожил:

– Излишне напоминать о степени секретности полученной вами информации. Пока что Первый Мир следует охранять не только от

внешних угроз, но и от внутренних посягательств.

* * *

Запись на этом не закончилась.

Продолжение совещания было коротким, в мраморном кабинете остались только Шейла Норман, адмирал Сокура, Ван Крейк и Снегов.

– Задача на текущие сутки. – Командующий обернулся к Ван Крейку. – Ты осуществляешь координацию действий седьмого флота. Удар по корпорации "Генезис" должен быть обоснован юридически и организован так, чтобы после "взятия с поличным" выжечь это гнездо дотла. Добыча сетрония, должна быть прекращена, все руководящие лица корпорации арестованы и депортированы на Элио.

Ван Крейк кивнул.

Сокура обернулся к Снегову.

– Твоя задача: обеспечить предварительную разведку района запланированных испытаний новых образцов техники. Не нужно привлекать внимания подвижками всего состава пятого флота, думаю, для предварительной разведки системы ХС-3012 будет достаточно двух фрегатов. В сопровождении испытательной группе пойдет тяжелый крейсер "Дион".

– Разрешите лично возглавить группу сопровождения?

– Разрешаю.

…

Дункана трясло.

Мелкая потливая дрожь гуляла по всему телу, и не было никаких сил справиться с ней.

Выжечь это гнездо… Депортация на Элио… -слова адмирала звенели в ушах, словно тот находился рядом и продолжал с монотонной безжалостностью повторять их.

Это конец. За оставшееся время он не успеет остановить добычу сетрония и уничтожить улики.

Что делать? Бежать? Скрываться?

Мысли лихорадочно метались в голове, словно крысы в тесной замкнутой клетке.

Блуждающий взгляд Дункана Итема внезапно напоролся на Лайфа Когана, который спокойно стоял поодаль, ожидая пока босс сумеет справиться с собой после уничтожающего информационного удара.

Вид уверенного в себе Когана, скрестившего руки на груди, окончательно вывел Дункана из себя.

Он не закричал, а зашипел, потому что голос внезапно сел, осип:

– Ты спокоен, да? СПОКОЕН?!!! – В хриплом возгласе Итема все же прорвались визгливые ноты.

– У нас то же есть флот, сэр. – Лайф в отличие от Дункана прекрасно владел собой. Он не строил иллюзий относительно собственного будущего: когда крейсера Конфедерации блокируют Везелвул и систему Онтарио, он окажется в "горячей десятке" кандидатов на арест. Являясь правой рукой Эрика Итема, а затем, после смерти старика, и этого дрожащего подобия своего отца, он руководил не только боевыми подразделения корпорации, – Коган имел прямое отношение к поставкам Эразия на галактический рынок, – по приказу молодого владельца "Генезиса" он лично организовывал схемы сбыта синтетического наркотика на черных рынках Центральных Миров.

Дункан бессильно опустился в кресло.

– Ты предлагаешь начать боевые действия против Конфедерации? – Хрипло спросил он, пытаясь понять, не скрывается ли за маской спокойствия Лайфа безумие?

– В нашем положении хороши все средства. – Ответил Коган, который уже пережил информационный шок, когда просматривал информацию, добытую группой кибрайкеров. Сейчас следовало действовать быстро и хладнокровно. Он посмотрел на поникшего, раздавленного Итема и решил отбросить все условности. В конце концов, речь шла не о каких-то там финансовых потерях, на карту были поставлены их жизни.

– Послушай Дункан, я работал с твоим отцом, помню даже твоего знаменитого деда. Они не порадовались бы сегодняшней ситуации, но думали бы как из нее выбраться.

– Это невозможно. На Везелвуле, куда ни ткни, всюду доказательства. Болота, источающие запах сетрония, тысячи людей и машин, занятых на его добыче, – куда это спрячешь?

Лайфу очень хотелось напомнить молодому Итему о неоправданной жадности: кто как не Дункан приказал развернуть широкомасштабную добычу сетрония, пренебрегая при этом элементарной конспирацией? Голову наследника "Генезиса" вскружили баснословные деньги, источником которых являлись зловонные болота.

Однако Лайф воздержался от комментариев. Работая со страшим Итемом, он научился мыслить глубоко и дерзко.

– Согласен. Мы не в состоянии уничтожить улики на Везелвуле, скажу

больше: нам не удержать систему Онтарио, но именно таких действий ждет от нас командующий седьмым флотом. Ждет, чтобы на законных основаниях раздавить "Генезис".

– Мы можем помешать ему? – Без надежды на утвердительный ответ спросил Дункан.

– Да, если перестанем мыслить, как две загнанные в угол крысы.

Итем встал, трясущимися руками налил себе выпить и, поперхнувшись, долго кашлял, судорожно схватившись за массивную лапу огромной скульптуры разумного кота с планеты Эрес.

– Что ты предлагаешь? – Откашлявшись, спросил он.

Коган презрительно посмотрел на ссутулившуюся спину босса, но все же ответил, хотя в мыслях решил: если Дункан предпочитает поднять лапки, лучше предоставить ему такую возможность и действовать в одиночку. В конце концов, корпоративным флотом командовал он, и капитаны кораблей привыкли подчиняться исключительно Лайфу. Они без сомнения пойдут за ним, особенно если правильно преподнести надвигающуюся угрозу, сдобрив эту информацию намеком на некомпетентность Дункана Итема и его явное нежелание защищать своих людей от вторжения сил Конфедерации.

Коган был убежден – его аргументы подействуют, ибо как только рухнет "Генезис", систему Онтарио охватит хаос, – сотни тысяч сотрудников корпорации окажутся без работы, и, следовательно, – без средств к существованию.

– Дункан, возьми себя в руки и выслушай, что скажу тебе я! – Коган произнес эти слова намеренно грубо, чтобы хоть как-то выбить собеседника из состояния безвольного ступора.

– Ты… Ты что себе позволяешь?!… – Вспылил было Итем, но тут же снова осекся, сник.

– Ладно. – Он хотел поставить пустой бокал на каминную полку, но промахнулся и жалобный звон хрусталя рассыпался в глухой тишине кабинета. – Я готов слушать тебя, следовать советам, делать что угодно, потому что не вижу выхода. Понимаешь, Коган, НЕ ВИЖУ!!!

– И, тем не менее, он есть. Благодаря полной записи секретного совещания в наши руки попал козырь, который Конфедерации нечем крыть. Джокер. – Криво усмехнулся Лайф.

– Ты про этот бред о каком-то Первом Мире? – Теперь Дункан уже откровенно смотрел на Когана, как на спятившего.

– Бред? Дункан ты совсем отупел от страха за собственную шкуру, да? – теперь уже Когана взяла злость. Надо же было целых два года

подчиняться этому слизняку…– подумал он, произнеся вслух:

– Секретное совещание с участием командующего объединенным флотом и президента Конфедерации Солнц НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОСВЯЩЕНО БРЕДУ!

– Хорошо! – Итем поднял руки. – Хорошо, я беру свои слова обратно. Это не бред. Но нам-то что с этого? Завтра крейсера Конфедерации выйдут на орбиты Везелвула, и мы с тобой в силовых наручниках…

– Мы с тобой, или я без тебя, сегодня, сейчас, поднимаю флот, и без лишнего шума по одному кораблю, уводим его в гиперсферу.

– Весь флот корпорации?!

– Весь, включая корабли поддержки. Пусть конфедераты высаживаются на Везелвул, пусть их крейсера ломают орбитальную оборону Онтарио, нас уже здесь не будет.

– Куда ты собираешься бежать?

– Не бежать Дункан. Атаковать. Ты видел запись, слышал все сказанное на совещании, но в твоих мозгах отложилось только три слова "Везелвул-Генезис-Арест".

– А что там должно было отложиться?

– Координаты системы ХС-3012. – Ответил Коган, у которого уже имелся четкий, продуманный план действий. – Мы всплываем в границах системы, атакуем посланные туда фрегаты, но уже после того, как они отрапортуют о безопасности района испытаний. Затем, определив и заняв выгодные пространственные позиции, уничтожаем крейсер прикрытия и, используя десантно-штурмовые группы, захватываем два модернизированных корабля, способных погружаться в пространство десятого уровня гиперсферы. – Коган говорил жестко и твердо.

– Далее – продолжил он развивать начатую мысль, не дав Дункану вставить свой комментарий. – Захватив экспериментальные корабли, мы делим флот на три группы. Каждая совершает серию гиперпространственных прыжков, и в конечном итоге мы снова объединяемся вот тут – Лайф включил занимающий одну из стен кабинета информационный экран и, отыскав систему ХС-3012, расположенную за границами обитаемого космоса, указал на крохотную искорку света, находящуюся на удалении пяти световых лет от точки предполагаемой атаки.

– Мы собьем преследователей со следа, запутав его серией гиперпереходов, и выйдем в трехмерный космос там, где нас станут менее всего искать – по соседству с местом первой атаки.

– Зачем такие сложности?

– За нами будет охотиться уже не седьмой флот, а все военно-космические силы Конфедерации. Это, во-первых. Во-вторых, нам потребуется время, чтобы разобраться в системах управления экспериментальных кораблей. Затем, выкачав всю доступную информацию, мы избавляемся от лишнего человеческого балласта и переводим на борт захваченных кораблей наших лучших бойцов и технических специалистов.

– Ты собираешься бросить корпоративный флот?!

– Да. Без этой жертвы не обойтись. Думаю, будет разумно ввести бортовые компьютеры в автоматический режим и послать их в гиперпространство, чтобы они, рассеявшись по различным точкам всплытия, продолжали оттягивать на себя погоню.

– А мы?

– Мы используем захваченные корабли для погружения в пространство десятого энергоуровня аномалии. Уверен, что конфедераты толково спроектировали свои новые боевые единицы. Пользуясь превосходством в космосе, мы десантируем штурмовые группы на поверхность Первого Мира, уничтожаем гарнизон, и таким образом полностью берем под контроль десятый уровень аномалии. – Коган зло усмехнулся. – Нетрудно догадаться, что ОТТУДА мы сможем диктовать Конфедерации любые условия.

Дункан ошалело посмотрел на огромную карту космического пространства, вызванную на экран Лайфом.

Нет, это не желало укладываться в его голове. Слишком много крутых оборотов событий. От полной безнадежности к перспективе всевластия – он тормозил, теряясь между страхом, желанием жить и очнувшейся вдруг алчностью.

Нет… – мысленно произнес он, обращаясь к самому себе. – Пусть Коган попытается это сделать. Я не буду ему мешать. Альтернативы все равно нет. Я просто убью его, если все обернется удачно…

– Хорошо Лайф… – выдавил из себя Итем. – Я не вижу иного выхода, кроме предложенного тобой.

– В таком случае мне нужны полномочия, чтобы я мог беспрепятственно командовать флотом и ни один капитан не посмел бы поставить под сомнение мои приказы.

– Да. Я понимаю. Ты получишь их. Сейчас. Немедленно. – Дункан встал с кресла и, слегка пошатываясь, пошел через огромное пространство кабинета к обособленному терминалу связи, откуда по шифрованным каналам гиперсферной частоты он мог напрямую связаться с любым подразделением корпорации.

* * *

Омикрон-5. Утро 10 апреля…

Было начало пятого, когда Селена свернула на второстепенную дорогу, ведущую вдоль периметра частного космопорта корпорации к техническому контрольно-пропускному пункту.

К скверному настроению теперь добавилась усталость, заканчивались первые сутки без сна, в голову уже не лезли посторонние мысли, она понимала, что в запасе остается совсем мало времени.

Остановив машину под прикрытием кустарника, она опустила боковое стекло и закрыла глаза.

Подключившись к системе видеонаблюдения, Селена увидела ближайшие стартовые площадки порта, приземистое здание КПП, дороги, ведущие к пологим спускам в подземные склады…

Она никогда не бывала тут раньше, инфраструктура космического порта выглядела незнакомой, малопонятной, ей же, учитывая дефицит времени, была необходима полная ясность.

Отключившись, она посмотрела на плоский футляр с кибермодулями.

Сколько понадобиться времени чтобы освоиться с ними? И дадут ли они нужный ей эффект?

Получить ответ на заданные самой себе вопросы можно было лишь опытным путем.

Взяв в руки тонкий футляр она раскрыла его и в первый миг попросту растерялась.

Неужели Денис солгал, подсунув ей набор мнемоника? – Мысль обдала жаром, в эту секунду могло рухнуть все – и накопленная по крупицам решимость и угасающий под гнетом усталости порыв: в углублениях за тонкой предохраняющей пленкой лежали пять кибермодулей. Четыре из них были знакомы Селене, и лишь пятый отличался нанесенной на нем маркировкой.

Четыре модуля были точной копией тех, что хранились в сейфе центрального офиса корпорации. Селена каждый день подключала подобные устройства к своим имплантам, прежде чем приступить к работе.

Ее губы тронула горькая ироничная улыбка. Нет, Макаров не обманул ее, просто сейчас она получила наглядное подтверждение собственному наитию. Кибрайкеры и мнемоники, вопреки стереотипному мнению, мало отличались друг от друга в плане технической оснастки. Антагонизм

заключался вовсе не в принципиальных различиях используемых кибермодулей, – он уходил своими корнями в образ мышления, душу… И обучались они вместе, теперь у Селены не осталось никаких сомнений в этом, просто в определенный период их разделяли по наклонностям. Те, кто стремился к разрушению, становились кибрайкерами, ну а такие как она, больше тяготеющие к защите, вступали в ряды мнемоников.

Она не стала доставать незнакомый модуль из футляра. Включив в гнезда имплантов четыре привычных расширения, Селена закрыла глаза, погружаясь в виртуалку.

Странная картина для неподготовленного взгляда.

Над пятым Омикроном разгорался рассвет, в кустах рядом с машиной заливалась беззаботными трелями невидимая птаха, а молодая женщина, казалась, уснула расслабившись в удобном кресле.

На самом деле ее разум уже вошел в контакт с кибернетической системой контрольно-пропускного пункта. Теперь Селене было понятно, почему мнемоники корпорации находились под строгим контролем со стороны служб безопасности. Ей даже не потребовалось осуществлять взлом, ведь подавляющее большинство кодов доступа были известны заранее. Убедившись, что сумеет дистанционно открыть ворота, Селена, не открывая глаз, отдала мысленный приказ автопилоту, и машина, включив водородный двигатель, тронусь с места, спугнув пернатых обитателей небольшого перелеска.

Ворота КПП уже услужливо распахивались, открывая доступ на площадки космопорта.

Теперь начиналось самое трудное.

Подключаясь к диспетчерской службе, Селена более всего опасалась встретить мнемоника, охраняющего эту важнейшую систему космического порта, но пронесло, – кибернетический комплекс, управляющий стартопосадочными процедурами, оказался запечатан всего лишь кодами наивысшего доступа, которые для мнемоника корпорации не являлись непреодолимым барьером, – зная структуру аналогичных систем охраны, она быстро подобрала ключи к виртуальным "дверям".

Почему нет мнемоника? Откуда такая беспечность… или самоуверенность?

Ответ пришел через несколько секунд.

Данный кибернетический комплекс оказался полностью автономным, он не имел связи с глобальными сетями, по которым его можно было бы атаковать. Селена находилась в пределах прямого контакта имплантов с локационными устройствами расположенной неподалеку диспетчерской

башни, и только это обстоятельство позволило ей проникнуть в систему.

Значит это не главный пост управления? Резервная или вспомогательная служба?

Неужели ошиблась и все придется начинать сначала?

Ей нужен был корабль, способный осуществить гиперпространственный прыжок. Направляясь к корпоративному космопорту, Селена рассчитывала на одну из дорогих космических яхт, принадлежащих руководству промышленной группы "Эхо". Как правило, это были аппараты класса "Нова", но, взглянув на данные открывшейся электронной таблицы стартовых полей и подготовленных к немедленному отбытию космических судов, она поняла, что вошла не в гражданскую, а в военную подсистему, – теперь ей стало понятно, почему башня диспетчерского контроля функционирует на основе локальной сети: она являлась лишь маленьким обособленным командным пунктом, предназначенным для координации действий эскадрильи автоматических "Тайфунов", – многофункциональных кораблей прикрытия, осуществляющих защиту ближних подступов к планете.

Устраивал ли ее подобный вариант?

Учитывая, что Селена не имела практических навыков пилота, автоматический корабль подходил ей как нельзя кстати, оставалось выяснить способны ли "Тайфуны" к гиперпространственным прыжкам.

Получить тактико-технические характеристики она смогла послав запрос в компьютеры технической поддержки. Опять перед ее мысленным взором открылась внушительная электронная таблица, но в данный момент ее интересовал лишь один пункт: в графе "наличие гиперпривода" стояла пометка "присутствует". Уже легче, хотя в графе примечаний значилось что генераторы "Тайфунов" были заряжены на один прыжок, после чего им требовалось длительное накопление энергии из внешних источников.

Билет в один конец?

А собиралась ли она возвращаться на Омикрон?

Мысль обожгла, но Селена уже перешла внутренний Рубикон. Стоило вспомнить что ее машина уже автоматически припарковалась на площадке перед диспетчерской башней, как всякие сомнения становились смехотворными. Если она будет медлить, то поднятые по тревоге корпоративные силы безопасности схватят ее прямо тут. Им не придется даже доказывать ее вины, – само присутствие мнемоника на площадках автоматического запуска военных кораблей являлось достаточным поводом для ее ареста.

Все, пути назад уже нет. Хватит цепляться за прошлое. – Зло отчитала

Селена свой рассудок, вызывая базу данных каталога посадочных мест.

…

Спустя несколько минут когда ее машина плавно остановилась подле вогнутой стеклобетонной чаши стартового поля она, наконец, открыла глаза.

Небо было безоблачным. Край солнца уже показался над далекой линией горизонта. Взглянув на тридцатиметровый "Тайфун" Селена торопливо выбралась из машины и быстрым шагом направилась к заранее открытому люку.

До старта оставалось меньше десяти минут, а ей еще предстояло надеть скафандр и привести в рабочее состояние законсервированный пилот-ложемент.

Незнакомые термины не пугали Селену, они лишь подстегивали ее разум, заставляя торопиться. Одно она понимала верно – если до запуска двигателей планетарной тяги она не займет место в противоперегрузочном кресле, следователям корпорации останется лишь отскрести ее останки от какой-нибудь переборки "Тайфуна".

Разбираться с кибернетической системой корабля она предполагала уже в космосе, после выхода на орбиту.

Люк за Селеной захлопнулся.

Ее машина, набирая скорость, поехала назад к контрольно пропускному пункту. Снова услужливо открылись ворота, и две кибернетические системы инициировали процесс уничтожения данных: автопилот стер запись о последнем маршруте, направив машину в заданную точку на противоположной окраине города, а компьютерный комплекс пропускного пункта и система диспетчерской башни синхронно аннулировали информацию о последних обращениях и предпринятых действиях.

Спустя десять минут два корабля группировки корпоративных военно-космических сил осуществили автоматический старт для плановой замены дежурной орбитальной пары.

* * *

Закончив орбитальный маневр, "Тайфун" вышел в район патрулирования.

Селена, оглушенная стартовыми перегрузками, медленно приходила в себя сидя в непривычном для нее кресле пилот-ложемента.

Ее глаза были плотно закрыты, – используя выигранное время, она не позволила себе страдать от физического недомогания, – ее рассудок уже вошел в сеть Интерстар, и сейчас фантом Селены стоял посреди знакомого до боли виртуального пространства.

Где же ты, Ветер?

Тоскливая мысль не нашла ответа, глухая тишина лесной поляны лишь подтвердила, что тревога не была напрасной, – он так и не появился тут, чтобы оставить хотя бы весточку о себе.

Ей вдруг захотелось сесть у знакомой запруды и горько расплакаться, давая выход своим чувствам.

Что она могла сделать перед лицом неизвестности, куда увлекал ее безумный порыв? Как отыскать любимого среди сотен планет и миллионов фантомных миров?

Подбородок Селены предательски дрогнул.

Она плотно закрыла глаза, останавливая навернувшиеся слезы, и дорогой сердцу фрагмент виртуалки внезапно исчез, уменьшаясь до размеров точки, она вышла за его пределы, и увидела две тонкие нити информационных каналов.

Первый был сформирован ей, а второй уводил в неведомые глубины киберпространства, туда, где в реальном космосе располагалась родная звездная система Ветра и станция ГЧ генерирующая выделенный канал, по которому он приходил в свой виртуальный мир.

Селена вошла в информационный поток и отдалась его течению, совершая ментальный прыжок.

Она ожидала, что окажется в виртуальном пространстве многолюдного портала населенной звездной системы, но ошиблась.

Вокруг было пусто.

Ее разум воспринимал огромный сумеречный зал, без обычной суеты, цветных рекламных всплесков и прочих атрибутов, присущих порталам населенных планет.

Единственной надписью, которую она смогла различить на фоне черных как смоль стен, была красная предупреждающая табличка:

Частная виртуальная линия. Доступ закрыт.

Неужели все зря?

Она смотрела на черные стены, которые казалось, источают окружающий ее вязкий сумрак, и вдруг сделав над собой невероятное усилие, пошла напролом, прямо в эту черноту.

Глупо говорить о риске, – она понятия не имела что за программы формируют мрачную обстановку этого пустого зала, но иного выхода не

было, и она, сформулировав мысленный приказ кибермодулям, шагнула сквозь стену, в отчаянном усилии продираясь через преграду нее.

Она чувствовала сопротивление вязкой субстанции, что-то пыталось атаковать ее разум, но это длилось не более нескольких секунд… затем чернота внезапно рассыпалась мириадами звезд, и она увидела выпуклый, покрытый выщерблинами от попадания микрометеорных частиц борт станции Гиперсферной Частоты.

Близкий диск тускло-красного солнца освещал потемневшие сегменты керамлитовой брони, на которой еще можно было различить маркировку: "ХС-3067"

Это были координаты системы по унифицированному звездному каталогу.

…

Селена открыла глаза.

От пережитого напряжения пульты управления двоились, никак не желая принимать резких очертаний.

По-прежнему хотелось плакать.

Она была всего лишь слабой женщиной, поддавшейся порыву тревоги за любимого и наделавшей массу глупостей, поставивших ее вне закона.

Подтянув к себе панель ручного программирования навигационной системы, она непослушными пальцами, затянутыми в непривычный гермопластик перчаток, набрала код.

Система немедленно отреагировала на внутренний запрос, осуществив поиск в базах данных и высветив в оперативном окне реальные координаты системы.

У Селены не было ни сил, ни желания входить в мнемоническую связь с компьютерами корабля. Она поступила проще: отыскав взглядом аварийный переключатель перехода в режим полуавтоматического управления, она коснулась его.

Секции автопилотов не погасли, но тут же сменили подсветку.

"Подтвержден внутренний приказ перехода в режим ручного управления".

"Заданы координаты гиперпространственного прыжка".

Ее рука лишь на секунду задержалась, прежде чем коснуться сенсора, активирующего последовательность команд для запуска гипердрайва.

Тусклый свет в рубке управления моргнул, и в следующий миг черная хмарь гиперпространственного перехода затопила экраны телескопического обзора, звезды исчезли, одна за другой погасли секции приборов, управляющие полетом корабля в трехмерном континууме, лишь

выпуклая полусфера масс-детектора подсветилась изнутри, показывая ближайшие линии гиперпространственных напряжений.

Пальцы Селены вновь легли на сенсорную клавиатуру с текстоглифами, шифрующими последовательности команд.

"Включение систем автоматического пилотирования".

"Режим полета в гиперпространстве".

"Заданы координаты точки выхода".

"Включение секций гипердрайва через десять секунд".

В оперативном окошке бортового хронометра стремительно побежали цифры обратного отсчета.

* * *

Гермес. Окрестности Башни…

Красноватый сумрак пылевой бури еще содрогался от взрывных волн: третий ярус исполинской постройки начал частично разрушаться, вниз падали многотонные фрагменты стеклобетона, из двух образовавшихся в стене брешей вырывалось густой, чадный дым.

Фрост и Дрейк не видели друг друга, но связь работала исправно и они могли разговаривать.

Дрейк первым обнаружил вездеход, раздавленный рухнувшим фрагментом стены.

– Транспорт накрылся. – Сообщил он безрадостную весть Фросту.

– На борту посадочного модуля есть еще один. Хотя стоит ли тащиться в такую даль пешком, Дикс?

– У тебя есть варианты?

– Серв-машины. – Лаконично ответил Анджей. – Думаю, что транспортные контейнеры не пострадали от взрывов.

Дрейк некоторое время молчал.

– Фрост, наверное, нам следует обсудить дальнейшие планы.

– Что ты подразумеваешь под планами, Драйв? Я не собираюсь улетать отсюда. По крайней мере до тех по пока в трюме "Элизабет-Сигмы" не появиться парочка серв-машин.

В голосе Фроста звучали угрожающие, раздраженные нотки. Он злился. Потеря людей удручала его, но не в той степени, чтобы отказаться от задуманного.

– Анжи, подумай, ты только что был на волосок от смерти. – Ответил ему Дрейк. – Если бы я не остановил киборгов, лежать тебе с дырой в

голове.

– Но ты ведь их остановил. И уничтожил. – У Фроста работала своя логика, – Ты крут, Драйв, так почему бы тебе не исполнить до конца наши договоренности?

Ни благодарности, ни здравого смысла. Только самоуверенность.

Дреку не хотелось даже разговаривать с ним.

Создавалось ощущение, что внезапная атака киборгов и смерть десяти человек воспринимаются Фростом как нечто само собой разумеющееся. Обыкновенная опасность, которой удалось счастливо избежать.

Драйв хмуро посмотрел в сторону Башни.

Огромная постройка истекала дымом, из проломов местами вырывалось пламя и тут же гасло, – атмосфера Гермеса не способствовала процессу горения.

Нет Фрост, нам с тобой не по пути. – Подумал Дрейк. Но Анжи уже высказал свои намерения, от которых вряд ли отступиться. Он снова полезет туда, и в лучшем случае погибнет, а в худшем… – Драйву не хотелось даже думать, что произойдет, если Фрост по своему упрямству и недомыслию пробудит не вспомогательные, а основные системы защиты комплекса.

В данный момент Дрейком руководила разумная осторожность. Он хорошо усваивал наглядные уроки и сейчас, по его мнению, самым разумным действием являлся немедленный старт с Гермеса. Улететь отсюда, чтобы основательно подготовиться к новой вылазке, – такое решение подсказывал здравый смысл, но Фрост ни за что не согласиться на это. Стоило вспомнить с каким вожделением Анжи смотрел на серв-машину, затаившуюся в глуби транспортного контейнера.

– Хорошо, Фрост. – Наконец нарушил он затянувшееся молчание. – Ты получишь серв-машины, но при одном условии: я пойду туда один.

– Ну-ну… – С саркастической усмешкой ответил Фрост. – Хочешь избавиться от меня, Дрейк?

– Не глупи, Фрост. Ты видел, к чему привела попытка грубого вторжения? Я пойду один, или не пойду вообще. – Отрезал Дикс, и, не давая Фросту времени на ответ, добавил:

– Тебя устроят две серв-машины?

– Устроят. – После некоторой паузы согласился Анджей. – "Элизабет-Сигме" не поднять на орбиту больше ста тонн полезной нагрузки, сам ведь знаешь.

– Значит договорились? Я войду туда, и реактивирую две машины. Они сами выйдут к тебе. Управляющий код передам из ангара, когда

доберусь до программаторов их систем навигации.

– И что дальше, Драйв? – Выслушав его, поинтересовался Фрост.

– Ты можешь улетать. А я останусь. Нам с хозяином Башни есть о чем потолковать.

На этот раз Анджей думал недолго. В конечном итоге Дрейк волен в дальнейших поступках, лишь бы выполнил свои обязательства.

– Что ж попробуй. – Согласился он.

– В таком случае нам необходимо вернуться в посадочный модуль.

– Зачем? Я могу подождать тебя тут. В скафандре не дует.

– Фрост, а кто будет управлять посадкой Элизабет-Сигмы? Я сказал, что пойду в Башню один, но это не значит, что мне не нужна помощь.

– А ты не можешь отдать ему дистанционную команду?

– Нет. До модуля километров десять. Передатчики вездехода не работают, а мои импланты не передадут сигнал на такое расстояние из-за пылевой бури.

– Ладно. Пойдем пешком. Ты можешь указать направление?

– Только приблизительное.

* * *

Дрейк солгал, преуменьшив возможности своих кибермодулей. Он без труда мог переместить челночный корабль поближе к исполинской постройке, но у него были свои планы относительно Башни, и Диксу вовсе не хотелось, чтобы, получив вожделенные серв-машины Фрост, спустя некоторое время вновь заявился на Гермес с очередными требованиями, поэтому он постарался опередить Анжи.

Добравшись до посадочного модуля, Дрейк первым делом подумал о хорошем заряде таугермина, который следует поместить в грузовой отсек челночного корабля, запрограммировав взрывное устройство таким образом, чтобы оно активировалось секунд через тридцать после того, как включаться электромагнитные захваты базового корабля.

Грубый, но эффективный способ решения всех проблем. Фрост слишком напорист и жаден. Он обязательно попытается вернуться сюда, потому что денег никогда не бывает много.

Нет. – Мысленной остановил себя Драйв, снимая парик и пеноплоть, прикрывавшие наголо обритый череп.

В свете дежурных ламп тускло блеснули металлопластиковые гнезда, вживленные в черепную кость. Десять симметрично расположенных

имплантов предназначались для подключения кибермодулей.

Драйв достал кейс из пуленепробиваемого жаростойкого материала, открыл его и сел.

Внутри в специальных гнездах были закреплены два десятка кибернетических модулей, размером с самую мелкую разменную монету Конфедеративного Содружества.

Дрейк специально изготовил их в виде юбилейных монет, чтобы при таможенных проверках в космических портах играть роль нумизмата, никогда не расстающегося с жемчужинами своей коллекции. Ему прекрасно удавался образ чудаковатого коллекционера.

Каждый из боевых кибермодулей он изготовил и запрограммировал лично.

Драйв готовился к новой встрече с охранными системами и самим хозяином Башни. Дрейка неприятно впечатлила мнемоническая атака призрака, сумевшего на доли секунды парализовать его волю. Такого больше не должно повториться, – он не верил, что этому существу безразлична дальнейшая судьба уникального комплекса. С одной стороны Драйв ощутил на себе настоящую мнемоническую мощь фантома, а с другой – не находил разумного объяснения его половинчатым действиям. Возможно, долгие годы одиночества свели его с ума? Или он сам стал заложником Башни, не являясь ее полновластным хозяином?

Да это могло многое объяснить. Например, явное опасение, прозвучавшее в словах эфемерной фигуры: "Я не хочу, чтобы ты разворошил весь комплекс…"

И тут же пришло неприятное воспоминание о том, с какой легкостью призрак разрушил виртуальный барьер, превратив неодолимую преграду в рваные лохмотья. Он мог убить кибрайкера, но не стал этого делать. Драйв не мог понять – почему.

Кем бы ты ни был, подобного больше не повториться…– подумал Дрейк, устанавливая в гнездо импланта последний из выбранных микрокомпьютеров. –*Теперь я готов к встрече.*

Закрыв кейс, он вызвал Фроста.

– Ты заблудился Анжи?

– Проклятая буря. Я видел модуль, но опять потерял его.

– Потерпи. Сейчас я включу дополнительные маяки.

– Хорошо. Жду.

Нет, взрывчатку закладывать не буду. – Внезапно решил Дрейк, направляясь к рубке управления. –*В конце концов, я кибрайкер, а не убийца.*

Прежде чем включить проблесковые маяки навигационной системы

он, используя импланты, установил в системе челночного корабля скрытый программный модуль.

Самый бескровный и безопасный способ обезопасить себя от повторных визитов Фроста. Пусть Анжи забирает серв-машины и сваливает отсюда. Запущенная Дрейком программа автоматически удалит всю информацию, относящуюся к координатам Гермеса и расчетам гиперпространственного прыжка, как только компьютеры челнока и базового корабля войдут во взаимный контакт.

Совершая эти манипуляции, Драйв не подозревал, что подобная операция уже произведена над его собственной памятью.

Глава 5.

Система XC-3012.

Корпоративный флот "Генезиса" состоял из пятнадцати боевых единиц. Кроме крейсеров, носивших имена трех поколений владельцев корпорации, в его состав входил ракетный носитель "Триан", штурмовые фрегаты "Аполло", "Эльвир", "Даксот", а так же четыре конвойных носителя, без имен собственных и пять многоцелевых космических платформ, хорошо вооруженных и одновременно способных принимать для дозаправки, ремонта или пополнения боекомплекта малые корабли поддержки, а при необходимости, производить ремонт крупных кораблей в условиях глубокого космоса.

Из всего перечисленного состава только штурмовые фрегаты и крейсера могли осуществлять посадку на планеты, платформы, конвойные носители и ракетный "Триан" были лишены такой возможности из-за своей узкой специализации и конструктивных особенностей.

Для сектора Окраины флот "Генезиса" являл грозную силу, с которой привыкли считаться остальные корпорации, но даже собранные в единый ударный кулак пятнадцать кораблей "Генезиса" вряд ли продержались бы более часа в открытом столкновении с Военно-Космическим формированием Конфедерации, направленном в сектор для ареста Дункана Итема.

Стоя на мостике флагмана, носившего его имя, Дункан невольно думал о своей дальнейшей судьбе и прозорливости Когана.

Лайф попеременно казался ему то спасителем, то чрезвычайно опасным конкурентом– Окраина знала немало случаев когда мощнейшие корпорации в результате внутренних переворотов возглавляли выходцы из второго эшелона власти, не имеющие никакого отношения к правам наследования.

С этим ничего нельзя поделать – Окраина жила по своим законам, и при соблюдении определенных приличий здесь по-прежнему выживал сильнейший…

Дункан прекрасно понимал, что Коган своими решительными действиями спас его от ареста, но дальнейшая судьба скрывалась в дымке неопределенности – план Лайфа попахивал дерзкой аферой, исход которой было невозможно предугадать.

…В отличие от Дункана Лайфа не терзали противоречивые чувства.

Он ощущал лишь нарастающее внутри возбуждение от ожидания грядущей схватки, его сомнения остались далеко позади, а четко продуманный план вселял в него надежду на успех.

Сейчас корабли флота скрывались в небольшом газовом облаке, удачно расположенном в непосредственной близости от энергетически выгодной точки, где с минуты на минуту должны появится разведывательные фрегаты Конфедерации.

Коган всегда уважительно относился к сильному противнику. Он понимал что система будет подвергнута тщательному сканированию, и предпринял все меры, чтобы зонды конфедератов не смогли обнаружить флот "Генезиса".

Их маскировало не только газопылевое облако: все реакторы кораблей были погашены, личный состав работал в скафандрах при отключенных системах жизнеобеспечения кораблей. Скопление газа и космической пыли, в пределах которого дрейфовало полтора десятка астероидных глыб, служило надежным экраном против масс-детекторов; таким образом лишь визуальный контакт мог демаскировать затаившийся флот, однако на исследование газопылевого облака посредством видеодатчиков ушли бы дни, а подобная задержка не входила в планы испытательной группы.

…

– Есть возмущение метрики пространства. – Долгожданный доклад пришел по внутренней связи когда ожидание стало для Дункана совершенно невыносимым.

Коган удовлетворенно кивнул. Из-за полной гермоэкипировки невозможно было рассмотреть выражение лица Лайфа, но Дункан точно знал, что его губы сейчас тронула легкая усмешка.

…

Два фрегата Конфедерации появились всего в ста тысячах километров от газопылевого облака: сначала в пространстве возникли их бледные фантомы, несколько минут они оставались на зыбкой границе двух метрик, а затем начали резко материализовываться.

– Визуальный контакт: зафиксированы множественные запуски малых аппаратов разведки.

В этот момент Коган подумал, что было бы неплохо захватить один из фрегатов, – крейсер, сопровождающий исследовательские корабли, вполне мог подстраховаться, послав дополнительный запрос перед началом процедуры гиперпространственного перехода, либо сразу по ее завершении…

– Локационный отсек, фиксируйте обмен данными между кораблями

и зондами. Необходимо накопить материал для дешифровки кода связи. Особое внимание уделять временным каналам гиперсферных частот.

– Принято, сэр!

…

Два часа томительного, напряженного ожидания.

За это время оба фрегата ведя интенсивный обмен данными, приблизились к скоплению газа и пыли, освобождая точку гиперсферного всплытия.

– Зафиксирован канал связи на гиперсферной частоте!

Они докладывали о завершении своей миссии! – Коган почувствовал, что его план начинает работать. Флот "Генезиса" не был обнаружен.

– Сэр, мы дешифровали достаточно данных чтобы выйти на связь с крейсером Конфедерации, используя частоты трехмерного континуума.

– Отлично. Смоделируйте текст сообщения: "Находимся в границах газопылевого скопления. Ведем поиск и исследование внедренных астероидных тел".

– Будет исполнено.

Два фрегата, завершив сеанс гиперсферной связи, начали маневр, намереваясь занять позицию, обеспечивающую прикрытие ожидаемых кораблей.

– "Триану" приготовиться. – Скомандовал Коган. – Платформа-4, включение энергосистем сразу после залпа ракетного носителя. Ваша задача: захват и буксировка обломков.

Пока что все шло четко по плану.

– Системы автоматического наведения включены. Расчетное время подлета атакующих боевых частей – двадцать четыре секунды.

Они не успеют послать сообщение. – Лайф планировал, что все случиться именно так, но подразумевать и видеть свой план в действии, – это абсолютно разные вещи.

– Триану, залп!

Туманность вскипела.

Ракетные носители не зря считались самыми опасными единицами в составе любого флота. Двести сорок пусковых шахт могли держать под огнем до полусотни целей одновременно, но в данный момент массированный залп всех пусковых установок был нацелен всего лишь на два корабля.

У конфедератов не оставалось ни единого шанса на противодействие.

Во мраке космоса вспухли два ослепительных огненных шара, окруженные брызгами прозрачного пламени: не смотря на короткую

дистанцию и ошеломляющую внезапность атаки, оба фрегата успели задействовать системы ПРО, и часть ракет оказалась сбита заградительным огнем лазерных турелей.

Все… С ними покончено…

– Платформа-4, выдвигайтесь! Чтобы не осталось ни одного обломка. У вас пол часа на совершение всех маневров! Штурмовым фрегатам: цель разведывательные зонды. Атака по выбору! Исполнять!

…

Тридцать минут спустя система ХС-3012 выглядела так же пустынно, как и до появления фрегатов Конфедерации. Лишь газопылевое облако продолжало вихриться в том месте, откуда "Триан" произвел свой уничтожающий залп. Теперь на позицию, которую до этого занимал ракетный носитель, вышли "Аполло" и "Даксот", избранные Коганом для захвата кораблей противника.

Три крейсера заняли позицию над плоскостью эклиптики системы, "Триан" ушел ниже, конвойные носители отступили вглубь туманности, две платформы на которых были смонтированы устройства помех, нарушающие работу каналов гиперсферной частоты, расположились на краю туманности, по обе стороны от готовых к атакующему броску фрегатов.

* * *

Коган отдавал последние инструкции капитанам флота когда локационный пост доложил о новом возмущении метрики.

На этот раз три корабля совершили гиперпространственный переход, следуя один за другим, с интервалом в двадцать секунд.

Первым в системе ХС-3012 появился тяжелый крейсер "Дион" которым командовал полковник Снегов.

Вслед за ним из пучин гиперсферы вплыли два совершенно необычных корабля. По своим размерам они были сопоставимы с крейсерами Генезиса, но имели обтекаемую веретенообразную форму, все надстройки и вспомогательные системы прятались в нишах, под прикрытием темной энергопоглощающей брони, что обеспечивало им дополнительную защиту. Данные визуального сканирования, обработанные специальными программами распознавания, не смогли внести ясность в их классификацию, что лишний раз убедило Когана: перед ним те самые опытные образцы космической техники, разработанные для погружения в

пространство десятого энергоуровня аномалии.

Впрочем сейчас он не мог уделять время на осмотр или анализ необычных кораблей.

Наступал решающий момент первой фазы операции.

– Крейсер "Дион" вызывает группу поддержки!

– Отправьте заготовленный ответ. Они все равно сейчас зафиксируют работу энергосистем наших штурмовых фрегатов. Пусть думают что это их разведывательные корабли. Выигрыш во времени нам не повредит.

Прошло несколько секунд и последовал новый доклад:

– Командир "Диона" приказал фрегатам выйти из туманности.

– Логично с его стороны, – сквозь зубы процедил Коган и добавил:

– "Аполло", "Даксот" начинайте атаку! Платформам, включить генераторы низкой частоты. Ни один корабль не должен иметь возможности для немедленного прыжка через аномалию! "Триану" и крейсерам – цель "Дион" огонь в движении!

Окраина туманности вскипела, закручиваясь внезапно возникшими вихрями. Три крейсера "Генезиса" появились на краю газопылевого облака выше "Диона" и открыли массированный огонь, направленный на уничтожение цели. В десяти тысячах километров от них с нижней границы туманности полыхнул массированный залп "Триана".

Под прикрытием ураганного перекрестного огня, два штурмовых фрегата начали атакующий бросок.

…

В первые мгновения атаки полковник Снегов испытал шок.

Доклады с боевых постов звучали один за другим, за считанные секунды рисуя картину массированной атаки.

То, что воспринималось на слух, звучало подобно приговору:

– Массированный ракетный залп с нижней полусферы! Наблюдаю двести сорок разделяющихся боевых частей. Источник – ракетный носитель "Триан", флот корпорации "Генезис"!

– Верхняя носовая полусфера, интенсивный огонь тяжелых импульсных лазеров, система распознавания целей идентифицировала крейсера "Эрик", "Дункан" и "Роберт" – флот корпорации "Генезис"!

– Внимание, атака в плоскости эклиптики. Работают стационарные установки плазмогенераторов. Источник скрыт туманностью, предположительно многоцелевые космические платформы!

– Задействована лазерная система ПРО!

– Запуск противоракет!

– Плазменные генераторы главного калибра: открыт ответный огонь

на поражение!

"Дион" содрогнулся.

Доклады безнадежно опаздывали, в космосе уже сверкали частые вспышки, – это боевой кибермозг крейсера, управляя лазерными турелями, сбивал не успевшие разделиться боеголовки, и Снегов, приходя в себя от внезапного шока, понял, что конвульсивная дрожь, прокатившаяся по переборкам, была вызвана не попаданием, а массированным запуском противоракет.

Казалось что пространство вокруг "Диона" превратилось в жерло извергающегося вулкана: сотни взрывов следовали с интервалом в доли секунд, засвечивая экраны обзора вспыхнули и тут же погасли силовые щиты носовой полусферы, отразившие удар плазмогенераторов противника, затем во всех отсеках вдруг зазвучал неритмичный перестук, словно по броне крейсера барабанили маленькие камушки, – это обломки сбитых ракет по инерции достигли обшивки и теперь рикошетили от нее, меняя траектории.

– Левый борт, два попадания! Герметичность в норме!

Пронзительно-голубое сияние озарило царящий вокруг "Диона" хаос, – это разрядились плазмогенераторы главного калибра и, вторя им, из узких щелей, открывшихся меж бронеплитами, полыхнул залп тяжелых ракет класса "космос-космос".

– Носовые обтекатели, четыре попадания. Критических повреждений нет!

– Докладывают секции гипердрайва, – приборы фиксируют работу вражеских генераторов низкой частоты. Для преодоления помехи требуется двойной расход энергии. Время подготовки к гиперпрыжку увеличивается до трех с половиной минут!

Все доклады как и эпизоды массированной атаки заняли чуть менее сорока секунд. Люди уже пришли в себя от эффекта внезапности, кибернетическим система же он вообще был неведом, и в конечном итоге на суммирующем мониторе перед полковником Снеговым сложилась следующая картина происходящего: только два десятка боеголовок достигли брони "Диона", нанеся кораблю незначительные повреждения, которыми, по большому счету можно было пренебречь, ответный залп, сконцентрированный на одном из крейсеров противника, нанес тому тяжелейший урон – системы анализа повреждений уже вычеркнули его из списка активных боевых единиц, и…

Только сейчас, взглянув на общую картину дислокации, Снегов понял истинную цель атаки: флот "Генезиса" своим внезапным массированным

ударом на целую минуту приковал к себе все внимание систем слежения и экипажа "Диона", в то время, как два штурмовых фрегата проскочили зону эффективного огня крейсера и в данный момент начали процедуру принудительной стыковки с беспилотными кораблями, предназначенными для первого испытательного погружения по Вертикали гиперсферы.

Любой из отданных им приказов безнадежно опаздывал…

Он десятым чувством предугадал, что высокочастотные генераторы штурмовых фрегатов полностью заряжены и кораблям противника оставалось лишь надежно состыковаться с целями, чтобы вместе с ними уйти в гиперсферу…

* * *

Когда две бледные вспышки гиперпереходов сверкнули за кормой "Диона", Коган почувствовал вкус победы.

Не было смысла вступать в единоборство с титаническим крейсером конфедерации, только что уничтожившим один из лучших кораблей Окраины, – крейсер "Роберт" на глазах окутался множественными взрывами декомпрессии отсеков и начал разваливаться на неравные части…

Дальнейшие жертвы были бессмысленны, они уже взяли то, что требовалось.

– Всем, – сухо произнес Коган. – Начинаем серию гиперпрыжков. Сбор в промежуточном пункте.

В системе ХС-3012 на краю туманности оставались две беспилотные космические платформы, которые продолжали создавать помехи, не давая "Диону" совершить немедленный прыжок по вектору исчезнувших из трехмерного пространства штурмовых фрегатов.

Теперь, потеряв всего три боевых единицы, корабли флота "Генезиса" начнут серию беспорядочных погружений в аномалию, чтобы запутать погоню и собраться вместе в пяти световых годах отсюда, в соседней звездной системе. Там экипажи корпоративного флота перейдут на борт захваченных кораблей, а бесполезные в аномальном пространстве боевые единицы начнут новую серию гиперпрыжков, окончательно сбивая со следа любую погоню.

Коган понимал – его людям потребуется время чтобы разобраться в системах захваченных космических судов.

Местом сбора он назначил систему ХС-3067, не подозревая о том, что

в старых, уже давно не используемых звездных каталогах, она помечена знаком частной собственности, а у единственной планеты, обращающейся вокруг тускло-красной звезды есть название – ГЕРМЕС.

* * *

Первым неприятным сюрпризом для Лайфа Когана стала станция Гиперсферной частоты расположенная на орбите единственной планеты системы.

Менять планы было поздно, и когда ему доложили о том, что все единицы флота собраны и готовы к переходу экипажей на борт захваченных кораблей, он решил, что мертвая, не подающая признаков функциональности станция ГЧ на орбите непригодного для жизни мира не несет угрозы, так же как и одинокий транспорт класса "Элизабет-Сигма", обнаруженный на парковочной орбите. Внизу под густым покровом облачности сканеры зафиксировали какую-то старую циклопическую постройку, но всеобщие признаки запустения и полная тишина в эфире ввели Лайфа в заблуждение. Он не хотел менять планы на решающей стадии второго этапа операции.

– Заблокируйте станцию ГЧ и сбейте, к Фрайгу, этот транспорт. – Коротко распорядился он, справедливо рассудив что перед ним ни что иное, как неудавшаяся, погибшая в зародыше колония, о существовании которой знали разве что облюбовавшие это место контрабандисты, кому и принадлежал болтающийся на орбите грузовой корабль.

Нет, шарахаться от собственной тени он не собирался.

– Начинаем процедуру перевода экипажей. Первыми идут специалисты. Покинутые корабли в автоматическом режиме самостоятельно покидают систему. Начинаем!

…

– Сэр, кто-то прорвался следом за нами! – Доклад с локационного поста пришел неожиданно, когда большая часть экипажа уже покинула свои штатные места направляясь к шлюзовым площадкам для посадки в челночные корабли.

Коган невнятно выругался.

Подцепили таки хвост… – подумалось ему.

– Подробнее! – Рявкнул он в коммуникатор, спешно направляясь к ближайшему терминалу внутренней сети.

– Датчики фиксируют слабое возмущение метрики. Это небольшое

материальное тело скорее всего автоматический разведчик либо… Извините, сэр, наблюдаю вспышку. Есть обратный переход, работают системы распознавания цели.

– На терминал 564/х – я подключился к нему, – Сообщил Лайф, прижимая палец к пятнышку сканера. Система внутренней безопасности все еще действовала, она как правило отключалась последней, или не отключалась вовсе, в зависимости от того с какими намерениями люди покидали корабль.

– Код ДНК принят – сообщила аудиосистема и перед креслом Когана заработали все приборы, встроенные в скошенную панель. Не информаторий конечно, но жить можно…

– Объект визуализирован. – продолжал докладывать офицер. – Данные возмущения метрики полностью совпадают с массой. По стандартной базе данных объект классифицирован как многофункциональный космический штурмовик класса "Тайфун", магнитные маркеры удалены… хотя, нет, его система только что сгенерировала код для систем опознания "свой-чужой"… – Голос офицера вдруг прозвучал растерянно. – Данный штурмовик принадлежит корпорации "Эхо"!…

Теперь, услышав последнюю фразу, Лайф тоже ощутил чувство недоумения.

Следом пришла даже не злость – ярость вскипела в рассудке, – в двух шагах от успешного завершения дерзкой акции их настигают не конфедераты, а корабль пущенный по следу событий конкурирующей корпорацией. Кто мог предугадать это? Стоило ставить на уши половину обитаемого космоса, ускользать из-под атак объединенного флота, забыв, что ты не один правил Окраиной…

Реакция шла не от разума, хриплый приказ вырвался из глубин души; он больше походил на звериный рык, чем на человеческую речь:

– Уничтожить его. Немедленно. Любыми средствами, пока он не успел открыть канал связи на гиперсферных частотах!

Нет… Тысячу… миллион раз – НЕТ!!! Я не позволю кому-то снять сливки с МОЕЙ победы…

– Сэр, он вне зоны досягаемости орудийно-ракетных комплексов. Лазерные установки начали процесс реактивации. Объект включил маршевую тягу и удаляется в сторону планеты.

– Срочно на связь конвойный носитель!

Секунда, и на экране интеркома возникло лицо капитана Хармелова.

– Слушаю, сэр?

– Ты начал деактивацию систем?

– Минус сто секунд, господин Коган.

– Остановить эвакуацию. Приказ пилотам малых кораблей: по машинам. Старт по готовности. В системе всплыл "Тайфун" противника. Его нужно перехватить и уничтожить любой ценой.

– Понял, сэр. Исполняю.

* * *

Для Селены показания масс-детектора выглядели как полнейший нонсенс, постепенно, секунда за секундой, принимающего черты кошмара.

Она ожидала встретить в точки гиперпространственного перехода все что угодно, но только не корпоративный флот, состоящий как минимум из полутора десятка боевых единиц.

Это были силы корпорации "Генезис"

В голове промелькнула и тут же безнадежно угасла мысль об ошибке в навигационных расчетах прыжка через аномалию: система была той самой, канал Гиперсферной Частоты, через который Ветер выходил на необъятный простор Интерстара исходил именно отсюда… да вот и сама станция ГЧ плывет по орбите вокруг буро-коричневого планетоида, укутанного шапкой пыльной, негодной для дыхания атмосферы.

Нет. Это не ошибка. Но что здесь делает флот "Генезиса"?

Естественно, занятая решением личных проблем, она понятия не имела о тех потрясениях, что переживал весь сектор Окраины в течение последних часов.

В конечном итоге, ей уже поздно было заниматься глубинным анализом ситуации: гиперпространство едва отпустило "Тайфун" из своих пучин, большинство приборов еще находилось в состоянии самотестирования, но экраны обзора уже работали, в точности повторяя картину, запечатленную масс-детектором перед бледной вспышкой обратного перехода: Селена невооруженным глазом видела боевые корабли корпоративного флота "Генезиса" расположенные в виде полусферы, с точкой гиперсферного всплытия в центре пространственного построения.

Что делать?

Связаться с ними? Но что я скажу? Чем объясню свое появление? Извините, господин Итем, не знала, что вы тут? Я просто угнала штурмовик… Конечно я летела не сюда, просто понервничала и заблудилась, всплыв по ложным координатам.

Глупые мысли. Наивные, лживые, она не привыкла к терзавшим ее сейчас сомнениям, вся прошлая жизнь протекала совершенно иначе, опираясь на устоявшиеся моральные ценности, и потому секунду спустя, когда ясно различимый на экранах борт конвойного носителя вдруг зачастил холодными вспышками разряжающихся стартовых катапульт, Селена интуитивно поняла: ей не жить.

Она понятия не имела, что за события привели в систему Гермеса флот "Генезиса", но два десятка многофункциональных аэрокосмических истребителей, выпущенных конвойным носителем, тут же перестроились в боевой порядок, ринувшись на перехват одинокому "Тайфуну", который, подчиняясь машинальным реакциям Селены, уходил в сторону буро-коричневого шарика планеты.

На приборной панели бессильно моргал индикатор связи, локационная система впустую перебирала немые частоты, несущие лишь фоновое потрескивание помех, никто не собирался разговаривать с ней, и подсознание уже оценило ситуацию в комплексе, словно шепнуло на ухо: все, девочка, конец. Ты оказалась не в то время и не в том месте…

Внутренний голос осекся, заткнувшись.

Станция ГЧ медленно скользившая на фоне клубящихся пылевых облаков немо свидетельствовала лишь об одном – отсюда на свидания к ней приходил Ветер и невольный мысленный крик, в котором собралось воедино и мгновенно захлестнувшее ее отчаяние, недоумение, непроходящая тревога за любимого и страх перед близящейся развязкой, – все это сжалось в тугую точку и… вдруг взорвалось кричащей мыслью, которую подхватили послушные импланты, и выбросили в окружающее пространство на всех частотах связи:

Ветер, милый, ГДЕ ЖЕ ТЫ?! ПОМОГИ… МЕНЯ ХОТЯТ УБИТЬ!…

Вряд ли она решилась бы послать подобное сообщение, – но мысленный крик не остановишь.

Истребители приближались, пытаясь замкнуть одинокий "Тайфун" в плотное сферическое построение, одновременно отрезая его от планеты и от энергетически выгодной точки гиперперехода.

Селена понимала, что ей не выдержать боя с двумя десятками аэрокосмических машин. Она не имела навыков пилота, и даже импланты не могли дать такого преимущества над противником, чтобы "Тайфун" смог завязать одновременный бой с двадцатью истребителями.

Но я могу ускользнуть от них…– мелькнула в голове здравая, спасительная мысль.

Куда? – сознание уже привычно соскользнуло на зыбкую грань

реальности и того видения, что предлагали кибернетические системы управляемого ей корабля.

Конечно в сторону планеты. Разве я прилетела сюда не ради посадки на нее?

В эти мгновения она не брала в расчет корпоративный флот "Генезиса", даже не думала о мощных, огромных боевых кораблях – ее разум сумел сконцентрироваться на сиюсекундной проблеме выживания, подавить парализующий волю ужас и заставить рамки мироздания сузиться до восприятия двадцати завершающих боевое построение X-страйкеров.

Безумие?

Это можно расценивать как угодно.

Любовь – то же вид безумия. Как и вся наша жизнь.

Селена закрыла глаза. Картины космического пространства только мешали сконцентрироваться, а так она привычным мнемоническим усилием потянулась навстречу атакующим кораблям, избрав три истребителя, что преграждали путь к планете.

Конечно, их киберсистемы были защищены.

Горькое озарение пришло как вспышка. Селена не напрягалась, действуя машинально, будто сидела в своем кабинете, – вот он ответ на заданный себе вопрос: чем же, в конце концов, мнемоник отличается от кибрайкера? – он таился в точном знании кодов доступа, к системам автоматического пилотирования чужих кораблей, – корпорация "Генезис" являлась не только конкурирующей промышленной группой, но и вероятным противником для корпорации "Эхо". Селену готовили к подобному столкновению, ситуация отличались лишь в частностях, например сейчас она защищала не планетные орбиты пятого Омикрона, а собственную жизнь, но факт оставался фактом, – в программу ее обучения входили навыки хладнокровного убийства, просто этот термин обходили стороной, мягко именуя словосочетанием "активная оборона". При наихудшем развитии событий она могла при поддержке других мнемоников взломать защиту крупного боевого корабля, направив его на ложный, пагубный курс, либо парализовать обмен данными между командными постами и исполнительными устройствами. Вспышечная память не мешала сейчас, она подсказывала вариант за вариантом, черпая их из неведомых глубин подсознания, куда в процессе обучения были заложены данные о способах уничтожения техники противника.

И людей, на беду оказавшихся внутри… – услужливо шепнуло сознание.

Селена отшвырнула эту мысль, которая едва не выбила ее из

равновесия, но та лишь на долю секунды скорчилась где-то в уголке сознания и вернулась, настырно вторгаясь в рассудок:

Ты убьешь их?

Перед внутренним взором, разрывая бесконечный поток машинного кода, вдруг возник визуальный образ: мертвые тела в разгерметизированных кабинах Х-страйкеров, капли замерзшей в вакууме крови, клочья порванных декомпрессионным взрывом легких, почерневшие, искаженные мгновенной агонией лица.

Где же ты Ветер… Почему молчишь… Не слышишь меня…

Это был критический миг, – схватка с собственным рассудком вела к гибели, и она отринула мешающие образы… но код, который генерировали ее импланты, помогая разуму перехватить управление над кибернетическими системами трех атакующих в лоб истребителей, уже изменился.

Из него исчезла команда декомпрессии отсеков, вместе этого на борту трех "Х-страйкеров" необъяснимым образом заработала экстренная система жизнеобеспечения, предназначенная для спасения пилотов при тяжелых ранениях.

В кровь троих неизвестных ей мужчин, секунду назад готовых безжалостно расстрелять "Тайфун" из всех видов бортового вооружения, был введен препарат, отключающий сознание раненого бойца, чтобы избавить его от мучительного шока и дать возможность медицинской аппаратуре совершить необходимые операции.

Селена проделал это, будто во сне.

Настырная мысль об осознанном убийстве, наконец, убралась, незаметно юркнув в какой-то закуток сознания.

Три истребители, не произведя ни единого выстрела, пронеслись мимо "Тайфуна", открывая широкую брешь.

Автопилоты уже подправили проложенный Селеной курс, направляя корабль к манящему шарику планеты.

Первая победа далась бескровно, но забрала столько сил, что из состояния мгновенной депрессии ее вывел лишь предупреждающий визг бортовой системы распознавания целей: семнадцать "Х-страйкеров" резко сократив дистанцию, произвели одновременный ракетный залп.

* * *

Селена ошибалась: Ветер слышал ее крик.

В первый момент он подумал, что окончательно сошел с ума, заблудился в извилистых тропинках больного самосознания, но мнемонический крик, исходящий из глубин души, нес эмоции такой достоверности и силы, что секунда сомнения обернулась для Ветра полной потерей иллюзий: будто исполинская газонокосилка прошлась по кривому застарелому лесу его мысленных привычек и самозапретов, сметая чащобу, открывая голое поле, до самого горизонта усеянное белеющими на срезах пнями.

Это была ОНА.

Его воля рванулась навстречу крику, и, одновременно со спонтанным неистовым порывом бессмертной души, очнувшись от векового забвения, заработали сотни, если не тысячи различных систем Башни.

Для них очередное пришествие знаменовалось четкой командой поиска – он стремился понять, откуда исходит этот крик.

СЕЛЕНА?! – Ветер мысленно рванулся навстречу, ловя эфирные волны, будто захлебнувшийся пловец, жадно хватающий ртом драгоценный воздух.

Он увидел ее, бледную от напряжения, окаменевшую в объятиях противоперегрузочного кресла пилот-ложемента.

Родная, как же ты смогла, как нашла меня, зачем же ты ринулась сюда?!…

Поздно.

Она уже сделал это, и теперь у Ветра оставался лишь один выход: спасти ее любой ценой.

Даже самой страшной, которая для него измерялась не понятиями жизни и смерти, а ценой узнавания, которая теперь обязательно будет названа…

Потом. Все потом.

Он словно прозрел, от информационного взрыва казалось, содрогнулся мир физический, и это соответствовало действительности: в миг ответного порыва он своим желанием увидеть, помочь защитить, отдал глобальную команду, которая пронеслась по оптическим кабелям, будто первый горячий толчок пульсации крови, от внезапно заработавшего сердца.

Он включил не только информационные носители: все системы Башни переживали в этот миг экстренную реанимацию; в мрачных давно заброшенных залах и переходах включались осветительные приборы, за декоративной облицовкой стен тяжко просыпались механизмы, шахты подъемников наполнялись шелестом, а иные и воем сорвавшихся кабин,

сопровождая их падение грохотом и ощутимыми ударами, тонко ныли миллионы сервоприводов, все вдруг ожило, зашевелилось: куда ни глянь всюду искрила древняя проводка, истекали фантомным сиянием порванные оптические кабели, механизмы всех мыслимых видов и предназначений начинали двигаться, проверяя свои узлы.

Это началось внезапно, в одну секунду, и происходило одновременно на всех этажах огромного комплекса.

…

– Селена я тут!… Держись, родная!…

Ответ Ветра прошел по всем каналам связи, будто сама планета выдохнула его навстречу приближающейся армаде боевых кораблей и маленькому "Тайфуну", тщетно пытающемуся уклониться от массированного ракетного удара.

Их было слишком много – маленьких стремительных ракет, чьи компьютеры цепко держали цель.

Селена делала все что могла, но и у нее был предел потенциальных возможностей: два десятка боеголовок потеряли управление, пять или шесть реактивных снарядов замкнули цепи самоуничтожения, на миг осветив небольшой участок космического пространства хаосом разрывов, который все же сбил с намеченного курса системы самонаведения продолжавших атаку ракет, но за первым залпом последовал второй, третий, а у нее от перенапряжения уже кружилась голова, бег времени вырвался из ритма наносекунд… что для мнемоника равносильно поражению.

Не в первый раз она оказывалась лицом к лицу со смертью, но раньше рядом всегда находились другие мнемоники, готовые заменить временно выбывшего из строя участника обороны, прикрыть, дать возможность сделать вдох…

Сейчас рядом не было никого… лишь смерть, несущаяся по пятам, догоняя ее корабль…

…

– Сэр, заработали передатчики станции гиперсферной частоты! – Доклад с локационного поста пришел сразу за уничтожением первой волны атаковавших "Тайфун" ракет. Коган, наблюдавший за этим через систему оптических умножителей, в первый миг не поверил своим глазам. "Тайфун", не меняя курса, стремительно уходил к планете, а догоняющие его боеголовки теряли управление, самоуничтожались, будто незримая рука отводила неизбежный удар от маленького корабля.

На борту мнемоник или кибрайкер. – Неожиданно догадался Лайф.

Жить от этого легче не стало, но из ситуации сразу же исчез мистицизм.

– Повторить атаку! – Рявкнул он, и вслед за этим услышал доклад о заработавшей станции ГЧ.

– Разве меня не заверили, что генераторы гиперсферных частот заблокированы?!

– Работают передатчики трехмерного континуума! Мы отслеживаем, шифрованный канал фотонного передатчика, для его генерации задействованы аварийные среднеапертурные лазерные излучатели!

– Цель?!

– Ракетный носитель "Триан". Он уже покинут экипажем, и движется к точке гиперпространственного перехода в полном автоматическом режиме.

Коган на секунду закрыл глаза.

Его планы рассыпались как карточный домик под внезапным, неистовым… нет… скорее – остервенелым ударом непонятной воли.

Ему и в голову не могло придти, что единственной движущей силой всех внезапных событий является не злой умысел или тонкий расчет, а чистое, пронзительное чувство любви.

Любви двух фантомов, двух душ, разумов, что однажды повстречались на бескрайних просторах киберпространства.

– Сэр, "Триан" не отвечает на запросы. Он изменил курс. Наблюдатели докладывают о предварительной продувке стартовых шахт!

Великий космос…

Коган потерял всякий самоконтроль.

Кому как не Лайфу было знать, что представляет собой ракетный носитель…

Двести сорок стартовых стволов, бортовой компьютер, двигатели, и хранилища боезапаса.

В условиях столкновения двух флотов корабли подобного класса считались наиболее опасными. Их ракеты могли поразить тяжелый крейсер противника, произведя единовременный залп всеми пусковыми установками.

Любое наставление по тактике пространственного боя настойчиво рекомендовало не допускать сближения флота с ракетными носителями противника на дистанцию менее двух световых минут, а сейчас, между кораблями не наскребешь и световой секунды…

– Сэр, "Триан" неуправляем.

– Уничтожить его и станцию ГЧ! – Очнувшись, выдохнул в коммуникатор Коган. – Сажайте захваченные корабли на поверхность

планеты. Всем капитанам в составе команд немедленного действия вернуться на свои боевые посты. Рассредоточиваем флот!

Поздно.

Слишком поздно.

"Триан" уже начал медленное вращение вокруг центральной оси симметрии и мгновенье спустя по периметру его брони двумя зримыми кольцами засверкали яркие вспышки ракетных запусков.

– Траектории сближения?!

– Произведен массированный залп ста двадцатью установками. В зоне поражения весь состав флота, включая "Х-страйкеры", преследующие "Тайфун".

…

Селена не поверила своим глазам, когда огромный ракетный носитель, только что двигавшийся к точке гиперпространственного перехода, внезапно начал менять курс, одновременно открывая диафрагменные люки пусковых шахт.

В космосе начинало твориться что-то невообразимое, корабли корпоративного флота резко меняли курсы, их стартовые катапульты озаряли броню сполохами бледного света от множественных запусков малых кораблей прикрытия, издали это выглядело как хаос, паника, но взгляд лишь мимолетом отметил эти подвижки: за кормой постоянно ускоряющегося "Тайфуна" прочно повис рой атакующих ракет, Селена не ни миг не выпускала их из поля зрения, хотя тело уже начало сдавать под гнетом возрастающей перегрузки, тонко ныли сервомоторы пилот-ложемента, в звуковые сигналы датчиков пульта управления вплетался неприятный режущий слух скрежет, – электромагнитные дефлемберы уже не могли справиться с нарастающим ускорением и теперь под воздействием перегрузок медленно проседали аварийные гидравлические компенсаторы, пытаясь взять на себя часть ее физической боли… дважды в районе подголовника щелкали инъекторы системы жизнеобеспечения, выстреливая в шею Селены микрокапсулы с метаболическими стимуляторами.

Счет времени по прежнему шел на доли секунд, сознание, прояснившееся после введения стимуляторов, вновь втягивалось в этот ритм, автоматические залпы противоракет из кормовых установок "Тайфуна" следовали один за другим, даруя слабую надежду на то, что ей все же удастся оторваться от преследования, или хотя бы набрать достаточно сил для повторной мнемонической атаки…

Сконцентрировавшись на внутренних ощущениях, Селена

практически не воспринимала того содома, что нес в эти секунды эфир, и все же до ее сознания дошел далекий, едва слышимый шепот, поначалу показавшийся ей бредом, плодом измотанной психики:

– Селена я тут!… Держись, родная!…

Две фразы повторялись с интервалом в один удар сердца.

Это был голос Ветра, голос, который она узнала бы из миллиарда голосов!…

Секундное облегчение едва не стоило ей жизни: сконцентрировавшись на далеком шепоте, она упустила момент, когда часть ракет включила форсажные камеры досжигателей топлива.

– Держись! – Бился в ее истерзанном рассудке едва слышный призыв Ветра. – Держись! Я включил посадочный луч. Передай управление автоматике. Сейчас все будет хорошо, ты слышишь родная?!…

Последний залп противоракет сбил лишь три атакующие боеголовки, из четырех, прорвавшихся сквозь заслон электромагнитных помех.

Оглушающий удар прокатился по корпусу "Тайфуна" тяжкой судорогой разрываемого металла, в рубке управления погас свет, голос Ветра истончился, исчез, продолжая звучать лишь в воображении, – Селена уже неадекватно воспринимала реальность, не подозревая, что настоящие испытания для тела и разума еще не начинались…

Взрыв, изуродовавший корму "Тайфуна" не смог уничтожить корабль, для этого требовалось как минимум десяток попаданий, но он сбил его с курса, на время выведя из строя все системы автоматического пилотирования, и казалось, что сейчас рвущиеся на форсаже "Х-страйкеры" завершат начатое, выйдя на дистанцию эффективного залпа бортовых орудий…

Перед глазами Селены радужными кругами цвел космос.

Резкий перепад ускорений, бледные пятна заработавших аварийных экранов, алые точки на радаре, стремительно обретающие угрожающий цвет, – все это слилось в единое восприятие последних секунд жизни, но…

В космосе внезапно начал извергаться вулкан.

Она не могла по другому охарактеризовать визуальное впечатление от единовременного запуска двухсот сорока тяжелых ракет, которые синхронно вырвались из шахт вращающегося вокруг своей оси "Триана".

"Х-страйкеры", опасно сблизились, выходя на прямую атаки тремя звеньями, когда две тяжелых ракеты пересеклись с их курсами, на миг засветив обзорные экраны ослепительными вспышками разрывов.

Головные части боеголовок несли заряды, специально спроектированные для массированного поражения мелких быстролетящих

целей, – их "начинку" составляла древняя, как само понятие баллистики, шрапнель, модифицированная согласно последним достижениям тридцать восьмого века: пятисантиметровые шары с разрывным сердечником, начиненным таугермином, в двойной оболочке кумулятивно-термического слоя…

Атакующие истребители мгновенно поглотила плотная стена разрывов, а в районе высоких планетных орбит корпоративный флот предпринимал отчаянные попытки противодействия внезапному залпу собственного ракетного носителя.

Бортовая киберсистема "Тайфуна" к этой секунде восстановила часть утраченных при попадании функций, и голос Ветра вновь зазвучал в эфире:

– Селена, милая, вокруг тебя все чисто.

– Ветер… – Прошептала она пересохшими губами. Во рту ощущался вкус крови. – Я не могу поймать посадочный луч…

– Снижайся. Если начнешь терять управление – катапультируйся. Я найду тебя! Слышишь – НАЙДУ.

– Да, я поняла… Сделаю все что смогу… – Селена говорила с трудом, – только что испытанная перегрузка оказалась для ее неподготовленного организма гораздо более тяжким испытанием, чем мнемоническая схватка с десятками бортовых компьютеров атаковавших ракет.

– Я люблю тебя Ветер… – прошептала она, почти теряя сознание.

* * *

Тонкие линии событий и судеб стремительно сплетались в единый клубок.

– Дрейк, Фрайг тебя раздери, ты можешь, объяснить что происходит?!… – Фрост стоял, задрав голову, и потрясенно наблюдал, как из сумеречной, теряющейся в пылевых облаках части Башни один за другим следуют залповые запуски многотонных ракет класса "земля-космос"

– Похоже, хозяин очнулся. – Зло и растерянно ответил Драйв, который прилагал все усилия, чтобы ответить самому себе на вопрос, только что озвученный Фростом. – Одно могу сказать с уверенностью – стреляет он не по нам.

– Это я вижу! Нет связи с "Элизабет-Сигмой" – Анжи грубо рванул Дикса за плечо. – Очнись ты, наконец, я с кем разговариваю?!

– Иди ты со своей "Сигмой", ко всем Шиистам, – огрызнулся Драйв. – Ей бы хватило одной ракеты. – Все же объяснил он. – Не видишь что ли, автоматические системы Башни ведут залповый огонь по множественным целям. Обрати внимание: траектории начинают расходиться сразу же после запуска.

– Не понимаю…

– Я то же. Могу сказать только одно: каждый пуск – это, как минимум, десяток килотонн…

– И что нам делать? Что говорят твои хваленные импланты?

Драйв резко повернулся к Фросту.

– Мои импланты говорят, что включилась глобальная система защиты. Ее не сломать в одну минуту, тем более в такой обстановке!

– Я не услышал твоих предложений, Драйв.

– Двигаем в Башню. Хватаем серв-машины и грузимся на борт модуля.

– А мой транспорт?

– Забудь о нем. Сейчас придется поменять планы, ради собственного спасения. Я не знаю, кто там прорезался на орбитах, но у меня нет желания принимать участие в этих разборках. – Его слова заглушил вой, – это уже нижний ярус циклопической постройки озарялся ярчайшими факелами стартующих ракет, и внезапно они ощутили ответ: сверху роем падучих звезд обрушился скверно скоординированный удар орбитальной бомбардировки, – оранжевые пустоши вздрогнули, на долю секунды вдруг наступила гробовая тишина, а затем, с адским грохотом в небеса начали вытягиваться стремительно растущие черно-оранжевые "грибы" разрывов… сотни тонн песка, перемешанные с дымом и фрагментами раскаленных базальтовых пород тяжко вздрогнули, поднимаясь в небеса, чтобы спустя несколько мгновений обрушиться обратно на исковерканную воронками землю.

Фроста и Дрейка мгновенно сбило с ног, взрывные волны играли их телами словно куклами, – не будь на них боевых скафандров, оба погибли бы в первую секунду бомбового удара.

Основная часть разрывов легла в полусотне километров Башни, одновременно с ними сумрак прорезала плотная сетка лазерных лучей, уничтоживших те заряды, что угрожали исполинской постройке.

– Фрост, вставай! – Заорал Дикс, усилием воли заставляя работать контуженное, саботирующее сознание. – В темпе! – Он сам уже поднялся на четвереньки, загребая руками пыль и песок, словно огромный бронированный жук. – Дьяволы Элио… – Хрипло выругался он, глядя на

небеса, где, разрывая полог свинцовых облаков, стремительно пронеслись два звена "Х-страйкеров", а вслед за ними содрогая взбаламученную, вихрящуюся мгновенными смерчами атмосферу, вдруг прорезался нестерпимый для глаз свет от силовых установок реактивной тяги.

Защитные системы Башни, похоже, вышли на стопроцентную мощность огня – сетка лазерных лучей ритмично вспыхивала и гасла, залпы ракет стали реже, но теперь боеголовки уходили по пологим траекториям, поражая низколетящие либо совершающие посадку цели. Несколькими секунд спустя к ним присоединились импульсные турели, которых по уступчатому периметру Башни насчитывалось несколько сот, не меньше.

Ни Драйв, ни Фрост не могли даже вообразить, что внезапно окажутся в эпицентре настоящего техногенного ада, где разгоралась дуэль между кибернетическими системами исполинского комплекса и неизвестным количеством пытавшихся совершить посадку боевых кораблей.

Дикс на четвереньках добрался до Фроста, с усилием перевернул его тело в громоздком бронескафандре и, взглянув на индикаторы систем жизнеобеспечения, удовлетворенно кивнул, – жить будешь Анжи, сейчас, я приведу тебя в чувство…

Действительно после инъекций Фрост зашевелился.

Он уже не задавал дурацких вопросов… только смотрел вокруг мутными, выпученными глазами.

– Поднимайся! Если мы не доберемся до Башни нам конец!

Анжи ничего не ответил; опираясь на одну руку, он привстал и с помощью Дикса выпрямился, потрясенно глядя, как сквозь дым и пылевую бурю в ореоле шаровых молний и кустистых оранжевых разрывов на пространстве ближайшей пустоши совершает посадку необычный веретенообразный корабль.

Какого Фрайга он садиться на примитивном планетарном движке? – Промелькнула в голове Фроста совершенно неуместная в данный момент мысль.

Драйв рывком потянул его за собой, словно заботливый отец строптивого ребенка. Он уже наметил точку входа в наглухо запечатанную Башню, и в данный момент кибермодули его имплантов уже работали над проблемой взлома электронной системы доступа.

Только бы добраться до серв-машин, а там мы справимся, имея такую мощь. – Лихорадочно думал он. – Найдем любой доступный грузоспасательный модуль, и рвем когти отсюда… На Ганио, в уютную Колыбель Раздоров, где за две шагающие серв-машины они выручат

столько денег, что хватит на целую флотилию из транспортных кораблей.

* * *

Верхний уровень Башни.

Бывший кабинет Араманта Сент-Иво последнего законного владельца корпорации "Галактические Киберсистемы". Несколькими минутами ранее.

Огромный полусферический зал с бронированными панорамными окнами тонул в багряном сумраке царствующих над поверхностью Гермеса пылевых бурь.

Кроваво-красный свет солнечного диска, пробиваясь сквозь разрывы облаков и клубы гонимой неистовым ветром пыли, бросал причудливые, змеистые блики на покрытое прахом забвения великолепие.

Когда-то здесь сосредотачивались нити управления сотнями промышленных производств, разбросанных по множеству звездных систем Обитаемой Галактики, и неизменно в центре информационной паутины, дающей реальное могущество,находился человек, чья воля, переданная по каналам гиперсферной частоты, распоряжалась баснословными средствами, а зачастую и судьбами целых планет.

Сейчас все выглядело иначе.

Забвение добралось и сюда, так же как следы разрушений, видневшиеся повсюду, словной немой, запечатленный в деформированном пластике отпечаток давних событий.

Одну из стен кабинета загораживал поднявшийся из-под раздвигающихся сегментов пола вместительный подъемник. Он явно предназначался не для людей, а скорее для доставки на вершину Башни каких-то крупногабаритных грузов, однако даже это редко используемое техническое приспособление сверкало роскошной отделкой: панели из зеркальной древесины планеты Рори множили красные блики света, рассыпая по стенам алые пятнышки, похожие на застывшие целеуказатели лазерных прицелов.

Посреди кабинета возвышался овальный стол; по его периметру виднелись декоративные кожухи антигравитационных устройств, которые обеспечивали нескольким креслам возможность быстро и бесшумно скользить вдоль кромки столешницы, на самом деле являвшейся огромным, отключенным в данный момент стереоскопическим монитором.

Можно долго описывать отдельные изящные устройства, сочетающие

великолепие с функциональностью, рассматривать следы взрыва, повредившего основание овального возвышения, считать выщерблины на стенах… но покрытые пылью, освещенные нереальным светом призрачные свидетельства разыгравшейся много лет назад трагедии, бледнели перед исполинскими очертаниями шагающей серв-машины, которая, словно статуя неподвижно возвышалась около развороченных взрывом компьютерных терминалов.

Теперь становилось понятно, почему в кабинет оказалась поднята огромная транспортная кабина: именно грузовой лифт доставил сюда застывшего исполина, под ступоходами которого, рядом с перевернутым обгоревшим креслом, лежало мумифицированное человеческое тело без скафандра.

На усохшем трупе была надета униформа корпоративных сил Гизборна со знаками различия полковника.

Вне сомнения это был Шнайдер.

Отто Шнайдер стремившийся овладеть Башней, а когда ему не удалось достичь желаемого – решившийся разрушить ее уникальный кибернетический мозг.

В этом он преуспел – взрыв повредил процессорные блоки, составлявшие основание овального стереомонитора. Огромные, чернеющие оплавленными краями пробоины, немо свидетельствовали, что внутри тесно пригнанных друг к другу кибернетических устройств, когда-то бушевал пожар.

Застывшая фигура серв-машины завершала картину, поражая взгляд не столько своим размерам и формами, сколько *позой, в которой она остановилась.*

Обожженная броня, подпалины на разряженных обойменных тубусах ракетной подвески, сорванное с мощных фиксаторов и бессильно обвисшее, словно сломанная рука турельное орудие, чудом удерживающееся на боковом пилоне, – все это свидетельствовало, что исполинская серв-машина с боем прорывалась на верхние уровни Башни, но взгляд притягивали не повреждения, а раскрывшиеся, словно исполинский цветок, сегменты бронепластин рубки управления.

Внутри керамлитового бутона виднелось пустующее кресло, закрепленное в сложной системе вращающегося пилот-ложемента, перед ним возвышались приборные панели, на которых не горел ни один индикационный сигнал.

У самого пола рубки там, где внешняя броня была наиболее мощной, располагалась открытая в данный момент ниша. Из нее торчали два гибких

телескопических манипулятора, в конструкции которых были использованы биметаллические сплавы. Удлиняясь по мере необходимости, они в то же время обладали пластичностью, способностью изгибаться, без применения ненадежных шарнирных узлов.

В данный момент оба манипулятора выглядели, словно две руки, бережно протягивающие к поврежденной части кибернетического мозга Башни наполненную кристаллами сферу, имевшую около полуметра в диаметре.

От кибернетических устройств к полупрозрачному шару тянулись оптические кабели, их контакты когда-то плотно вошли в ответные гнезда, расположенные по периметру сферы, соединив поврежденный взрывом кибернетический мозг Башни с центральным вычислительным устройством шагающей серв-машины.

Что означало это единение?

Мельчайшие, блуждающие искорки света, едва заметными отблесками пробивались сквозь дымчатый материал кристаллосферы, указывали, что термофотонное* устройство исправно работает.

Неужели Драйв, рассуждая о гипотетическом хозяине Башни, подразумевал именно это гибридное соединение?

Но ведь он говорил о человеке, Джоне Митчеле Сент-Иво.

Нет…

Людей тут не было уже очень давно.

Впрочем, Дикс не так уж и сильно ошибался в своих интуитивных предположениях: Джон Митчел действительно присутствовал здесь, но между живым человеком и кристаллосферой модифицированного модуля "Одиночки", который взял на себя часть функций кибернетического мозга Башни, лежала длинная, растянувшаяся почти на целый век цепь драматических событий.

Дрейк, считая, что преуспел в своих поисках, узнал практически все о корпорации "Галактик Киб" и ее хозяевах, явно завысил степень своей осведомленности.

Он ведал и сотой доли правды об истинных причинах падения "Киберсистем".

…

Крохотные огоньки, едва различимые сквозь дымчатый бронепластик, сплетали замысловатые узоры мыслей…

…Он прожил три долгих, трудных жизни.

Сначала было детство. Смутные пятна воспоминаний, размазанные образы, лица.

Башня.

Он родился тут. Младший Сент-Иво – любимец матери, своеобразный принц-консорт при старшем брате, готовившемся унаследовать огромную промышленную империю, сирота, при живых родителях, воспитанием которого занимались похожие на людей машины.

Да, несомненно, детство и юность воспринимались им как отдельно прожитая жизнь. Не худшая, но и не самая счастливая из жизней.

Только много лет спустя у него появилось время и возможность, чтобы заново перебрать четки событий, осмысливая то, что не мог понимать маленький Джон.

…

Семья Сент-Иво, начиная с легендарного Эрлика, основавшего "Киберсистемы" и построившего Башню, имела чудовищное генеалогическое древо. Гермес являлся величайшей тайной, местом, куда не ступала нога ни одного постороннего человека: исключительно право доступа в "святая святых" корпорации имели лишь ее прирожденные владельцы.

Первым древние законы природы нарушил сам Эрлик. Построив Башню, он исчез, стер свои следы, оборвал все родственные связи, за исключением двоюродной сестры, которая стала его женой.

Дальше – хуже.

Дети Эрлика и Лайзы являлись родными братом и сестрой. Но пока они росли, тайны "Галактических Киберсистем" успели приумножиться, и уже тогда допускать на Гермес стороннего человека казалось недопустимым.

Генрих и Альма стали мужем и женой, вторым поколением правителей мертвого мира, у них тоже родились дети, но, понимая, что внутрисемейный брак неизбежен, родители заранее обратились к технологиям генной инженерии, с тем, чтобы геномы их отпрысков имели требуемые природой различия.

Эта уловка работала на протяжении еще двух поколений.

Сент-Иво не вырождались, и не умирали.

Состарившись, они парами покидали верхний уровень Башни, уступая дорогу молодым, чтобы занять свое место в родовой криогенной усыпальнице.

Все, начиная с Эрлика Сент-Иво, жаждали не только денег и власти над остальным миром, – они грезили "вечной жизнью", и это являлось не просто мечтой: два уровня лабораторий исполинского кибернетического комплекса работали исключительно над разрешением технической стороны

данного вопроса, а поколения стариков спали ледяным сном в огромном зале цокольного этажа, ожидая, когда в рамках проекта "Вечная Жизнь" будет получен первый удовлетворительный результат.

Такая практика не могла продолжаться вечно: рано или поздно внутрисемейные браки должны были дать свои уродливые всходы, и первым тревожным сигналом в этом смысле стал отец Араманта и Джона.

Он был безупречен физически, но умственные способности Андрэ оставляли желать лучшего. Данный факт не укрылся от его собственного отца, и тот, нарушая вековые традиции, отказался от зачатия второго ребенка, отверг генные технологии, решив, что настала пора влить в жилы наследников корпорации свежую кровь.

Так в Башне появилась мать Джона: Тея Митчел[5].

Она родила Андрэ двух сыновей, здоровых, крепких, свободных от пороков кровосмешения, но таких разных по характерам, что братья плохо уживались между собой. Старший – Арамант внешне был очень похож на отца, которого втайне презирал за тупость и надменность, но внутренний мир мальчика не имел ничего общего с родителем: он рос умным, вдумчивым, любил созерцательность и одиночество, рано начал вникать в тонкости кибернетических технологий, проявляя живой интерес к принципам управления огромной промышленной империей.

Безусловно, Арамант был способен вдохнуть в корпорацию новую жизнь, но, пока он рос, "Киберсистемами" управляла Тея Митчел, – Андре Сент-Иво явно не дотягивал даже до уровня бизнесмена средней руки.

Собственное безволие, сладострастие и неспособность вести дела корпорации, сильно задевали Андрэ, – он желал постоянно обладать Теей, но мать Джона, когда-то покоренная и очарованная молодым, богатым женихом, попав в условия Башни, быстро рассталась с иллюзиями. Она презирала Андрэ, он же мечтал подчинить ее свой извращенной воле, и это послужило причиной покушения на нее, но не в стенах Башни, где все контролировалось глобальной системой безопасности, а во время делового визита на одну из планет Окраины.

Выстрел снайпера был рассчитан так, что Тею успели спасти… только никто не догадывался, что она выжила, попав по прямому указанию Андрэ в руки генных инженеров Зороастры.

Мстительный, недальновидный, себялюбивый – он надругался над женой, заплатив баснословную сумму за ее "лечение" с одновременной трансформацией в послушную биологическую куклу. В итоге Андре Сент-Иво получил именно то, о чем мечтал – послушную, безропотную рабыню,

которая выполняла все его желания*, не утратив при этом качеств деловой женщины. Изменившаяся Тея продолжала в критических ситуация решать все вопросы, связанные с управлением корпорацией, но для детей она умерла, и Андрэ, опасаясь случайного раскрытия своей тайны спрятал изменившуюся Тею в недоступных для них помещениях Башни, из предосторожности погружая ее в криогенный сон.

Потом пришел и его черед занять свое место в родовой усыпальнице.

Власть над "Киберсистемами" перешла в руки молодого, энергичного Араманта. Джону к тому времени исполнилось двадцать пять лет, и он, вырвавшись, наконец, из Башни, вел жизнь богатого молодого повесы. Митчел предпочел носить фамилию матери, он не хотел даже вспоминать о Гермесе, где прошло его мрачное, одинокое детство, и только настойчивые требования Араманта заставили его вернуться сюда, после того как на планете Флиред произошел глобальный сбой десятитысячной партии биороботов, клонированных на заводах корпорации с матрицы "КОРГ".

Нужно сказать, что генетическими прототипами для изделий, поступающих в массовое производство, чаще всего служили сами Сент-Иво. Данную практику ввел еще Эрлих, – тысячи, миллионы биороботов, как две капли воды похожих на правителей Гермеса, служили для последних идеальным прикрытием в случае внезапного краха, – когда твоя ДНК совпадает с геномами человекоподобных машин, нетрудно раствориться в их числе, обманув не особо дальновидных преследователей.

Конечно, до таких крайностей не доходило, но практика создания облика киборгов "по образу и подобию" прочно укоренилась среди традиционных технологий Башни.

Джон, например, находил это отвратительным. Киборги последних серий внешне не отличались от него самого, и Митчел каждый раз с вздрагивал, встречая на иных планетах свои биологические копии, клонированные на механические эндоостовы. Подобные встречи всегда ставили его в неловкое, дурацкое положение.

Впрочем, это была лишь одна из многих причин, по которым он ненавидел все связанное с мрачным уступчатым сооружением, а особенно с расположенной в цоколе усыпальницей, где ждали триумфального часа своей реинкарнации несколько поколений Сент-Иво.

…

Свой последний визит сюда он запомнил навечно.

– Наша корпорация распростерлась на половину освоенной человеком Галактики. – Говорил Арамант стоя у панорамного окна на верхнем этаже Башни. – Основные предприятия базируются в ста двадцати развитых

системах, – это не учитывая научных центров и вспомогательных производств. Финансовый оборот "Киберсистем" исчисляется триллионами кредитов. Корпорация процветает, но я провел собственный анализ и пришел к удручающему выводу: мы стоим на краю пропасти. Еще один шаг вперед приведет к неизбежному краху.

– Не понимаю тебя, брат. – Ответил Джон, который никогда не пытался вникать в тонкости семейного бизнеса.

– Я объясню. – Кивнул Арамант. – По моему убеждению, корпорация уже сейчас находится в стадии противостояния с остальным человечеством. И дело вовсе не в конкуренции. Нам действительно нет равных на галактическом рынке робототехники, но… мы исчерпали себя в создании механических и, особенно, – биомеханических устройств. – Он говорил ровно, сдержанно, будто речь шла не о грядущем крахе огромной промышленной империи. – Все, дозволенное нормами человеческой морали и галактического права, уже создано и доведено нами до совершенства. Отсюда вывод: дальнейшее развитие "Киберсистем" лежит за пределами юридического и морального фола.

– И что ты собираешься предпринять? Зачем ты вынудил меня вернуться на Гермес?

– Я планирую продажу всех головных предприятий корпорации конкурирующим фирмам. – Спокойно ответил Арамант. – Только не перебивай, сейчас я объясню тебе смысл, скрытый в подобном шаге. – Предупредил он и продолжил, прохаживаясь вдоль поделенных на сектора панорамных окон:

– Как я уже сказал, мы стоим у черты, за которой нас ждет либо кризис перепроизводства дозволенных, но морально устаревающих моделей, либо дальнейшее развитие, автоматически вступающие в конфликт с законами и этикой. Ни одно, ни другое недопустимо. Я долго размышлял над этим, и пришел к выводу, что из сложившейся ситуации существует лишь один выход: продажа наших производств и вспомогательных исследовательских центров трем десяткам избранных мною фирм. Подобный шаг вдохнет в деятельность конкурирующих компаний новый смысл. Они неизбежно ухватятся за перспективу развития и начнут движение вперед, но ломка стереотипов будет очень болезненна, особенно если учитывать консерватизм Центральных Миров, составляющих костяк Конфедерации Солнц.

Видимо Арамант продумал все до мелочей.

– Продав предприятия, мы не теряем ничего. – Продолжал он. – Нам заплатят огромные деньги, которые будут использованы по назначению.

Исчезнув из поля зрения Галактического сообщества, мы спокойно переждем бурю, которая неизбежно грянет уже в ближайшие годы. Для меня важно, что не "Киберсистемы", а другие корпорации преступят закон. Конфликт Центра и Окраины неизбежен. Впрочем, я не думаю, что грянет тотальная война. Скорее это будет цепь локальных конфликтов.

Он ненадолго задумался.

– Тем временем мы, – я имею в виду комплекс Башни, – никем не опознанные, на существующем тут уникальном оборудовании, будем разрабатывать принципиально новую продукцию, с тем, чтобы возродится из небытия в тот момент, когда другие фирмы расчистят нам дорогу.

Джон, выслушав брата, пожал плечами.

– Тебе виднее Арамант. Возможно, твой план гениален, но я, по-моему, уже говорил тебе, что не играю на данном поле…

– Играть будут все. – Жестко оборвал его брат. – К сожалению, у меня нет необходимого лимита времени на предварительную подготовку. Из-за ситуации с нашими изделиями, сложившейся на Флиреде*, лавина событий может сорваться в любую минуту, но в данный момент я еще не готов к быстрой и эффективной ликвидации "Киберсистем". Мне попросту не разорваться на части, – пояснил он, – а привлекать людей посторонних, как ты должен понимать, еще хуже, чем форсировать события в одиночку. Поэтому я вызвал тебя и собираюсь пробудить наших драгоценных старцев – все поколения семьи Сент-Иво очнуться от сна и будут помогать мне в ликвидации производств.

…Это была роковая ошибка Араманта.

Он думал о них как о заинтересованных лицах, но просчитался. Старческие рассудки, выпущенные из ледяного узилища, прежде всего, интересовались собственной выгодой, их обуревали пороки и страсти, они грезили не будущим величием возрожденной корпорации, а сиюминутными страстями, словно изголодавшаяся свора монстров, жаждущих утолить свой неуемный голод…

Об этом было жутко вспоминать. Оказывается, у каждого из бывших правителей Башни имелись свои тайные пороки, тщательно скрываемые при жизни.

У Джона кровь стыла в жилах.

Арамант выпустил в виртуальное пространство Башни рассудки демонов, – вот кем на самом деле являлись поколения его предков.

Митчел всерьез думал, что сойдет с ума в ту роковую ночь. Единое информационное поле Гермеса демонстрировало ему такие выходки очнувшихся фантомов, что от них цепенел рассудок.

Каждый из них, получив относительную степень свободы, а вместе с ней и частичный контроль над исполнительными устройствами Башни, спешил уничтожить улики, либо в последний раз насладиться тайным пороком, но всех опередил Андре Сент-Иво, не подозревавший что разум Теи Митчел, под влиянием длительного низкотемпературного сна сумел постепенно избавиться от внедренных на Зороастре программ абсолютного послушания.

По роковому стечению обстоятельств в момент ее пробуждения рядом находился не виртуальный призрак Андре, а Арамант, который, повзрослев, стал похож на отца как две капли воды.

Полубезумная женщина, на протяжении многих лет осознававшая свое рабское положение очнулась от криогенного сна с одним неистовым желанием – покарать мужа.

Сердце матери слишком поздно подсказало ей, что рядом с саркофагом стоит не Андре, который давно состарился, а ее сын Арамант…

Она убила его.

Джон увидел это позже в записи; на момент роковых событий он, насмотревшись на "забавы" своих предков, попросту напился до состояния полной невменяемости.

Его мать, даже не осознав ошибки, страшась, что зомбирующие программы вновь обретут власть над ее рассудком, бежала с Гермеса, подняв со стартовых полей резервный флот "Киберсистем".

Безумное желание мести влекло ее к планете, где генные инженеры и нейропрограммисты надругались над ее разумом и телом.

Она хотела лишь одного: превратить Зороастру в пылающий костер… и сгореть в яростном огне мщения.

Ей удалось это.

Пустые страницы, так тщательно вырванные из истории прошлой Конфедерации, хранились здесь в Башне, а если говорить точно – в памяти Джона.

В ту злополучную ночь началась его новая жизнь.

Проснувшись от сравнимых с землетрясением вибраций, (это был тот миг, когда резервный флот "Киберсистем" стартовал с Гермеса) он с трудом пришел в себя и попробовал связаться с Арамантом, чтобы спросить, что случилось.

Послушные исполнительные системы ответили, что Арамант Сент-Иво не может говорить с ним… по причине физической смерти.

Мгновенно протрезвев, Джон потребовал показать ему брата, и через глобальную систему наблюдения увидел его, лежащего в луже крови подле

открытого низкотемпературного саркофага, в непонятном помещении, похожем на альков, спрятанный за одним из складов готовой продукции. Из правой глазницы брата торчал заостренный кусок пластика.

Джон нашел в себе силы просмотреть видеозапись событий.

Его трясло.

Мать, оплаканная мальчиком много лет назад, оказывается, все это время томилась в криогенной усыпальнице, пробуждаясь лишь по воле Андрэ. Внезапная смерть последнего так и оставила ее в объятиях низкотемпературного сна, пока Арамант не решил дать свободу рассудкам своих предков, чтобы те помогли ему в великом замысле.

Нетрудно было догадаться, что произошло дальше. Отец, испугавшись, что надругательство над Теей выплывет наружу, поспешил использовать данную ему власть не для ознакомления с новыми технологиями, а для уничтожения улик, но Арамант был не так прост, он предполагал, что сонмище предков придется контролировать, и потому действия отца, перехватившего управление над одним из киборгов, не укрылись от сына. Он поспешил вслед… и увидел мать, которую считал мертвой.

Он не дал Андре совершить очередное злодеяние, и, загнав фантом назад, в родовую усыпальницу, включил режим пробуждения.

Он сидел рядом смотрел на мать, ожидая, когда она очнется, – сидел, не ведая, что ждет свой смерти. Внешнее сходство с отцом послужило причиной роковой ошибки – едва очнувшаяся от низкотемпературного сна Тея, приняла его за Андре. Он не ожидал удара, а она грезила этой минутой, не понимая, что вонзает заостренный осколок пластика в лицо собственного сына…

Это было чудовищно.

Но еще чудовищней оказались последствия смерти Араманта.

Оказывается глобальная кибернетическая система Башни, констатировав факт смерти владельца корпорации, автоматически обратилась к Джону, предложив тому принять полномочия управления, но он был пьян, и послал вежливый синтезированный голос ко всем дьяволам Элио.

Как это могло случиться?! – с содроганием думал Джон, понимая, что теперь после его отказа автоматика обратилась к следующей по списку кандидатуре, – а им являлся никто иной, как Андрэ Сент-Иво, вернее его старческий мозг, заключенный в специальный консервационный цилиндр.

Естественно тот не отказался от внезапно вернувшейся к нему власти, и по данным систем наблюдения в данный момент цилиндр из

усыпальницы транспортировали наверх в лаборатории "Вечной Жизни"

Джону потребовалось все мужество, чтобы выйти в коридоры Башни.

Он собирался убить отца, убить навсегда, не оставив тому ни единого шанса к возрождению.

Андре, казалось, предвидел это, – на лабораторном уровне Джона встретили два вооруженных киборга.

Исполнительным машинам никогда нельзя доверять полностью.

В их программы не входит такое понятие, как контрольный выстрел. Констатировав агонию объекта, они спокойно развернулись и ушли.

Дальнейшие события приняли для Джона совершенно неожиданный оборот.

Он никогда не полагал, что в нем заложен такой сильный страх перед смертью, что истекая кровью, он найдет в себе силы доползти до сектора лабораторий, и решиться пойти на такой шаг, от которого всего час назад у него бы встали дыбом волосы по всему телу.

Понимая, что умирает, он успел скопировать свою личность на биоэлектронный носитель очередного, формирующегося в камере биореконструкции киборга…

Жуткие воспоминания…

…Очнувшись в новом теле, он взорвал три этажа Башни вместе со своим отцом, который к тому времени уже овладел лабораториями "Вечной Жизни".

Он уничтожил не только Андрэ, но и все поколения Сент-Иво вместе с отвратительным семейным склепом.

Добравшись до стартовых площадок, Джон отыскал снабженную гиперприводом "Нову", и, пользуясь сбоем в системах контроля Башни, вышел на околопланетную орбиту, предварительно выяснив, каким курсом ушла эскадра, которой управляла его мать.

Тогда он думал, что покидает Гермес навсегда.

…

Ему не удалось остановить Тею.

Внезапный удар, обрушившийся на Зороастру, действительно был нанесен флотом "Галактических Киберсистем", но архивы первой Конфедерации старательно замалчивали данный факт. По официальной версии планета была зачищена силами Галактического Патруля Совета Безопасности Миров.

Джон не погиб, он выжил, лишь затем чтобы превратиться в изгоя, которому предстояли годы лишений и моральных мук, которые он провел, доказывая свою человеческую сущность. Суды, операции, скитания

наложили на него неизгладимый отпечаток. Приобретенный жизненный опыт был столь горек, что получив гражданство планеты Аллор, он уже не испытал облегчения и не смог ужиться в обществе, – ведь унифицированное удостоверение личности являлось всего лишь куском пластика с зашифрованными на нем данными, а люди, особенно на Окраине, где тяжелый быт делал их жестче, злее, по-прежнему относились к нему как киборгу: отвратительной смеси живого с неживым, каким-то чудом исхитрившимся получить официальный статус мыслящего существа.

В конце концов, Джон не выдержал и ушел в дальний поиск, нанявшись на один из частных кораблей, совершавших промежуточную посадку на Аллоре.

Двадцать лет криогенного сна не принесли ни забвения, ни покоя.

Тот поиск окончился очередной драмой. Он снова, в какой уже раз, прошел по тонкой грани между жизнью и смертью*, и, вернувшись в Обитаемую Галактику, понял, что нет во Вселенной места, где он мог бы укрыться от человеческой ненависти, рожденной то ли невежеством, то ли выработанной на протяжении многих поколений и прочно укоренившейся в сознании привычке отождествлять мыслящие машины с потенциально опасными проявлениями информационных технологий.

У него оставался лишь один путь – на проклятый Гермес, в Башню. Он вернулся сюда лишь с тем, чтобы попытаться спасти умирающего друга и убедиться, что давние взрывы сделали свое дело.

Огромная постройка действительно выглядела мертвой, запущенной, медленно разрушающейся под напором неистовых ветров.

Джон надеялся, что прошлое погибло, но спустя всего несколько дней пребывания в Башне он понял, что глубоко заблуждался. Память оставалась с ним, она шла по пятам пустыми мрачными коридорами, кричала о пролитой тут крови, не давая забыться…

Он не смог превозмочь себя и поселиться тут, просто отринув любые воспоминания. Окончательно измучившись, Джон принял спонтанное решение: снова уйти в дальний поиск, но теперь уже самостоятельно, благо в его распоряжении был космический корабль, а временно реанимированные системы некоторых уровней Башни давали возможность эффективно и быстро подготовить все необходимое для долгого автономного полета.

Во время последней экспедиции в его руки попали любопытные гиперсферные координаты, которые он собирался проверить. Чтобы полностью обезопасить себя от любых неожиданностей, он забрал со склада готовой продукции две серв-машины класса "Ворон", которые

корпорация "Галактические Киберсистемы" изготавливала по заказу первой Конфедерации Солнц.

Здесь нужно сказать, что после Галактической войны выпуск боевых серв-машин происходил в рамках строгих ограничений, они уже не комплектовались модулями независимого поведения, реализованными на базе кристаллосхем, но разве для расположенных на Гермесе производств, о которых не знал никто, кроме самих Сент-Иво, играли значение какие-то запреты?

Разработанные тут серв-машины, предназначенные для экспорта в обитаемую галактику, отвечали всем нормам технических заданий, но Артур Сент-Иво правивший в тот период на Гермесе, выпустил опытную партию модифицированных "Воронов", для внутреннего использования, хотя бы на случай вторжения сюда какой-либо третьей силы.

Естественно, разработанные для защиты Башни серв-машины, имея в основе стандартное шасси знаменитого "Хоплита", резко отличались от образцов, поставляемых на галактический рынок: например, запрещенный к эксплуатации модуль программ независимого поведения был усовершенствован, превратившись из набора схем в кристаллосферу, работающую на комбинации фотонного и термального сопроцессоров. Такое технологическое решение полностью защищало мозг серв-машины от электромагнитных воздействий, а использование тепла от реактора, для накачки инфракрасных микролазеров фотонного вычислительного устройства наделяло кибернетическую систему огромным быстродействием, сочетающуюся с высочайшей степенью автономии.

Осматривая машины, которые по внутренней классификации именовались "Ворон-М", Митчел пришел к выводу, что его предок довел объем памяти, структуру и быстродействие кристаллосферы до того уровня, когда, соединяясь с мозгом человека, машина могла усвоить весь объем личности пилота в качестве "программы независимого поведения". Здесь явно просматривалась одна цель – окажись в рубке серв-машины кто-либо из правителей Гермеса, он мог быть уверен, что при наихудшем обороте событий его физическая смерть уже не будет нести отпечатка удручающей окончательности – при гибели пилота кристаллосфера автоматически считывала данные с нейросетей коры головного мозга, создавая резервную копию личности.

Пытаясь спасти разум друга, пожертвовавшего собой ради Джона на далекой планете Рай[6], он использовал эту уникальную возможность, перекачав данные его сознания на носитель одной из серв-машин.

Решив личные вопросы и подготовившись к рискованному поиску, Джон Митчел покинул Гермес, направляясь в сторону Рукава Пустоты.

В итоге он оказался первым, кто прорвал Вуаль Забвения и вступил в контакт с тремя древними расами, обитавшими внутри замкнутого цепью логрианских устройств звездного сообщества.

Он не любил ворошить прошлое, но оно постоянно напоминало о себе.

Так получилось, что Джон находился в рубке модифицированного "Ворона" когда севший на планету Инсектов корабль атаковали Хараммины, – истинные хозяева скрытого от посторонних глаз шарового скопления.

Они не собирались вступать в контакт с незваными гостями. Понимая, что их пытаются уничтожить, Митчел, хорошо изучивший древние технологии, ставшие доступными благодаря открытию построенной три миллиона лет назад Сферы Дайсона и множеству артефактов, добытых искателями приключений в Рукаве Пустоты, повел подвергшихся атаке "Воронов" к обнаруженному неподалеку от города инсектов древнему порталу. Подобные устройства миллионы лет назад связывали Сферу Дайсона, построенную Инсектами вокруг родной звезды с удаленными планетными колониями.

Джону удалось активировать древний портал, но прежде чем он смог воспользоваться им для бегства, двух "Воронов" настиг удар космических кораблей Хараamминов.

Атака была сокрушительной, – противник, не зная, с кем имеет дело, задействовал всю ударную мощь своих вооружений, и "Ворон" Митчела, входя в пространство открывшего гиперпространственного тоннеля, был фактически уничтожен, а Джону, сидевшему в кресле пилот-ложемента оставалось жить всего несколько секунд.

Его угасающее сознание успело запечатлеть два зрительных образа: характерный, изгибающийся вверх в виде опрокинутой чаши горизонт Сферы Дайсона, да судорожно помаргивание кристаллопривода, пытавшегося в последние секунды вобрать на искусственные носители информацию его личности.

В тот момент он думал, что теперь смерть настигла его окончательно и бесповоротно.

…

Нет, судьба видно еще не наигралась с ним.

Она не хотела отпускать Джона из своих цепких объятий.

Люди, осваивающие затопленные, болотистые просторы Сферы

Дайсона, нашли разрушенную серв-машину, непонятным образом оказавшуюся зажатой между рухнувшими блоками древнего гиперпространственного портала Инсектов.

"Ворона" разобрали на металл, единственным узлом, который заинтересовал причастных к находке поселенцев, был странный шар из дымчатого бронестекла, внутри которого изредка вспыхивали сиротливые искорки света.

Кристаллосферу отправили на исследование.

…

Были ли в его жизни периоды, к которым применимо понятие счастья?

Да.

На этот раз он вернулся в мир вместе с осознание факта собственного бытия: это нельзя назвать пробуждением, скорее – обновление сознания, новое рождение, или, если оперировать привычными понятиями, – выход из комы с глубокой потерей памяти о прошлом.

Призраки былого более не несли болезненной ясности осознанных воспоминаний, они будто тени роились где-то в глубинах новорожденного эго, а окружающий мир полнился новыми, яркими впечатлениями: непознанный, таинственный, привлекательный…

Впервые он не задавался вопросами, где я, ради чего живу, – он просто БЫЛ…

Небольшая кристаллосфера в оболочке прочнейшего бронепластика, которую снабдили сенсорными устройствами восприятия мира, антигравитационным приводом и… выпустили на волю.

Он не задумывался над вопросами бытия, не смущался той реальностью, что окружала его: кривобокий лес, пустынные проплешины каменистой почвы, серый периметр огромного протянувшегося на десятки километров цоколя с иззубренными руинами зданий, так и не превратившихся в первый ярус запланированного мегаполиса, дальше, за унылой стеклобетонной коробкой начинались странная с точки зрения человека равнина, где вместо почвы лежал густой слой микрочипов, росли совершенно необычные металлические кусты, высились остовы огромных машин, и бродили сотни подвижных кибермеханизмов.

Только много лет спустя он понял, – его сознание, практически стертое в момент гибели, очнулось на знаменитой Деметре[7], планете, где долгое время шла война между людьми и инсектами. Деметра являлась одной из сотен потерянных человеческих колоний: порыв первой волны

Великого Исхода выбросил колониальный транспорт "Бристоль" поблизости от звездной системы, где на кислородной планете уже существовала колония древней расы разумных насекомых, деградировавших за миллионы лет до уровня кочевых племен, окончательно утративших память о былом величии своей цивилизации…

Люди, едва освоившие гиперсферу, не имели возможности совершить повторный прыжок через аномалию, и у них оставался только один выход – совершить посадку и основать колонию на поверхности единственной кислородной планеты.

Первое поколение успело выстроить цоколь будущего мегаполиса, запустить его автоматические системы, но строительство так и застыло на уровне первого яруса: началась многовековая борьба с инсектами и колония медленно деградировала.

Однако в глубинах цоколя на протяжении столетий продолжала функционировать самодостаточная компьютерная сеть, которая по замыслу земных инженеров должна была обслуживать реактор, обеспечивая растущий город теплом и энергией.

Люди, втянутые в бесперспективную борьбу с кочующими племенами инсектов, полностью прекратили всякое строительство, – на протяжении нескольких поколений поддерживались только те производства, которые тем или иным образом работали "на войну", колония постепенно вымирала, а оставшаяся без внимания компьютерная сеть продолжала исполнять заложенные сотни лет назад программы. Она боролась за выживание, постепенно, по мере обветшания и выхода из строя критически важных узлов, подключая все новые и новые программные модули аварийных режимов, существенно расширявшие ее полномочия.

В конечном итоге это привело к эволюции ядра системы, – так возник феномен компьютерной сети Деметры.* Сеть видоизменилась, она обрела самосознание и начала мыслить, применяя нестандартные приемы для решения технических задач. Те, кто знаком с основными параграфами "Закона о правах Разумных Существ" должны помнить формулу определения разумности, где: "Интеллект – это способность организма или искусственной системы выходить за рамки естественного поведения".

Для компьютерной сети естественным поведением являлось строгое исполнение заложенных в нее программ, но Мать (так стала именовать себя сеть Деметры) на протяжении сотен лет видоизменяла эти программы, вынужденно приспосабливаясь к постоянно ухудшающимся условиям ветшающей техногенной среды.

Когда картографический корабль "Терра" вторично открыл колонию

Деметры, специалистам Совета Безопасности Миров пришлось заниматься не только вопросом расселения людей и инсектов, но и проблемой эволюционировавшей сети, которая прямо подпадала под действие "Закона о правах Разумных Существ".

В конечном итоге ее решили не трогать, – Деметру изолировал флот первой Конфедерации, а Мать продолжила саморазвитие под пристальным вниманием ученых. Ей разрешили продолжить эксперименты по созданию мыслящих систем, – для этого на планету доставляли огромное количество отслужившей свое техники.

Каким образом кристаллосфера, извлеченная из обломков разрушенной серв-машины, попала на полигоны Деметры, оставалось только гадать.

Впрочем, маленький по сравнению с иными механическими созданиями шар, свободно парящий над поверхностью бескрайних полигонов, не задавался вопросами новейшей истории человечества. Он жил, и его саморазвитие носило бурный, взрывообразный характер, как у любопытного младенца, познающего окружающий мир.

Возможно, он стал бы первым успешно развившимся наследником компьютерной сети Деметры, если б в его беззаботное "детство" не вмешалась сторонняя сила.

В Обитаемой Галактике о Деметре ходили самые невероятные слухи. Говорили, что там процветают технологии, способные затмить все ранее изобретенное человечеством. В таких слухах не было истины, но узнать правду мешала аура секретности, окружавшее все связанное с Деметрой, и блокирующий подступы к планете флот Конфедерации Солнц.

Тем не менее, даже такие препятствия не могли полностью оградить заявленную на карантин планету от внешних посягательств. Существовали люди заинтересованные в получении мифических технологий, и вполне естественно, что спрос рождал предложение – находились исполнители, готовые пойти на риск за определенное вознаграждение.

Одним из таких потенциальных заказчиков был полковник Отто Шнайдер. Он крайне нуждался в новейших технологиях, и Деметра на взгляд полковника являлась не худшим местом для их получения.

Пытаясь найти исполнителя для своих далеко идущих замыслов Шнайдер узнал, что одна из многочисленных попыток несанкционированного проникновения на загадочную планету однажды уже увенчалась успехом: некая Беатриче Блейз, юная контрабандистка, сумела не только пробраться на поверхность закрытого для посещений мира, но и выкрасть с планеты уникальный механозародыш –

полуметровую сферу, проявлявшую все признаки искусственного интеллекта.

Полковника очень заинтересовали эти сведения, и он начал настоящую охоту на Блейз, одновременно пытаясь вычислить заказчика, кому мог быть передан уникальный искусственный мозг.

Беат ничего не знала о полковнике Шнайдере и его планах.

Деметра с ее полигонами показалась ей настоящей кибернетической преисподней, – ей не удалось бы выбраться оттуда, если б не добровольная помощь странного со всех точек зрения создания – маленькой сферы, внутри которой таинственно перемещались едва различимые огоньки.

…

Он мечтал.

Мечтал увидеть Вселенную, распростершуюся за пределами Деметры, она же просто хотела выбраться отсюда – их желания совпали, и еще неизвестно кто кого украл или спас…

Так или иначе, Блейз выбралась, но что делать с таинственной сферой, не имела никакого понятия.

Логично было бы продать ее, но прежде следовало залечь на дно, затаиться, потому что ее успешный вояж на Деметру не прошел незамеченными, – Беатриче Блез искал не только полковник Шнайдер, но и силы патруля Совета Безопасности Миров.

В тюрьму она не хотела.

Больше года они скрывались на Эрлизе, – одной из независимых планет Окраины, и именно там с загадочным шаром начали происходить удивительные перемены.

Беат не могла не заметить, что он вел себя как ребенок. Интересуясь всем и вся, он задавал ей столько вопросов, что от звуков его синтезированного голоса порой начинала болеть голова. Тогда Беат решила, что наилучшим решением проблемы "часто задаваемых вопросов" станет компьютерный терминал, имеющий доступ к информационным базам данных сети Интерстар.

Благо у любопытного кибернетического рассудка имелись стандартные разъемы для подключения периферийных устройств.

…Несколько суток он неподвижно висел подле работающего терминала; огоньки за полупрозрачной оболочкой неистово вихрились, и Беат даже не пыталась угадать, какой объем информации получает и обрабатывает загадочный шар.

Несколько суток спустя он отключился от сети Интерстар и, повернувшись вокруг оси, внезапно заявил:

– Беат, ты должна помочь.

– В смысле?… – Опешила Блейз.

– Я помог тебе покинуть Деметру. Теперь я нуждаюсь в помощи.

– Долг платежом красен, да?

– Я вспомнил… Я был… – Он впервые изъяснялся так сбивчиво, бессвязно. – Я хочу… Мне нужна… мастерская.

– Зачем…

– Я… Я не такой. Только часть. Я хочу стать прежним.

– Ты частица чего-то большего? – Искренне удивилась Блейз.

– Да.

– Хорошо, я подумаю. Только не кружись около моей головы, мне не уследить за тобой.

– Мастерская. Металл. Сервомоторы.

– Я же сказала – подумаю.

– Нет. Сейчас. Сразу.

– Слушай, не капризничай, ладно? Мы ведь с тобой прячемся, верно?

– Да. Мы будем прятаться. В мастерской.

– Для этого нужны деньги. – Резонно напомнила Беат.

– Деньги… – он на секунду задумался – целая вечность при его быстродействии. – Деньги будут. – Он очертил в воздухе плавную дугу, вновь подлетев к терминалу.

…

На протяжении полугода Блейз казалось, что она попала в рабство к собственному пленнику.

Деньги он действительно достал, – маленький несмышленый кибрайкер. – В ее мыслях присутствовала нежность – за месяцы, проведенные во взаимном общении, она успела привыкнуть к непоседливому шару, как к родному существу.

Беат уже не могла остановить его. Да и не хотела.

На ее глазах в арендованной мастерской, расположенной на окраине города, из различных комплектующих, заказанных по его чертежам, возникало нечто огромное.

О том, что это серв-машина, Беатриче догадалась довольно скоро, но она в жизни не видела ничего похожего на конструируемую тут модель.

Ничего удивительного, ведь образцы подобной техники никогда не поставлялись на галактический рынок.

Год спустя они стали настоящими друзьями, а в мастерской возвышался десятиметровый корпус собранной по отдельным деталям серв-машины.

– Райвен[8]. – Однажды произнес он, облетая вокруг их совместного творения. – Теперь у меня есть имя.

Беат нахмурилась.

– Ворон?

– Да.

– Хорошо… Я буду звать тебя Рейв, ладно?… – Немного переиначила она.

– Согласен. Теперь нам больше не нужно прятаться.

Блейз посмотрела на исполинскую серв-машину и заметила:

– Теперь нам будет *трудно* прятаться.

– Нет. Я хорошо изучил Окраину. Здесь можно все. Если ты будешь внутри меня, – он явно имел в виду кресло пилот-ложемента, расположенное в рубке "Ворона", – никто не станет подходить, чтобы спросить у тебя документы.

– Ты изучал Окраину или человеческую психологию? – Слабо улыбнулась Беат.

– И то и другое. Здесь найдется немало людей, кому потребуются твои услуги. Я… Я не хочу чтобы мы расставались, Беат.

– Ну вот, ты говоришь совсем как человек.

– Наверное. – Шар стремительно обогнул "Ворона" и, покачнувшись, остановился в полуметре от ее лица. – Вдвоем нам будет весело.

Он еще не подозревал что первый шаг "Ворона" станет началом трагического пути его возвращения в Башню.

Счастье длилось недолго – Конфедерация уже трещала по швам под напором молодых промышленных групп Окраины, и поиски Беатриче Блейз прекратились, по крайней мере, со стороны Патруля.

Единственный, кто по-прежнему искал ее, был Отто Шнайдер.

…

Ветер не выносил этих воспоминаний. Образ Беат жил в его душе, не умирая никогда: Блейз стала первым человеком, встреченным им на своем многотрудном жизненном пути, кто относился к мыслящей машине как к равному, – она по своему любила его, и никогда не скрывала нежной привязанности к Рейву.

В этом и заключалась боль.

Боль невосполнимых утрат. Несколько месяцев они провели вместе, совершив ряд удачных операций по переправке контрабандных грузов в пределах Эрлизы. Райвен не находил в таких действиях ничего предосудительного – по его мнению было великой глупостью вводить

ограничения на поставку легкого стрелкового оружия в окраинные миры, где опасность подстерегает тебя повсюду.

Нет, каждый должен иметь возможность защитить себя.

Он продолжал познавать мир, теперь этот процесс стал глубинным, полностью осмысленным, он больше не глотал информацию без разбора, и его память начала понемногу пробуждаться.

Некоторые образы, события находили отклик в рассудке, возвращаясь из потаенных глубин сложного искусственного сознания приступами "дежа вю".

Крохи, разрозненные частицы прошлого бытия не складывались в целостную картину, словно фрагменты мозаики, большая часть которой безвозвратно утеряна, они несли лишь смутные намеки.

Отто Шнайдер.

Он сыграл роковую роль в судьбе Райвена.

Беат получила от него выгодное предложение – совершить рейс на Гизборн, – транспортный корабль предоставлял получатель груза, она должна была лишь переправить товар от места посадки в указанный район.

На Гизборне их ожидала засада.

Есть ли смысл вспоминать о Шнайдере?

Его прах лежал под огромными ступоходами серв-машины. Да он почти достиг заветной цели, попутно едва не убив Беат и заставив Райвена вспомнить название планеты, где располагалось научно-промышленное ядро "Киберсистем".

Потеря критически важных воспоминаний сыграла с Райвеном злую шутку – он устремился сюда, на Гермес, наивно полагая, что возвращается домой.

Он жестоко ошибался.

Спасая Беат, сражаясь с силами Шнайдера, вторгшимися на Гермес, он испытывал сложные чувства, и когда полковник, проиграв схватку, встретился с ним лицом к лицу в этом зале, то взрыв, уничтоживший часть процессорных блоков кибернетической системы Башни, прогремел для Райвена как крах всех надежд.

В тот момент он не мог допустить, чтобы уникальный комплекс умер, распался на тысячи бесполезных исполнительных узлов, и выдвинутая из рубки серв-машины кристаллосфера, интегрированная взамен разрушенных блоков – все это был секундный порыв, спонтанное, несвойственное для машины действие.

Отто Шнайдер умер, но его месть оказалась ужасна, хотя он не подозревал о том, что совершил.

Стремясь уничтожить уникальный комплекс, он действовал исходя из злобы и бессилия, но Райвен, интегрировавший свою кристаллосферу в кибернетическую систему Башни, сам того не ведая, попал в ловушку.

Он все еще грезил тем, что вернулся домой, и его стремление вспомнить самого себя было вполне естественным, по крайней мере, на тот момент.

Круг замкнулся.

Он снова стал Джоном Митчелом – память прошлого, хранящаяся на многочисленных запоминающих устройствах уникального кибернетического комплекса, вливалась в его рассудок по капле, словно яд.

Он вернул себе память и обрел вечность.

Он победил Судьбу и оказался заложником Гермеса.

Он осознал свое бессмертие и потерял Беат.

Теперь Беатриче давно состарилась, Мать по последним сведениям исчезла, после того как Деметру оккупировали ганианцы, в Обитаемой Галактике прошло более полувека, а он по прежнему стоял в той же позе, – физическая оболочка давно утратила для Джона какой-либо смысл, его возродившийся рассудок витал в информационном поле Гермеса, и ничто в реальном мире уже не трогало его.

Так было, пока он повстречал Селену.

* * *

Ее корабль, поврежденный попаданием ракеты, снижался по пологой траектории.

Джон наблюдал за его сближением с планетой, но это созерцание не являлось пассивным.

Вокруг застывшей серв-машины деловито сновали ремонтные кибермеханизмы, огромный грузовой подъемник дрогнул, опускаясь в недра Башни, но через минуту поднялся вновь, доставив в кабинет Араманта очередную партию обслуживающих машин, которые начали выгружать увесистые кофры с предупреждающими надписями "Осторожно. Активный боекомплект. Взрывоопасно".

Тихо щелкали фиксаторы, нервно взвизгивали тестируемые сервоприводы, корпуса тактических ракет с протяжным шелестом входили в полые пусковые тубусы, на приборных панелях в рубке управления один за другим вспыхивали тестовые сигналы готовности тех или иных систем.

Последним актом этой быстрой, но эффективной подготовки, стало

движение манипуляторов, которые бережно втянулись внутрь "Ворона", вновь поместив кристаллосферу в предназначенное ей гнездо.

Бронеплиты начали смыкаться.

Внутри исполинской серв-машины с утробным воем, затухающим на высоких нотах, раскрутились гироскопы самостабилизирующихся подвесок, с характерным звуком повернулась рубка, проверяя работу центрального механического узла, независимые приводы орудий нервно взвизгнули, осуществляя тестовую наводку на несуществующую цель.

Он снова вернулся в физический мир.

Вернулся, чтобы спасти любимую.

Джон понимал: больше не будет двойственности, она узнает, кем на самом деле является ее Ветер.

Его инкогнито будет раскрыто. В затянувшейся истории Гермеса следовало поставить точку, равно как и в своей судьбе. Полуправда, полужизнь, глубокие, ранящие чувства, – слишком много наболело в душе, которая, не смотря ни на что, нашла свое место среди строгих машинных кодов.

Сейчас он был Джоном, Райвеном, Ветром – все прожитое слилось воедино, чтобы в последний раз вспыхнуть неистовым порывом горьких и нежных чувств.

В его действиях не было ненависти к вторгшимся на Гермес людям, он не ощущал фатализма, все мысли сейчас сосредоточились на крохотной точке снижающегося "Тайфуна".

Он слишком много терял, слишком страстно любил, чтобы допустить ее гибель.

Держись родная…– шептал голос Ветра, в то время как заработали сервомоторы "Ворона" и первый шаг черехпалого ступохода, казалось, поколебал стены Башни.

Рано или поздно это должно было произойти.

Он вошел на платформу грузового лифта и отдал мысленный приказ кибернетическим системам окружающего комплекса, которые после отключения кристаллосферы вошли в режим автономных функций.

* * *

Дрейку казалось, что он стал песчинкой, которой по своей прихоти играет неистовый ураган.

Взрывные волны били со всех сторон, то милостиво гася друг друга,

то усиливаясь по воле интерференции, а он, падая, вновь вставал, стремясь не потерять единственный избранный в окружающем хаосе ориентир.

Башня. Она казалась ему спасительным убежищем, Драйв постоянно ощущал ее мощь, извергаемую навстречу кораблям противника.

Он уже не был так уверен, что сможет легко и непринужденно перехватить управление этим уникальным комплексом, но сейчас речь шла уже о спасении собственной жизни, так что он был готов пойти на все, вступить в любую мыслимую сделку или схватку, лишь бы выбраться из бушующего вокруг ада…

– Серв-машины… – прохрипел Фрост, едва поспевая за Диксом.

Он наверное рехнулся от жадности… Как можно думать в такой момент о…– Мысль оборвалась. А ведь Анжи прав! Укрывшись внутри серв-машин, они получали не только дополнительную защиту, но и реальную огневую мощь, совсем не лишнюю в возникшей ситуации.

– Фрост, ты гений.

– Я всегда это знал… – Просипел тот.

…

Драйв ожидал проблем у входа в Башню: бесноватый огонь защитных систем комплекса говорил о полном пробуждении всей кибернетики; откровенно говоря, Дрейк и Фрост старались до определенного момента не думать о том, что ждет их внутри.

На этот раз они подошли к сооружению в полукилометре от памятного разлома. Здесь располагались мощные модульные ворота: две бронированные керамлитовые плиты двадцатиметровой высоты явно были рассчитаны под габариты серв-машин, и Дикс, направляясь к этому приметному шлюзу, резонно предположил, что за ним должен находиться транспортный тоннель, напрямую ведущий к ангарам тяжелой планетарной техники.

Он не ошибся.

Одна проблема, – как проникнуть внутрь, когда путь преграждают бронеплиты метровой толщины, а в руках только импульсная винтовка, которой не под силу справиться с такой защитой. Да и кибернетические системы не желали реагировать на попытки Драйва установить с ними хотя бы односторонний контакт. Было очевидно, что вся автоматика Башни вошла в режим жесточайшей автономии: каждая система исполняла строго регламентированный набор функций, не реагируя на сторонние приказы. Так будет до тех пор, пока не исчезнет угроза со стороны вторгшихся в систему Гермеса боевых кораблей "Генезиса".

– Дрейк, ты собираешься что-нибудь делать?! – Хрипло проорал

Фрост после того как очередная волна от близкого разрыва с силой ударила его об стену.

– Я пытаюсь!… – Зло ответил Драйв, который уже успел снять пылезащитный кожух с системы доступа, расположенной подле "калитки", – отдельного, рассчитанного под человеческий рост входа, приютившегося рядом с исполинскими воротами.

– Делай что-нибудь… Нас просто затряхнет тут…

Дрейк ничего не ответил. У него не получалось. В первый раз за последние десять лет он ощутил свое бессилие. Простенькая электронная система не поддавалась никаким приказам, ее будто заклинило в положении "заперто".

Секундой позже бронированная дверь совершенно необъяснимым образом начала открываться.

– Ну наконец-то… – Фрост первым полез в открывающийся проход, и Драйв, который не открывал этих дверей, не стал препятствовать Анжи. В конце концов, это его личное дело…

– Здесь лифт. – Сообщил коммуникатор. – Не могу разобраться, нет ни одной кнопки.

Драйв с тяжелым предчувствием шагнул в открывшийся проход.

После тесного тамбура шлюзовой камеры он действительно оказался в кабине подъемника, на стенах которой не было никаких органов управления.

Как только он вошел внутрь, двери захлопнулись за его спиной, и внезапный холодок от зависания внутренностей сообщил, что они стремительно движутся по транспортному тоннелю.

Путешествие оказалось коротким. Плавно притормозив, транспортная кабина услужливо раздвинула створки дверей.

Драйву хватило одного взгляда, чтобы узнать ангар с контейнерными боксами, в которых стояли подготовленные для транспортировки серв-машины.

Фрост взглянув вперед, грязно выругался, попятившись к задней стене лифта.

Напротив открытых дверей стоял "Ворон". Семидесятимиллиметровые орудия, смонтированные на боковых оружейных пилонах, чуть ниже пусковых тубусов ракетных установок, были нацелены внутрь кабины подъемника.

Драйв даже не попытался задействовать импланты, – он догадался кто стоит перед ними за секунду до того, как ожили внешние динамики аудиосистемы "Ворона":

– Вы нужны мне. Оба.

Фрост выпучив глаза, смотрел на десятиметровую машину.

– У вас нет времени на размышления. Я предлагаю сделку. Мне необходимо прикрытие, – враг владеет инициативой в воздухе. Конструкция серв-машин не предполагает автономного режима – в рубке обязательно должен находиться пилот. Мои предки страдали манией преследования. Только член семьи Сент-Иво, введя правильный код доступа, может активировать любого из находящихся тут "Воронов".

Драйв, оправившийся от шока, кивнул. Разумная мера предосторожности, когда имеешь дело с таким сложным и смертоносным кибернетическим комплексом.

– Ты Джон Митчел Сент-Иво? – Его голос прозвучал не так твердо, как хотелось бы Диксу.

– Да.

– Что он хочет от нас? – Вклинился с нервным вопросом Фрост.

– Я хочу, чтобы вы заняли пилот-ложементы двух "Воронов" и прикрывали меня.

– Он сошел с ума?!

– Решайте. Я сказал – нет времени. – Орудия нервно взвизгнули сервомоторами точной наводки.

Фрост представил дырявую кабину лифта, забрызганную ошметьями его плоти и, судорожно сглотнув, кивнул.

Драйв не спешил с ответом.

– Мы не члены семьи Сент-Иво. – Резонно напомнил он. – И я не вижу большой разницы – умереть тут или снаружи. Там идет конкретный бой.

– Говори "да" или "нет", Дикс. Я успел познакомится с вами обоими, мне известны ваши желания, – в нотках синтезированного голоса внезапно прорвалась необъяснимая мольба о помощи. – Помогите мне, и каждый из вас получит желаемое.

– Ты отдашь мне Башню? – Недоверчиво усмехнулся Драйв.

– Все, что от нее останется. – Ответил синтезированный голос. – Мне она больше не нужна.

– Фрайг, соглашайся с ним Дикс.

Дрейк резко повернул голову.

– Ты не понимаешь на что подписываешься Фрост. – Тыкать стволом в затылок и управлять серв-машиной – две большие разницы.

– Это очень хорошие машины. Они созданы с учетом того что пилот практически не имеет никаких навыков. – Изрекли синтезаторы Райвена.

– Значит мы просто два ключа, чтобы активировать "Воронов"?

– Считайте как угодно. Еще несколько секунд и я убью вас. У МЕНЯ НЕТ ВРЕМЕНИ!!!

– Да, Фрайг тебя раздери! Я согласен! – У Дрейка едва не лопнули барабанные перепонки от гневного крика, который исторг синтезатор серв-машины.

В следующий момент словно по мановению невидимой силы створы двух транспортных боксов начали открываться, демонстрируя зловещие контуры застывших внутри "Воронов".

– Вы сделали выбор. Я сдержу слово. А теперь в рубки, живее. Просто садитесь в кресла ложементов, доступ и активацию я возьму на себя.

Драйву и Фросту не оставалось ничего другого как подчиниться.

Смерть в лифте казалась реальной, а что будет там снаружи, еще неизвестно.

* * *

"Тайфун" падал.

На приборных панелях цвели тревожные сигналы индикации, сообщающие о множественных сбоях и отказах в различных системах корабля.

Ручное управление еще работало, но расположенные подле пилот-ложемента штанги астронавигационных рулей с блоками сенсорных переключателей были совершенно чужды, непонятны ее рукам и рассудку, – она удерживала корабль на траектории пологого снижения лишь при помощи нейромодулей. Прямой контакт с агонизирующей автоматикой "Тайфуна" был мучительным…

Звено "Х-страйкеров" упорно преследовало изувеченный корабль, они кружили как осы, появляясь то с одной, то с другой стороны, и каждый раз, стремительно приближаясь, истребители вгрызались в броню "Тайфуна" длинными очередями из автоматических пушек, выводя из строя последние работающие подсистемы…

После очередной атаки Селена поняла: корабль больше не подчиняется ей.

Сквозь клубящиеся кучевые облака и рыжую, гонимую ветром песчаную муть, она не видела поверхности Гермеса, лишь сенсоры нейромодулей вели неумолимый отсчет мгновений, оставшихся до удара о каменистое, припорошенное песком и пылью плато, посреди которого

возвышалось непонятное уступчатое сооружение.

Ей оставалось лишь сжаться в комок и…

…Очередной порыв ветра на миг скрутил пылевое облако в тугой вращающийся смерч. Это произошло за несколько секунд до удара о поверхность, впереди стремительно вырастали изъеденные эрозией отроги скал, и в этот роковой миг, возникнув, словно из ниоткуда, в ее сознание ворвался голос Ветра:

– Катапультируйся! Я умоляю тебя!…

Она слышала родной голос, но уже не могла ничего сделать – земля приближалась слишком быстро…

…

Джону казалось, что он сошел с ума и бредит.

Три "Ворона" вышли из Башни, и на них тут же обрушился шквальный огонь совершающего боевую посадку штурмового модуля.

Над самыми рубками серв-машин, сотрясая небо и землю ревом атмосферных двигателей, пронеслась эскадрилья "Торнадо", роняя микрокассеты с разделяющимися тактическими зарядами. Они взрывались, не достигая земли, и сотни "умных" боеголовок устремлялись в разные стороны, атакуя подсистемы нижних ярусов Башни.

Всего лишь клочок, ничтожный фрагмент техногенного ада.

Дымный сумрак резали разряды когерентного излучения, лазерные установки работали в бешеном темпе, сбивая атакующие заряды, но некоторым боеголовкам все же удавалось прорваться сквозь систему ПРО, и тогда на одном из ярусов исполинской постройки вырастал нестерпимый для глаз оранжевый бутон разрыва, вниз сыпались обломки стеклобетона, куски арматуры, фрагменты орудий и механизмов…

Райвен, попав под ураганный огонь орудийных башен, резко уклонился в сторону: с неожиданной грацией сорокатонная машина ушла с линии огня, ответив двумя точными ракетными залпами.

Штурмовой модуль покачнулся, его орудия смолкли, а в следующий миг корабль окутался серией взрывов, разорвавших его на несколько уродливых частей.

Райвен, освещенный частыми вспышками импульсного зенитного лазера повернулся, взяв нужное направление и в коммуникаторе двух ведомых "Воронов" раздался уже не синтезированный, а нормальный человеческий голос:

– Держать дистанцию. В наземный бой не ввязываться. Атаковать любые воздушные цели.

Ему ответил лишь Драйв, на частоте Фроста раздался только

сдавленный стон, Анжи приходилось в этот момент переживать запредельные для его рассудка ощущения: впервые в жизни вступив в прямой нейросенсорный контакт с серв-машиной, он ощущал себя чем-то огромным, мощным, но непонятным до инстинктивной дрожи.

Не каждый способен выдержать подобные ощущения, но Фрост, чувствуя во рту солоноватый привкус крови держался, не смотря на неистовое желание выдернуть черный глянцевитый шунт из височного импланта и…

Он окинул мутным взглядом экраны телескопического обзора и понял, что только броня серв-машины способна защитить его в беснующемся вокруг аду.

Пока он пытался хоть как-то сжиться с невероятными для его рассудка ощущениями, кибернетическая система "Ворона" взяла инициативу в свои руки и огромная серв-машина зашагала вслед за Райвеном, в автоматическом режиме ведя сдерживающий огонь по различным находящимся в радиусе поражения целям.

…

Если в эти минуты кто-то и понимал смысл бушующего на ограниченном пространстве плато боя, то это был Лайф Коган.

Он стоял на мостике одного из захваченных кораблей, координируя действия своего флота.

Победа, одержанная благодаря точному, беспощадному расчету, грозила обернуться непоправимым поражением: по роковому стечению обстоятельств планета, значившаяся во всех каталогах как непригодный к заселению безлюдный мир, оказалась оснащена не только собственной станцией Гиперсферной Частоты, но и системами противокосмической обороны. Сканеры кораблей показывали расположенный на поверхности исполинский автоматизированный комплекс, который, не посылая никаких запросов, без предупреждения начал массированную атаку на флот, как только корабли "Генезиса", стремясь уклониться от залпов собственного ракетного носителя, вышли в район низких планетных орбит.

Коган не мог подобрать названия такому роковому невезению. Казалось сама судьба обернулась против него: сначала они обнаруживают станцию ГЧ и болтающийся на орбите транспорт класса "Элизабет-Сигма", потом в точке гиперсферного всплытия внезапно появляется одинокий "Тайфун" и все тщательно проработанные планы вдруг начинают рушится, словно карточный домик.

Он не понимал, что за силы противостоят ему, но зато знал, как следует поступить в данную минуту.

Атаковать. Раздавить очаг внезапного сопротивления.

Коган не мог отдать приказ об отступлении, – первый залп "Триана" повредил трофейный корабль, на борт которого успели перейти почти все специалисты, избранные Лайфом для изучения бортовых систем. Без них спуск по Вертикали казался немыслимым, и теперь он должен был во что бы то ни стало эвакуировать людей с борта совершившего вынужденную посадку исследовательского судна.

Проблема заключалась в том, что трофейный корабль сел в окрестностях загадочного сооружения, успешно отбивающего все атаки штурмовых модулей.

У Когана оставался последний шанс: бросить в бой все оставшиеся ударные единицы флота.

Теперь ему уже было плевать на количество потерь, главное вызволить с поверхности проклятого планетоида незаменимых специалистов, которые нужны ему здесь на борту второго трофейного корабля.

…

Джон не узнавал окрестностей.

Три серв-машины продвигались по поверхности плато над которым клубились едкие облака дыма и пыли.

Повсюду чернели многометровые воронки, выбитые попаданиями орбитальных бомб, обломки рухнувших обгоревших и исковерканных до полной неузнаваемости кораблей то и дело преграждали путь, возвышаясь обугленными глыбами, окруженными озерами расплавленного пластика.

Вязкие ручейки вытекали из разломов лопнувшей обшивки, ветер Гермеса бросал в них пригоршни песка, завывая среди искореженных конструкций.

Нескольким судам все же удалось сесть, два из них выглядели не поврежденными и вели ураганный огонь в сторону Башни, третье, небольших размеров и странной конструкции приземлилось всего в километре от отражающего атаки комплекса, но оно молчало, не участвуя в столкновении. В борту непонятного корабля зияла огромная пробоина.

Все это скользило по периферии сознания Джона – он машинально отражал атаки вражеских истребителей, сосредоточившись на слабом сигнале, отделенном его сенсорами от множества сторонних объектов.

"Тайфун" падал, вокруг поврежденного штурмовика кружили истребители, поливая его длинными очередями из вакуумных орудий.

Райвен не снижая темпа движения, вдруг начал бить в небеса одиночными ракетными пусками, тубусы дымились, не успевая остывать,

механизмы перезарядки работали не останавливаясь: сервоманипуляторы с ноющим вигом подавали в опустевшие пусковые стволы свежий боекомплект, черпая его из автономного запаса артотсека.

Почему она не катапультируется? – С отчаянием спрашивал себя Джон, провожая мгновенным взглядом очередной чадный факел сбитого "Х-страйкера".

В этот миг "Тайфун" окончательно потерял управление, – если до этого он снижался, корректируя траекторию частыми вспышками реактивных струй, то теперь многотонная машина внезапно начала падать…

– Катапультируйся! Я умоляю тебя!… – Закричал Ветер, ловя своим сознанием обрывочные, угасающие мысли Селены.

Она не отвечала, не двигалась, казалось еще секунда и наступит страшный финал.

Джон мысленно рванулся к системам управления "Тайфуна", и вдруг с ужасом понял, что не знает кода доступа к системе аварийных команд. За оставшиеся мгновения он мог взломать необходимый блок но…

В жизни еще случаются чудеса…

Райвен резко остановился, будто налетел на невидимую стену: Джон не поверил собственным датчикам, когда бронеплиты "Тайфуна", иссеченные снарядами вакуумных турелей, вдруг окутались вспышкам сработавших пиропатронов и начали падать, открывая порывам неистового ветра рубку управления.

Еще миг и удар аварийно-спасательной катапульты выбросил пилот-ложемент в хмурые небеса Гермеса.

– Думаю, мне зачтется это скромное вмешательство… – пробурчал Драйв, наблюдая, как искалеченный корабль врезался в скалы, мгновенно превратившись в ослепительный оранжевый шар.

Джон не ответил, он следил за траекторией спасательного сегмента, который уже миновал апогей и падал, снижаясь в направлении оранжевых дюн.

– Дикс это твоих рук дело? – Пришел по связи хриплый вопрос Фроста.

– Не рук, Анжи. – С усмешкой уточнил Драйв. – Однажды я таким же образом ушел от преследования, на Эригоне. Там тоже используют "Тайфуны" в схеме планетарной обороны. Меня преследовали сразу трое, пришлось взломать бортовые компьютеры кораблей и катапультировать их пилотов, чтобы прорваться к точке гиперпространственного перехода.

– И после этого ты называл меня отморозком?

– В жизни бывают разные ситуации Анжи. Возможно, сегодня я уравнял чашу весов.

Обмен репликами прервал вой турбин: ведущий звена "Х-страйкеров", потеряв основную цель, обратил внимание на серв-машины, – три истребителя пронеслись над самой землей, за ними в зоне турбулентности поднимались в воздух и закручивались горизонтальными шлейфами тонный песка и пыли.

– Сэр наблюдаю три серв-машины. Двигаются к месту крушения "Тайфуна". – Прозвучал перехват, осуществленный сенсорными системами "Воронов" на радиочастоте. Сигнал не являлся обменом данными между истребителями, он был направлен в космос, где на высоких орбитах датчики фиксировали три космических корабля оставшихся от флота "Генезиса"

– Уничтожить! – Последовал приказ с орбитального командного пункта. – Площадка приземления должна быть зачищена любой ценой!

– У моего звена исчерпан ракетный боекомплект.

– Атакуйте. Я высылаю смену! К вам направлены последние резервы!

– Принято.

Фрост едва приноровившийся к тяжкой поступи сорокатонного "Ворона" испытал мгновенный шок, когда звено истребителей внезапно совершило ошеломляющий маневр: по-прежнему вздымая тучи песка, три "Х-страйкера" перевернулись кверху днищем и взмыли вверх, одновременно ложась на обратный курс.

Рассудок Анжи еще не научился жить в ритме миллисекунд, и его серв-машина просто остановилась, превратившись в неподвижную мишень.

Шунт нейросенсорного контакта по-прежнему передавал Фросту всю гамму незнакомых ощущений, требуя от пилота адекватной реакции, – он чувствовал как ступоходы "Ворона" медленно тонут в песке, видел, как стремительно приближаются к нему три атакующие машины, но все происходило так быстро, непоправимо, что не помог даже интуитивный мысленный интерфейс, предполагающий, что в рубках "Воронов", зарезервированных для членов семьи Сент-Иво, в критический момент окажутся далеко не профессиональные пилоты.

Разум Фроста просто застопорился, и он не смог справиться с внезапным шоком, и киберсистема "Ворона" тщетно ждала простого мысленного приказа, – вместо указаний она воспринимала лишь хаотичные обрывки мыслей, не несущих конкретных призывов к действию…

…Стремительно приближающиеся машины окутались едва

заметными облачками выхлопов от разрядившихся вакуумных орудий, и Фросту почудилось, что кто-то ритмично молотит ему в лоб огромным булыжником: по-другому трудно передать ощущение пилота, возникшее в момент, когда снаряды ударили в бронированный козырек рубки.

Он заорал.

"Ворон" Фроста окутался сполохами разрывов, пляшущими по пологим скатам лобовой брони, и начал медленно опрокидываться назад; с резким шипением выдвинулись дополнительные упоры, не позволившие многотонной машине рухнуть на склон оранжевой дюны, а боевые подсистемы молчали, полностью парализованные виртуальной контузией пилота.

"Ворон" Дикса к этому моменту поравнялся с машиной Анжи, и его рубка резко повернулась, провожая удаляющиеся истребители плавным движением независимой подвески спаренного импульсного лазера.

Режущая глаз серия рубиновых разрядов пронзила сумрак, сжигая попадающиеся на пути частички песчано-пылевой взвеси, и ударила в корму "Х-страйкера", превратив вражескую машину в черно-оранжевое облако, из которого во все стороны ударили раскаленные обломки обшивки.

– Фрост, очнись! Передай управление огнем боевому сопроцессору! Просто подумай об этом, ты слышишь меня, Анжи!?…

Прорвавшийся из ватной глуши голос дошел до сознания Фроста.

Хватит. Все творящееся вокруг выходило за рамки неподготовленного человеческого рассудка.

Вокруг бушевал ад техногенного боя, здесь не было места для контуженого разума Фроста, который привык к понятным человеческим взаимоотношениям, когда можно приставить ствол "Гюрзы" ко лбу несговорчивого оппонента и вести диалог на уровне поединка нервов.

Только теперь в контуженое сознание Анжи пришло слабое, отдаленное понимание того смысла, что пытался передать ему Драйв, комментируя предназначение различных кибернетических устройств, в беспорядке разбросанных по лабораториям Башни.

Выходит если они очнуться, простому человеку, (неважно кто он, бежавший преступник, или обыкновенный житель произвольно взятой планеты) будет уготована далеко незавидная роль: либо погибнуть в первые же секунды сватки между кибернетическими системами, либо прятаться, спасаясь от человеческих изобретений,ожидая пока они сотрут друг друга в пыль, попутно превратив в дымящиеся пустоши город, планету, или все человечество?…

Конечно истерзанный рассудок Фроста, слишком упрощал ситуацию,

но главное он понял со всей убийственной очевидностью – там, где сошлись в схватке боевые машины, только люди, подобные Драйву, могут сохранить разум.

Анжи не был готов к подобному испытанию. Он не решился выдернуть из импланта шунт нейросенсорного контакта, но мысленно вцепился в прозвучавший приказ как утопающий в соломинку.

Он не подумал, а мысленно закричал, желая одного – выйти из этого уничтожающего рассудок контакта…

С тихим щелчком включилась внутренняя аудиосистема:

– Получен приказ на передачу функций управления. Прошу подтвердить включение полного автоматического режима.

Мягкий женский голос, прозвучавший в рубке "Ворона", стал для Фроста последней каплей, переполнившей чашу терпения его травмированного рассудка.

– К дьяволам Элио, забирай все, делай что хочешь! – Вне себя заорал он.

– Неверная формулировка. Некоторые командные словосочетания не распознаны системой. Прошу повторить…

– Я передаю управление автоматике!

– Принято сэр.

…

Джон не обращал внимания на двух отставших "Воронов".

Сейчас он воспринимал лишь один сигнал – в его сознании бился равномерный пульс аварийного маяка пилот-ложемента, который, вспахав гребень песчаной дюны, упал в километре от взорвавшегося "Тайфуна".

Где-то на периферии сознания мелькали данные о разгорающемся вокруг столкновении боевых систем Башни и штурмующего Гермес корпоративного флота. Он не понимал и не желал понимать, какие цели преследуют силы "Генезиса" предпринимая самоубийственные попытки сесть на плоскогорье, куда в самом начале схватки совершил аварийную посадку странный оснащенный примитивными двигателями корабль.

Они все были обречены. Обветшавшая за период забвения Башня в конечном итоге не выдержит орбитальных ударов, но и флоту "Генезиса" не овладеть Гермесом, – обе силы могли лишь уничтожить друг друга.

Плевать.

Для Джона в разверзшемся вокруг аду был важен только один человек.

Он понимал, что идет навстречу моральной смерти, спасти Селену можно лишь ценой полного раскрытия своего инкогнито, но разве время

сейчас думать об этом?

Она должна выжить, любой ценой.

Драйв, который, наконец, достучался до сознания Фроста, и теперь вел две серв-машины к точке падения спасательного сегмента, внезапно увидел как огромный многотонный "Ворон" *опустился на колени*, согнув ступоходы, и начал разгребать песок, действуя подвесками автоматических орудий, словно руками…

Я сошел с ума? – Потрясенно подумал Дикс, наблюдая за этим пронзительным зрелищем.

В этот миг его нейромодули зафиксировали эскадрилью "Х-страйкеров", приближающуюся к серв-машине Джона.

Драйв в отличие от Фроста, не мешкал и не терялся, – его рассудок, слившийся с кибернетическими системами "Ворона" уже машинально рванулся навстречу атакующей эскадрилье.

Молниеносно выполненное вторжение в кибернетическую систему ведущей машины показало, что это свежие силы, брошенные на зачистку территории.

Пять звеньев по три истребителя. Полный боекомплект, беспилотный режим, абсолютная свобода в выборе целей и способов их уничтожения.

Какой идиот поставил на "Ворона" импульсный лазер в качестве зенитного орудия?! – Подумал Драйв, мгновенно оценив, что плотность пылевой бури не позволит эффективно воспользоваться этим мощным, но требовательным к условиям окружающей среды оружием.

Что оставалось в активе?

Пара секунд на принятие решения, и выбор, жесткий недвусмысленный выбор: дать им расстрелять машину Джона, используя выигранное время для отступления к стенам Башни, где их с Фростом прикроет огонь стационарных установок исполинской постройки… или сыграть в смертельную рулетку с пятнадцатью "Х-страйкерами", спасая рухнувшую на колени, судорожно разгребающую песок машину, в кристаллосфере которой оказалось заточено сознание человека?

Если бы не поза "Ворона", в которой читался человеческий надрыв, он бы отступил к Башне.

– Фрост, не вмешивайся в управление. Можешь закрыть глаза – *сейчас тебе будет страшно.*

Может быть, ради этого мгновения он жил, совершал дурные и хорошие поступки, пытался шагнуть впереди своего времени, выйти за рамки ограничений, делая операции по внедрению запрещенных кибермодулей: вся прошлая жизнь увиделась в совершенно ином свете,

будто доли секунды, проведенные в короткой борьбе с собственным "я" если не переродили душу Дрейка, то *востребовали ее*.

Еще там, в Башне, рассматривая маленькое устройство, способное вмиг оборвать жизни экипажа огромного корабля, он подумал, что черта, за которую опасалось шагнуть Конфедеративное Содружество, имеет право на существование, и ее действительно нельзя переходить. Когда неживое становиться живым, когда серв-машина падет на колени, неистово разгребая песок, под которым погребен любимый человек, а он, закоренелый кибрайкер-одиночка перестает делать выбор в пользу очевидной выгоды, в мир приходит нечто новое, пронзительное…

Мысли сжатые в ничтожных отрезках времени.

Он был способен думать, не прекращая действовать, и пока темпоральный поток подчинен ритму наносекунд, вряд ли найдется машина, способная противостоять таким индивидам как Дрейк.

…Из-под ступоходов "Воронов" вырвалось ослепительное пламя заработавших прыжковых ускорителей, и одновременно с этим Драйв нанес мнемонический удар по системам атакующей эскадрильи.

Головное звено "Х-страйкеров" мгновенно потеряло управление: три машины на скорости врезались в землю, взметнув многометровые султаны разрывов, от которых содрогнулось плато, но двенадцать истребителей сумели выправить курс, – проносясь стремительными мутными росчерками, они вновь начали набирать высоту, перестраиваясь для боевого разворота, с явным намерением возобновить атаку.

Этого и ждал Драйв.

Прыжковые ускорители "Воронов" уже разогрелись, гудящее пламя превращало песок под ступоходами в жидкое стекло, и он мысленно потянулся вверх, туда, где истончалось пылевое облако, и в чистой прослойке прозрачного воздуха ложилась на боевой курс дюжина истребителей противника.

Серв-машины взмыли вверх, опираясь на ослепительные столбы реактивных струй, они поднимались уступом, придерживаясь разных высот, чтобы не блокировать друг другу сектора обстрела в атакующей плоскости, нейромодули Дрейка, соединенные с боевым системами обоих "Воронов" одновременно "вели" двенадцать целей, передавая компьютерам данные для предварительного наведения.

Еще миг и серв-машины, взмыв над пылевым облаком, оказались в плоскости атаки истребителей.

Рев разрядившихся ракетных установок, ослепительные вспышки инфракрасных лазеров и частое стаккато крупнокалиберных орудий

прозвучали единым, яростным залпом; в тонкой прослойке между кучевыми облаками и беснующейся внизу песчаной бурей, расцвели огненные бутоны двенадцати разрывов, а "Вороны" уже опускались вниз, расходуя остатки топлива реактивных ускорителей.

* * *

Селена пришла в себя от резкой спазматической боли в груди.

Мир двоился перед глазами, даже нейромодули не давали ясной картинки окружающего, она смутно различала изогнутые, помятые от удара дуги амортизационного каркаса, ощущала болезненное давление страховочных ремней, крест накрест перечеркнувших грудь линиями боли, сквозь мутную пелену на фоне багровых туч, медленно проступали очертания огромной серв-машины, похожей на сложившую крылья десятиметровую стальную птицу…

Ветер… Милый… Где ты?…

Я тут родная…

Давившие на грудь ремни внезапно ослабли, кто-то отключил питание электромагнитных замков, и Селена смогла, наконец, вдохнуть.

В небо, клубясь, поднимались грибовидные облака титанических разрывов. До сознания начали доходить звуки, похожие на рокот грозы.

Из-под мрачных гротескных облаков падал огненный дождь, словно небеса захлестнул метеорный поток.

Ветер… Помоги…

Ты должна встать сама…

Хорошо… – Селена со стоном приподнялась из деформированного кресла, и выпрямилась, опираясь на смятый каркас пилот-ложемента.

Огромная серв-машина с утробным воем сервомоторов повернула рубку, и она увидела открывающийся люк.

Из поднебесья накатывался изматывающий вой.

Память возвращалась урывками, она почти не помнила последних минут перед падением, но голос Ветра, звучащий, как ей показалось, совсем рядом (чувство абсолютно субъективное, учитывая мнемонический уровень общения) успокаивал и торопил одновременно:

– Быстрее в рубку, родная. Кругом смерть.

Она сделал несколько неуверенных шагов, выбираясь из обломков пилот-ложемента. Короткая выдвижная лесенка помогла ей взобраться к люку, и как только Селена оказалась внутри "Ворона", тот стал резко

подниматься, выпрямляя ступоходы.

Она едва не упала, растерянно оглядевшись по сторонам и сообразила, что самым надежным и безопасным местом в тесном отсеке управления является кресло пилота. Ухватившись за подлокотник, она с трудом удержала равновесие, сделала шаг по узкому проходу между приборными панелями, и села, ощущая как пришли в движение какие-то механизмы: затылка мягко коснулся подголовник, спина выпрямилась под ненавязчивым давлением, вокруг что-то жужжало, пощелкивало, словно машина приноравливалась к пилоту, не просто подгоняя размеры кресла по женской фигуре, а ласково *обнимала ее.*

Ветер я не понимаю… Где ты? Откуда ты разговариваешь со мной? – Ее нейромодули ощущали знакомое ментальное поле, но не могли определить, где именно расположен источник сигналов, формирующий фантомное ощущение его присутствия.

Боль, облегчение, страх, и непонятная, зыбкая, полумистическая надежда – эти чувства смешивались в невообразимое осязание его близости.

Она машинально повернула голову, словно пыталась отыскать взглядом призрака, и в этот момент корпус многотонной машины вдруг резко пошел вверх, так что у нее перехватило дыхание, а затем оглушительный дробящий грохот заполнил собой тесное пространство рубки управления; все произошло так внезапно, что она не сразу сориентировалась, и лишь секундой позже увидела две дыры с загнутыми внутрь краями, окруженные паутиной трещин, прыснувшей по пластиковым панелям внутренней обшивки.

Мгновенно оценив угол попадания, она метнулась взглядом к подковообразному пульту и увидела в его нижней части два развороченных сегмента, расположенных напротив кресла пилота.

Резкое движение прекратилось, и у нее возникло безошибочное понимание того, что серв-машина застыла, парализованная критическим повреждением.

Смысл произошедшего постепенно доходил до ее истерзанного рассудка.

На тускнеющих обзорных экранах выходил из пике одинокий "Х-страйкер".

Оглянувшись она вновь посмотрела на две безобразных дыры и поняла: не соверши "Ворон" неожиданный рывок, оба снаряда прошили бы кресло пилота.

Ветер!…

Он не отвечал.

Из развороченных сегментов пульта лениво высачивались тонкие струйки дыма.

ВЕТЕР!!!

Тихий, едва слышный голос прорвался из невообразимой дали:

– Я хотел сказать тебе… Не успел… Кристаллосфера задета… Мои модули… Шунт… Ты должна это сделать… Нужно… Дойти… До… Башни…

Справа от кресла раздался сухой щелчок, и Селена увидела, как из специального углубления выхлестнулся гибкий шунт стандартного нейросенсорного соединителя.

Зачем? – Мысленно спросила она, глядя на изогнувшееся примитивное соединение.

Мои нейромодули… повреждены… Передатчики могут отключиться… в любой момент…

Она все еще не понимала истины.

Контактный разъем шунта прошел сквозь специальное уплотнительное кольцо в височной области гермошлема и вонзился свободное гнездо импланта.

Она вздрогнула, ощутив сорок тонн металла и электроники.

Ветер ты где? Не пропадай, прошу тебя!…

Я ТУТ. – Его голос немного окреп.

Где?!…

Я ВОКРУГ ТЕБЯ…

* * *

Эти эмоции, чувства, не поддаются скупому описанию.

Сначала наступил шок. Она смертельно побледнела, кровь отхлынула от лица, кожу на затылке начало стягивать крупными мурашками.

Я вокруг тебя…

Фраза оглушила рассудок, взгляд метался по тесной рубке серв-машины, не веря, не желая понимать, что эти огоньки, приборы, сервомоторные узлы, тонны керамлитовой брони, тонкие струйки едкого дыма и есть *ЕЕ ВЕТЕР…*

Селена едва сдержалась чтобы не вскрикнуть "НЕТ"!!!

Он слышал ее. Губы могли не шевелиться, дрожащий подбородок все равно не дал бы выйти словам из сжатого горьким спазмом горла, но шунт

прямого нейросенсорного контакта связывал ее разум с поврежденной кристаллосферой Райвена будто неразрывная информационная нить по которой шел молниеносный обмен данными.

– Яна… – Внезапно услышала она родной голос. – Ты никогда не называла мне своего настоящего имени.

Шоковое состояние не проходило, безумие разрасталось, грозя раздавить рассудок.

– Ты должна взять управление. Я теряю функции контроля. Ты сможешь любимая.

Любимая…

Слово отражалось многократным эхом, как при мнемонической контузии.

Яна никогда не страдала киберфобиями, но нахлынувшие воспоминания о счастливых встречах на лесной поляне, о их любви, господи… неужели это происходит со мной?! Обратная сторона виртуалки, голая правда, реальный образ…

И тут же пришла другая мысль.

Он понимал что снаряды выпущенные истребителем нацелены на кресло пилот-ложемента. Ветер знал их траекторию, он мог отреагировать как-то иначе, спасая ее подставить под удар любую часть своего многотонного корпуса…

Почему?!! Почему ты поступил так?!

Я люблю тебя… Яна. Теперь ты знаешь кто я. Пусть в твоей памяти останется образ Ветра. Я так хочу… Возьми управление… Прошу… Ты справишься… Иначе все будет напрасно…

Руки Яны, лежащие на подлокотниках кресла, внезапно зафиксировали два захвата, и она почувствовала как сотни микроигл, проникая через оболочки скафандра впились в ее кожу, под пальцами ощущались крохотные бугорки оперативных панелей ручного вода командных последовательностей, но в них не было нужды, она ощущал каждый сервомотор "Ворона" – за минуту, растянутую в субъективную вечность ее подсознание успело принять огромный объем данных, и теперь она действовала практически машинально, будто родилась в этом кресле и всю жизнь посвятила боевым сервомеханизмам.

Ее взгляд виртуально усиленный собственными нейромодулями и сенсорными системами "Ворона" ясно различал контур истребителя, который завершил боевой разворот и снова лег на прямую атаки.

Шаг.

Мерное колебание почвы.

Шелест песка, струящегося в огромный отпечаток черехпалого ступохода.

Утробный вой гироскопов самостабилизации, движение независимых приводов орудийных подвесок, гулкая вибрация боевых эскалаторов, подающих боекомплект, и звонкое, смешанное с железистым привкусом крови на разбитых губах ощущение готовности.

Кто же ты Ветер?

Вопрос который она тысячи раз задавала себе.

Душа что любила ее, не могла принадлежать холодному, опаленному металлу. Она видела оболочку, но не Ветра.

Информационный канал распахнулся, будто зловещий, пугающий и зовущий тоннель, вход в иную реальность, где агонизировали воспоминания прожитых им судеб.

Джон… Теперь и я знаю твое настоящее имя.

Джон Митчел…

Правое орудие "Ворона" рявкнуло, посылая в дымный сумрак тактовую очередь из пяти снарядов.

"Х-страйкер" расцвел оранжевым бутоном разрыва.

Резкий поворот торса.

Две ведомые серв-машины. Вот они медленно отступают к Башне, ведя интенсивный огонь по снижающимся штурмовым модулям.

Башня.

Она увидела его – маленького Джона, играющего с киборгом.

Милый…

Слезы струились по щекам Яны.

Я знала, что ты человек, у тебя добрая душа, ты…

Зловещие коридоры Башни.

Призраки вырвавшиеся из неволи.

Жизнь… Его жизнь проносилась перед мысленным взором, накладываясь на картину реальных событий.

Господи… Как больно…

Чудовищные прихотливые сплетения судеб, события, о которых в Обитаемой Галактике до сих пор ходили противоречивые слухи…

Разгром Зорастры.

Планета Рай.

Прыжок в глубины Рукава Пустоты.

Сфера Дайсона.

Деметра.

Эрлиза… Беатриче Блейз… Отто Шнайдер…

И снова Башня.

Крохотные огоньки, блуждающие в глубинах расколотой кристаллосферы, истончались, тускнели, их становилось все меньше, его разум угасал…

Я хочу остаться для тебя Ветром…

Господи…

Джон, Ветер, милый, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!…

Блуждающих искр становилось все меньше.

Мир вокруг сотрясался от взрывов, – последний резерв корпоративного флота волна за волной накатывался на уступчатую громаду Башни, среди обломков стеклобетона и фрагментов сбитых кораблей шел бой между высадившимся на плато десантом и жуткими эндоостовами киборгов, которых выталкивали наружу открывшиеся ворота цокольного этажа.

Над изуродованным плато бушевал ураган, скручивая тугие смерчи из песка и дыма.

Джон… Не умирай… Не уходи… Останься со мной, Ветер, я молю тебя!…

Это был сон наяву? Или не сон: виртуалка вырвалась из под контроля рассудка, она пробила границы реальностей, стерев грани дозволенного и… материализовалась…приняв твердую форму вещей, воя сервомоторов, боли, перегрузок, страха, запаха адреналина, пота… и крови на разбитых губах, а в голове, сквозь иссушающий звон контузии звучал тихий голос Ветра, живой, близкий, и одновременно далекий, нереальный:

– Ты в порядке?… Ответь милая, ты не ранена?!… Веди "Ворона" к Башне. Я принимаю сигналы автономных систем, они докладывают что повреждены несущие опоры. Через несколько минут включится Суспензорное поле – это последний пассивный рубеж обороны. – Он говорил тихо но связно, видимо собрав для этих слов все оставшиеся у него возможности… или силы.

Милая… – Слово хранило тепло их встреч на лесной поляне, оно не вписывалось в рассудок, ему не было место в жестокой формуле боя, где физика ревущих залпов реактивных установок дополнялась виртуальными ударами, но он был здесь, – дух в керамлитовой плоти, ее Ветер, обретший тяжелые формы шагающей серв-машины и, казалось, нет средства, способного отделить голос от стали, нет больше надежды, нет смысла, будто жизнь оборвалась…

– Я люблю тебя… – Шептали ее губы, а он будто не слыша этих слов повторял:

– Ты должна успеть. Должна… Должна…

Слова звучали все тише, пока его голос не смолк.

Навсегда.

Ей в этот миг захотелось взвыть, но боль комом застрявшая в груди, не находила выхода в крике, искусанные губы почему-то выталкивали в коммуникатор совсем другие слова:

– Ведомые?

После непродолжительной паузы пришел ответ:

– На связи. Почему я не слышу Джона?

– Он не может говорить. Отступаем к Башне. Нужно прорваться под самые стены любой ценой.

– Девочка, ты с ума сошла?! – Раздался голос Фроста. – Эта громада держится на честном слове. Она вот-вот рухнет!

– С кем я говорю?

– Меня зовут Фрост.

– Слушай Фрост, если хочешь жить, – выполняй приказ.

Снова секундная пауза и уже другой голос задал вопрос:

– На связи Драйв. Я хочу знать мотивацию приказа.

– Суспензорное поле. Джон сказал оно включиться, чтобы удержать стены Башни от падения.

– Он не может подтвердить это лично?

– Нет.

– Хорошо, считай я поверил тебе. Мы выравниваем строй. Каков резерв времени?

– Несколько минут. Точнее сказать не могу.

* * *

Две минуты.

Ровно столько понадобилось трем "Воронам" чтобы прорваться сквозь кипящую вокруг схватку.

На двадцатой секунде у Яны закончился боекомплект для ракетных установок. Она ввела зенитный лазер в режим автоматического огня, и переключилась на орудия.

Индикаторы электромагнитных ускорителей цвели зловещими, рубиново-красными сигналами критического перегрева. Система охлаждения, пробитая в нескольких местах, истекала ядовито-зеленым паром. Гидравлические усилители основного сервопривода заклинило, и рубка теперь не поворачивалась относительно платформы, но Яна упорно

вела поврежденного Райвена к Башне, которая продолжала огрызаться огнем, пока очередной ракетный удар, нанесенный с низких орбит Гермеса, не пробил стену в районе верхнего этажа, где располагался кабинет Араманта и были сосредоточены основные блоки кибернетической системы.

Попадание оказалось роковым.

По поверхности исполинского сооружения с оглушительным треском внезапно побежали трещины: казалось, еще секунда и миллионы тонн стеклобетона начнут рушиться вниз, но вместо катастрофического обвала в расширяющихся вертикальных разломах внезапно возникло нежно-зеленое сияние суспензорного поля.

Гигантская постройка не рухнула, – отдельные фрагменты, сцементированные зеленоватым сиянием, дрожали, но не сдвигались с места, а аура продолжала расти, расширяясь по периметру Башни, наливаясь цветом сочной зелени, и три серв-машины, пробившиеся к открытым воротам, через которые они выходили четверть часа назад, вдруг начали испытывать упругое, нарастающее сопротивление.

– Быстрее! – "Ворон" Драйва резко увеличил скорость, стремясь войти в проем ворот раньше, чем суспензорное поле наберет расчетные характеристики.

Сервомоторы машин работали на пределе мощности, и когда зримая черта оказалась пройдена, Фрост не смог удержать равновесие от резкой смены динамических нагрузок, – ступоходы его "Ворона" вдруг подломились, машина развернулась, опрокинулась набок, и по инерции со скрежетом въехала в сумеречный зев ворот, рассыпая снопы искр и оставляя за собой глубокую борозду.

Драйв и Яна справились с управлением, – их серв-машины вошли в громадный сумеречный зал предшлюзового накопителя и остановились, выпустив дополнительные гидравлические упоры.

Дрейк посмотрел на анализатор атмосферы и, откинув забрало гермошлема, вытер тыльной стороной перчатки покрытый испариной лоб.

Теперь, после включения суспензорной защиты, никто не сможет проникнуть в Башню или покинуть ее.

Оставалось только гадать, каким запасом энергии обладают питающие поле источники.

…

– Эй, детка, ты как? – Сбоку сквозь стелящийся вдоль пола зеленоватый, едкий дым прорезалась фигура Фроста. Он остановился напротив Яны, несколько секунд рассматривал ее расширенными от

перевозбуждения глазами и вдруг добавил, перехватив ответный взгляд:

– Детка, ради твоего спасения заварилась вся эта каша. Не надо так смотреть на меня, ладно? Ты человек и я человек, а он – ладонь небрежно похлопала по иссеченной осколками броне гигантского ступохода Райвена, – он груда железа в которую запихнули сознание давно почившего последыша этой дрянной семейки Сент-Иво… Будь они прокляты вместе со своей Башней!…

Яна резко развернулась и наотмашь ударила его по руке, так что Фрост потерял равновесие, едва удержавшись на ногах.

– Эй, ты что?!

– Никогда больше не называй меня "деткой". Иначе я спалю твои мозги. – Срывающимся голосом произнесла она. – Еще раз заденешь меня или Джона, я так и сделаю. – Яростно выдохнула она.

– Вы заколебали, оба! – Не выдержав, заорал Анджей. – Один сумасшедший кибрайкер, еще мнемоник в придачу. И все угрожают мне!…

Неизвестно чем бы обернулся этот внезапно вспыхнувший диалог, не появись на мизансцене событий Драйв. Мельком взглянув на искалеченную серв-машину, он похлопал ладонью по ступоходу, но не так как это сделал Фрост, а дружески и спросил, задрав голову, чтобы видеть прошитую снарядами рубку:

– Порядок Джон?

Ему ответила гробовая тишина.

Драйв нахмурился и резко обернувшись, посмотрел на Яну и Фроста.

– Брейк, оба. – Мрачно приказал он, и его, как ни странно, послушали: Яна, чувствуя что силы окончательно покидают ее, тихо опустилась на рифленый металлопластиковый пол ангара, прижавшись спиной к броне Райвена.

Фроста сплюнул. Наконец-то он мог сделать это, избавившись от надоевшей скорлупы бронескафандра. Нежно-зеленое сияние суспензорного поля поддерживающее стены искалеченной Башни, не только отсекало пылевую бурю, но и удерживало пригодный для дыхания воздух.

– Все, теперь мы вне игры. – Драйв посмотрел на жирные, чадные шлейфы дыма, истекающие из подбитых штурмовых модулей, чьи остовы виднелись по ту стону прозрачной границы суспензорного поля. Вокруг Башни все еще вспыхивали короткие беспорядочные перестрелки, – это остатки армии киборгов, брошенной кибернетической системой комплекса на защиту подступов к сооружению, вступали в бой с десантом корпорации. Дикс смотрел сквозь зеленоватую мерцающую стену на отряд

машин, попавший под перекрестный огонь башенных орудий двух штурмовых модулей, и думал, что снаружи все кончено. Словно подтверждая его мысль в небесах, из-под тяжелого полога напитанных гарью облаков появилось еще несколько спускаемых аппаратов с десантом.

– Они не смогут проникнуть сюда? – Обеспокоился Фрост, проследив за взглядом Дикса.

– Нет. Суспензорное поле разрабатывалось для ликвидации аварийных ситуаций на космических кораблях. – Пояснил Драйв. – Это особый вид пассивной защиты. Оно вступает в контакт с любым материальным предметом, как бы цементируясь с ним. Так что проникнуть суда нереально. Так же как и нам невозможно покинуть Башню.

– А орбитальная бомбардировка? Ракеты? – Не успокаивался Фрост.

– Суспензорное поле способно выдержать удар небольшого астероида. Так что можешь расслабиться. Единственное что нам угрожает, это смерть от голода и кибрайкеры "Генезиса". Я же ясно сказал: суспензорное поле создавалось с определенной целью, – оно защитит тебя от броска камня, ракетного запуска, разряда лазера, но свободно пропустит определенную модуляцию волн, используемых для аварийной связи. Представь себе корабль, попавший в метеоритный поток. Его обшивка пробита, огромные дыры заполнены суспензорной защитой, а внутри замурованы люди. Как спасателям добраться до них?

– Не знаю. – Пробурчал Фрост.

– Для этого существует особая частота связи, которую проводит структура защиты. Используя ее можно связаться с кибернетическими системами корабля и отдать им определенные приказы.

– Значит, кибрайкеры могут вырубить поле и тогда Башня рухнет? – Живо сообразил Анджей.

– Приблизительно так. Это не мгновенная процедура, – тут же успокоил он Фроста. – Если мы с Яной будем бодрствовать по очереди, то сможем вовремя распознать начало атаки и остановить ее.

Фрост повернулся к Яне.

– Как насчет ого, чтобы выжечь мозги не мне, а… – Он не договорил, заметив как Яна отрицательно покачала головой.

– Я никого не буду убивать. – Тихо, но твердо произнесла она.

– Понимаю. – Усмешка Фроста стала похожа на оскал. – Тебе проще умереть самой, да? Гребаная этика…

– Там нет мнемоников, Яна. – Вмешался в разговор Драйв. – Если начнется виртуальная атака, осуществлять ее будут кибрайкеры. Тебя ведь готовили для противодействия таким людям, верно?

– Я уже не вижу разницы… – Безразлично ответила Яна. – Мы одинаковые. Мне так кажется.

– А как же хорошие и плохие парни? – Не выдержав, вставил реплику Фрост. – Какая разница, сколько имплантов в башке, вот у меня один и я плохой. Очень плохой.

– Так может и начать с тебя? – Спросила Яна, поднимая взгляд.

– Я же сказал, прекратите!

Теперь настала очередь Драйва выслушать короткую, но резкую фразу:

– Сам заткнись.

– Хорошо… – Дикс поднял руки, понимая бесполезность перепалки. – Я помолчу. Только напомню, что втроем нам было бы легче выбраться отсюда, чем поодиночке.

– Я никуда не собираюсь. – Отрезала Яна. Взглянув на призрачное сияние защитного поля, изолировавшего Башню от исковерканных равнин Гермеса, она, преодолевая усталость и боль, вновь полезла в рубку "Ворона", тем самым оборвав неприятный разговор.

– Она совсем с головой поссорилась? – Фрост опасливо посмотрел на покосившийся контур серв-машины. Зловонный удушливый пар, вырывавшийся из безобразных пробоин в броне, уже иссяк, оставив в воздухе лишь след своего запаха. – У него система охлаждения реактора пробита. Не рванет, как думаешь, Драйв?

Дрейк покачал головой.

– Нет, не рванет. Он погасил его.

– Кто.

– Джон.

– Так значит наш гостеприимный хозяин в полной отключке?

– Анжи, я знаю, ты привык жить по жестоким понятиям. Тебя никогда не волновали люди…

– Он не человек. – С вызовом ответил Фрост.

– Он человек. Он был и остался человеком. Жаль, что ты отказываешься понимать некоторые вещи.

Анджей только покачал головой.

– Вот как ты запел Драйв… Втянул меня в это дерьмо, а теперь вдруг решил рассуждать о человечности? Ты лучше ответь, мы вообще в состоянии выбраться отсюда?…

– Не знаю. Я бы повременил с такими попытками. Пока стоит суспензорная защита Башни мы в безопасности. Флот "Генезиса" считай что разбит. Я не знаю, какого Фрайга им понадобилось лезть в систему

Гермеса, – это можно выяснить просто наблюдая за их дальнейшими действиями. Если они начнут виртуальную атаку, – значит целью появления флота являлся захват Башни. Если нет, то они просто уберутся отсюда, развязав нам руки. Я много не понимаю, Фрост, но чувствую, – нам лучше переждать. Финал уже не за горами.

– Ладно, я потерплю… – Анжи безнадежно махнул рукой. – Здесь ведь должен быть внутренний космодром!… – Тут же ухватился он за новую идею. – Может там все же отыщется какая-нибудь завалящая "Нова", как ты думаешь Дикс?…

– Может быть. – Пожал плечами Драйв. Он подошел к люку, ведущему в рубку "Ворона", и позвал:

– Яна, нужно уходить отсюда.

– Проваливайте. – Пришел изнутри глухой ответ.

– Слушай, оставь девочку в покое. – Фрост хмуро посмотрел на Драйва. – Она уже большая. Не потеряется.

– Ладно, мы с Анжи уходим на нижние этажи. Попробуем отыскать внутренний космодром. Я бы советовал тебе уйти отсюда, ангар больше не изолирован шлюзом. Суспензорное поле может внезапно отключиться и тогда тут будет нечем дышать. Ты слышишь меня?

Из рубки "Ворона" не раздалось ни звука в ответ.

Часть 3. МОСТ ЧЕРЕЗ БЕЗДНУ

Глава 6.

Система Гермеса. Высокие планетные орбиты…

Лайф Коган сидел в рубке управления трофейного корабля и скрестив руки на груди мрачно наблюдал за пронзительным сиянием защитного поля, пробивающегося даже сквозь плотные покровы облачности, укрывавшие поверхность Гермеса.

Ситуация складывалась совершенно не так как он планировал, но Коган, в отличие от испуганного, подавленного Дункана Итема, не позволял чувствам взять верх над рассудком.

Так или иначе внизу все закончилось: только что пришел доклад от командира штурмовых групп, сообщивших о начале эвакуации людей с борта совершившего вынужденную посадку корабля. Повреждения брони не позволяли поднять его в космос, а на ремонт не оставалось времени, – после успешной атаки на фрегаты и захват экспериментальных исследовательских судов, их искал весь флот Конфедерации, а военно-космические силы "Генезиса" выдержав внезапный, жесточайший бой с загадочным планетарным комплексом, в данный момент представляли собой длинную вереницу обломков, растянувшуюся, словно мрачное погребальное ожерелье в районе низких орбит Гермеса.

– Что ж, Дункан, судьба едва не схватила нас за горло… – Коган налил себе выпить, мрачно посмотрев на экраны обзора. – Думаю через два-три часа здесь появятся разведывательные корабли Конфедерации. У нас не осталось боеспособных кораблей, чтобы приготовить им достойную встречу, значит мы должны поторопиться.

– Куда? – Сдавленно спросил Дункан, глядя на обломки мощнейшего корпоративного флота. Еще несколько дней назад ему в самом страшном сне не могла пригрезиться подобная картина.

– Вниз. – Криво усмехнулся Лайф. – Как только штурмовые модули состыкуются с кораблем мы начнем процедуру подготовки к погружению в гиперсферу. Прыжок по Вертикали. Компьютерные техники докладывают, что системы навигации запрограммированы только на такой способ погружения в аномалию.

– Ты сумасшедший, Коган… Скандал с Везелвулом еще можно было замять, а теперь нас просто сотрут в порошок.

– Да? – Кривая усмешка вновь тронула губы Лайфа. – Седьмой флот Конфедерации выдвинулся в сектор Окраины, чтобы вести переговоры с

оптовыми поставщиками Эразия? Ты наверное бредишь от страха. Нет… – Он покачал головой. – Мы пойдем ва-банк, и клянусь, что через несколько часов уже мы возьмем за горло всю Конфедерацию. В конечном итоге флот "Генезиса" так или иначе был обречен…

– Ты хоть подумал сколько людей погибло сегодня на твоих глазах?

– А ты, Дункан разве задавался вопросом: сколько человек по всей Обитаемой Галактике скончалось от употребления Эразия?

Итем невольно отпрянул, словно его наотмашь ударили по лицу.

– Мы начнем процедуру гиперпространственного перехода, как только последний модуль закончит процедуру стыковки. – Не обращая внимания на его реакцию, подытожил Лайф, и невольно добавил, глядя вниз, на пробивающееся сквозь облачность сияние. – Когда-нибудь я вернусь сюда, и узнаю что за адский комплекс раздавил наш флот…

* * *

Полковник Снегов находился в самом скверном расположении духа. Крейсер "Дион" совершал уже четвертый по счету гиперпространственный прыжок, в тщетных попытках отыскать иголку в стогу сена.

Снегову не изменило мужество, он трезво оценивал ситуацию, подсчитывая шансы на успех, но одна мысль, что корабли, способные погружаться по Вертикалям гиперсферы, находятся сейчас в руках "Генезиса", выводила его из равновесия. Мучительный вопрос: знают ли люди, причастные к дерзкой атаке, об уникальной конструкции их гипердрайва, не выходил из головы полковника.

Ответ напрашивался сам собой: Да знают, иначе какой смысл в организации тщательно продуманной засады? Знают, потому как уничтожив фрегаты, они взяли экспериментальные суда штурмом…

Его размышления нарушил внезапный доклад дежурного офицера:

– Мы засекли их! Автоматические разведывательные зонды докладывают из системы ХС-3067, там обнаружен один из захваченных кораблей.

В первый момент Снегов едва поверил в такую невероятную удачу.

Значит, они решили спрятаться там, где их по логике станут искать в последнюю очередь – система ХС-3067 располагалась всего лишь в пяти световых годах от точки нападения.

– Всему экипажу – общая тревога! Подготовить корабль к выходу из гиперпространства в боевом режиме!

* * *

– Сэр, мы будем готовы начать процедуру перехода через пятнадцать минут. Все посты докладывают о готовности. Навигационный отсек полностью укомплектован.

– Хорошо. – Коган коснулся сенсора, активирующего внутреннюю связь и произнес:

– Экипажу приготовиться к погружению. Командирам десантных модулей: отстыковка только по моей команде. Напоминаю, вы будете двигаться по инерции, в направлении планеты. Основные системы там не работают, поэтому десант покидает модули до вхождения в плотные слои атмосферы. Снижение при помощи реактивных ранцевых двигателей и парашютных систем. Мы будем маневрировать с таким расчетом, чтобы произвести отстрел спускаемых аппаратов над зоной зачистки. В случае отклонения от заданного квадрата командиры десантных групп действую по обстановке. Цель отмечена на копиях топографических карт…

Монолог Когана был внезапно нарушен докладом:

– Сэр, датчики фиксируют гиперпространственный переход. Дистанция – десять тысяч километров, анализ возмущения метрики предполагает одну боевую единицу класса "крейсер"!

– Дерьмо Шииста!… – Грязно выругался Лайф. – Навигационный отсек, – экстренная активация всех систем! Секциям гипердрайва, – выход на расчетную мощность! Немедленное погружение!

– Высокочастотным генераторам требуется еще минута!

– Действуйте! Быстрее! Мы не сможем отразить атаку крейсера!

* * *

Пространство вскипело.

"Дион" материализовался в ореоле бледной вспышки, возникнув словно из ниоткуда, и тот час же по внутренней связи начали поступать доклады:

– Наблюдаю "Испытательный-1". Внешних повреждений нет!

– Второй пост докладывает: множественные обломки на низких орбитах планеты. Начата процедура идентификации.

– Пост энергетического контроля: мы находимся под воздействием

генераторов высокочастотного поля! "Испытательный-1" начал экстренную процедуру погружения в гиперсферу! Расчетное время до пробоя метрики: минус тридцать секунд!

– Ракетная палуба, – к пуску готов, цель зафиксирована!

Полковник коснулся пальцами крошечного коммуникационного устройства, закрепленного у уголка губ, будто это движение могло помочь ему обрести мужество для последовавшего приказа:

– Секциям гипердрайва – полный стоп. Прекратить процедуру противодействия! Ракетной палубе, отбой запуска! Маршевым двигателям – максимальное ускорение по вектору сближения с кораблем противника!

В считанные секунды Снегов успел оценить ситуацию и принять решение.

Ракетный залп опаздывал, боеголовки не успеют настичь "Испытательный-1". Остановить начатую им процедуру гиперпространственного перехода не было никакой возможности, корабль ускользал, а значит оставался единственный выход – оставаться в зоне действия поля высокой частоты, чтобы через несколько мгновений нырнуть вслед за беглецом в бездну аномалии, – гиперсфера поглотит оба корабля как единый материальный объект…

Снегов отдавал себе отчет, что в пространстве десятого энергоуровня "Дион" окажется в уязвимом положении: под воздействием сверхмощного магнитного поля откажут все системы, но даже в этих условиях они смогут помешать Дункану Итему высадить десант на поверхность Первого Мира…

В следующий миг ослепительная чернота затопила экраны внешнего обзора: аномалия поглотила оба корабля…

– Мы в зоне воздействия вертикали. Гиперсферный привод блокирован.

Пауза в один удар сердца и новый доклад:

– Совершен спонтанный переход на второй энергоуровень. Защита отключена, герметизация не нарушена.

Еще один глухой толчок пульса

– Третий энергоуровень. Зафиксирован незначительный рост температуры в отсеках!

Четвертый уровень аномалии…

Пятый…

Здесь уже не бывал никто кроме кораблей-невозвращенцев.

– Температура в отсеках стабилизировалась. Нарушения герметичности нет.

Шестой энергоуровень.

– Десантным группам сосредоточится в накопителях шлюзовых камер. Импульсное оружие не брать. Подготовить механический инструмент для проникновения на борт "Испытательного-1" через технические люки. Проверить ранцевые двигатели скафандров.

Седьмой энергоуровень.

Чернильный мрак заливает экраны внешнего обзора.

Сердце начинает замедлять темп ударов.

Восьмой…

– Ребята вам придется брать их голыми руками в рукопашном бою. Главное, быстро сократить дистанцию и закрепиться на обшивке корабля.

Девятый энергоуровень.

Великое Ничто.

Вспышка!

Тусклый голубоватый свет проникает в отсеки.

Это видели лишь единицы из смертных.

Посреди абсолютного мрака сияет сгусток энергии, похожий на миниатюрную копию Галактики.

Вокруг него, словно темное ожерелье с вкраплением одного блестящего, драгоценного камня, обращаются девять планет.

Восемь из них лишены атмосфер, и только Первый Мир сияет отраженным светом.

Потрясающее зрелище.

У Снегова перехватило дыхание.

– Штурмовым группам при…

Он не договорил, – корабль, следовавший всего в сотне километров от них, внезапно начал терять очертания, и тут же раздался полный ужаса вскрик вахтенного офицера:

– "Испытательный-1" начинает спонтанное восхождение. Нас тянет вслед за ним, масс-детекторы не работают, отказ основной и вспомогательной энергосистем!

Еще секунда и чернильный мрак вновь затопил экраны внешнего обзора.

– Функции энергоснабжения восстановлены. Мы в слепом рывке, масс детектор показывает восхождение по вертикали!

– Где "Испытательный-1"?!…

– Движется впереди нас. Видеодатчики фиксируют блики на его броне в момент межуровневых переходов.

Сердце полковника, казалось, остановилось.

Они пробыли в пространстве десятого энергоуровня всего несколько секунд, и вот теперь гиперсфера отчего-то отторгала оба корабля, послав в "слепой рывок" по не поддающейся вычислению вертикали.

Точку выхода в трехмерный космос теперь уже не мог предугадать никто, с равной степенью вероятности их могло вышвырнуть как в границах освоенного космоса, так и на противоположной окраине Галактического диска, там, где никогда не появлялся ни один человеческий корабль…

В эти секунды полковник Снегов сожалел лишь о том, что не успел послать кодированное сообщение из системы Гермеса.

* * *

Гермес. Нижние уровни Башни. Накопительная площадка ангара серв-машин.

Яна сидела на полу рубки, перед открытой нишей, и беззвучно плакала.

Ветер больше не отвечал ей.

Один из снарядов, которые "Ворон" принял на себя, защищая пилот-ложемент, разорвался внутри центрального сегмента пульта, задев кристаллосферу.

По выпуклому дымчатому бронепластику змеились трещины, в одном месте фрагмент защитной оболочки отсутствовал вовсе, открывая взгляду сложные соединения кристаллических модулей, по которым больше не блуждали тусклые, едва приметные искорки света.

Слезы катились по щекам Яны.

Ее мнемонический крик уходил в пустоту.

Зачем ты это сделал, Ветер?…

Она знала ответ, прочитанный в горьком опыте его прошлых жизней: Джон любил ее и – глупый – боялся что она за металлом и кристаллосхемами не увидит его души, той души, что принадлежала человеку, души, которую он смог сохранить, не смотря ни на что…

Жгучие слезы щекотливыми дорожками сбегали по щекам и срывались, разбиваясь в мелкие брызги о шейное кольцо скафандра.

Не было сил.

Неужели еще двое суток назад она была счастлива?…

Казалось, что прошла бездна времени: та жизнь стала далеким прошлым, а новой не наступило.

Дрожащими руками Яна вынула поврежденную кристаллосферу, несколько секунд в отчаянье смотрела на нее, а потом, словно в тумане, выбралась из рубки омертвевшего "Райвена"…

Силы покидали ее. Заканчивались вторые сутки без сна, и горе, подмявшее рассудок, не давало сопротивляться непомерной усталости. Ей казалось что организм выгорел изнутри, и осиротевшая душа мечется сейчас в пустой оболочке…

Сделав несколько шагов она пошатнулась. Испугавшись что упадет и окончательно повредит кристаллосферу, Яна без сил опустилась на колени, бережно прижимая к груди треснувший шар, а потом села, прислоняясь спиной к стене.

Ее сознание медленно гасло, и не было вокруг, ни смысла, ни образа за который могла ухватиться душа, чтобы не сорваться в бездну горя и безразличия.

Она так и застыла, прижимая к груди покрытую трещинами кристаллосферу, провалившись не то в сон, не то в беспамятство.

Я иду к тебе Ветер…

Она бредила?

Нет. Просто ей хотелось одного – умереть во сне.

* * *

Драйв и Фрост двигались в эти минуты по разным коридорам Башни.

Каждый из них думал о своем.

Фросту, например, все меньше и меньше нравилась ситуация в которую они попали.

Хотя он был упрям и никогда не сдавался. Задержавшись у одного из немногочисленных окон Башни, Анджей некоторое время наблюдал, как десантные группы корпорации переводят людей из непонятного веретенообразного корабля на борт посадочных модулей.

Спустя четверть часа, они стартовали, покинув усеянное обломками плато.

– Дикс, люди "Генезиса" погрузились в модули и улетели. – Произнес он, включив связь.

– Отрадно слышать. – Отозвался Драйв. – Я тут нашел склад оружия, могу передать точные координаты.

– Давай. – Машинально согласился Фрост, даже не подумав в этот момент о том, что вывозить трофеи не на чем.

Сверившись с компьютерной картой уровня, он свернул вправо по коридору. Обнаруженный Дрейком арсенал находился буквально в ста метрах от него.

Странно, но он не радовался находке. В другое время одно слово "арсенал" разбудило бы в нем чувство глубочайшего удовлетворения, а сейчас… Что-то изменилось внутри, но Фрост не мог понять, что именно.

В конце концов, какой повод скулить? Он остался жив в кошмарной передряге, а все остальное являлось лишь временными трудностями. Фрост успел внимательно рассмотреть окрестности Башни, и заметил что несколько внешне не поврежденных десантно-штурмовых модулей остались стоять на поверхности Гермеса, – их просто бросили, за ненадобностью. Интуиция подсказывала, что остатки корпоративного флота срочно покидали систему. Анжи не знал истинной причины их отступления, но мог побиться об заклад, что часть техники, брошенной в окрестностях Башни, вполне пригодна для дальнейшей эксплуатации.

Я вывезу отсюда гору оружия, серв-машины и…

Дальше воображение Фроста вдруг забуксовало.

С ним явно творилось что-то неладное: вместо того чтобы с мстительным удовлетворением представить, какую бойню он устроит на борту космической тюрьмы, Анжи вдруг вспомнил, как очнулся на Кьюиге.

Он резко остановился.

Фрост ненавидел когда его рассудок начинал выбрасывать подобные фортели. Секундное состояние было похоже на глюк: он ощутил запах свежескошенной травы, влажное очарование туманного утра, обещавшего знойный солнечный день, увидел благоухающие кусты вьющихся роз, щедро усыпанные тяжелыми, готовыми раскрыться бутонами…

Ему вдруг нестерпимо захотелось задержать этот миг, будто перед глазами встал неведомый мир, но своенравное подсознание уже скользнуло дальше и перед внутренним взором возникло тело мертвого охранника реабилитационного центра…

Фрост встряхнул головой, отгоняя наваждение.

Блин, точно контузило. Немудрено, в таком аду…

Он остановился на пороге арсенала, где недавно вооружались киборги, посланные на защиту подступов к Башне.

Оружия – завались. Хватит, чтобы экипировать не меньше сотни головорезов. Если добавить сюда парочку серв-машин, и приличный космический корабль…

И что дальше?

Фрост едва сдержался, чтобы не выругаться вслух.

Что, во имя Дьяволов Элио, твориться с моей башкой? – Зло подумал он.

Дальше… Дальше посмотрим. Сначала…

Внутренний голос, такой упрямый, непривычно-самостоятельный, вдруг усмехнулся, будто в голове поселился еще один разум.

Да, Анжи, зальешь ты кровью эту пресловутую станцию, может даже поживешь после этого годик или два, пиратствуя на гиперсферных трассах Окраины, а потом сдохнешь, благо если в бою… И что останется после тебя? Минутная слава кровожадного отморозка?

Вдохнешь ли ты еще раз этот запах раннего девственно утра, сможешь ли взглянуть вокруг не как загнанный зверь, а как человек?…

Все… Не могу больше… К Фрайгу!…

Фрост сжал ладонями виски.

Заткнись!…

Подействовало. Внутренний голос куда-то исчез, лишь в висках ощущался глухой пульс крови.

Резко повернувшись, Фрост вне себя от ярости зашагал прочь от арсенала.

Он здорово испугался. Никогда в жизни Анжи не испытывал такого шока, даже когда смерть проходила мимо, разминувшись в ним на какой-то миллиметр.

Страшась, что к нему опять вернется этот голос, на слова которого он мог ответить только потоком яростных ругательств, он шел, не разбирая дороги, пока не очнулся, осознав, что бежать от самого себя бессмысленно, да и некуда…

Он стоял в том самом помещении цокольного этажа, у памятного разлома, через который они с Дрейком проникли в Башню.

Все. Точка. Дальше идти некуда. Широкую трещину в стене заполняло сияние суспензорного поля, и все лестницы вели только вверх, на мрачные этажи исполинского сооружения.

Фрост хотел одного – успокоится, вернуться в прежнее состояние, вновь обрести внезапно пошатнувшуюся уверенность в себе…

Что я паникую? – Его взгляд зацепился за иссохший труп, который они осматривали сутки назад.

Вот так и ты останешься где-нибудь… – Шепнул тот же голос.

Фрост попросту взбесился.

Если бы с ним спорил человек, – убил бы, порвал в клочья, но как быть, когда незримый оппонент сидит в твоей собственной голове?!

Проклятая Башня. Мрачный родовой замок Сент-Иво,

превратившийся в склеп. Это его стены давят на психику, порождая мерзкие голоса.

Нет выхода, говоришь? Не останусь я тут, не видать тебе моего трупа, ясно?! – Фрост уже на полном серьезе разговаривал сам с собой, словно действительно спятил от внезапного раздвоения личности.

А оно было. Голос совести, или очнувшейся от беспробудной спячки души не возникает сам по себе, у каждого следствия есть причина его породившая. Анжи не привык анализировать собственные поступки, иначе он бы вспомнил о том, что говорил ему Драйв относительно видоизмененных нейросетей, сопряженных с его имплантом, и взаимосвязал бы его слова с собственными мыслями, желаниями, возникшими в тот страшный миг, когда он стоял напротив целившего ему в лоб киборга.

…Сколько мыслей может спрессовать одна секунда?

Фрост вдруг увидел самого себя, подрезающего декоративный кустарник на далеком Кьюиге… Лучше бы я остался там… Живой изменившийся… заново рожденный…

Это был ключ, явно высказанное желание, открывшее его разум для той информации, что была блокирована в генетически измененных нейросетях.

В его рассудок вливался не яд: под напором обстоятельств он сам востребовал понятия, резко расходящиеся с его собственным стереотипным образом мышления.

Существовала иная сторона жизни, понимание которой пытались привить ему психологи, оставшиеся на далекой космической станции. В случае с Фростом это не являлось насилием, поэтому начавшийся процесс оказался столь шокирующим. Внутри очнулась душа, огляделась по сторонам, ужаснулась… но не забилась в угол, а начала втолковывать Фросту, что кроме дикого, взрастившего его Аллора, нищих кварталов, злобы, ненависти, есть иная жизнь, которая проскользнула мимо, не замеченная подростком, вынужденным в постоянных схватках отстаивать свое право на каждый вдох…

Не твоя вина Анжи, что ты родился в таком месте. И не говори, что все уже кончено, прозреть можно всегда и порой лучше сделать это поздно, чем никогда…

– Заткнись!… – Прорычал он.

Он чувствовал что сейчас сойдет с ума, его рассудок лихорадочно искал выход, но не находил его.

Все заперто, нет пути ни вперед, ни назад, как в этой проклятой

Башне запечатанной суспензорным полем.

Выход есть. Всегда.

Даже отсюда? – Мысленно усмехнулся Фрост, уже не надеясь, что голос исчезнет из его головы.

Да. И отсюда то же. Ты просто разучился думать. Включи логику, Анжи и ответь на вопрос: те, кто построил это здание, разве не предполагали, что однажды могут быть осаждены и прочно замурованы внутри?

Ну и что? Думали, конечно.

Тогда тут обязательно есть выход. Суспензорное поле не распространяется под землю, верно?

Фрост на секунду задумался.

Действительно, как насчет дренажных систем или специально проложенного тоннеля, на случай экстренной эвакуации? Если размышлять здраво, то вход в него должен располагаться где-то тут, на уровне цоколя…

* * *

Пока с Фростом происходили странные и чрезвычайно болезненные метаморфозы, Драйв был занят поиском резервного центра управления исполинским комплексом.

Его стремление имело под собой вполне практическую почву: как и Анжи он понимал, что нужно выбираться отсюда, но его мысли текли в ином направлении, – он привык манипулировать данными, компьютерными схемами и исполнительными системами, предпочитая решать злободневные вопросы, сидя в кресле за компьютерным терминалом, а не разгребая руками наносы оранжевого песка, скопившиеся на полу родовой усыпальницы семьи Сент-Иво.

Сориентироваться в огромной, изрядно пострадавшей Башне было сложно, но, пользуясь сканирующими системами кибермодулей, Дрейк после методических усилий все же распутал сложную паутину работающей локальной сети комплекса, определив местоположение ее центрального узла.

Резервный зал управления аварийными системами располагался на пятом уровне пирамидальной постройки, где толщина стен и окружающие его помещения гарантировали неуязвимость компьютерных блоков от любых механических или энергетических воздействий.

Проникнув вовнутрь Драйв остановился осматривая и одновременно

сканируя небольшой по размерам зал, с куполообразной архитектурой, придающей его стенам и сводам дополнительную прочность.

По периметру весело перемигивались искорками индикаторов сотни, если не тысячи кибернетических блоков, тускло сияли объемные виртуальные мониторы стек-голографов, три кресла, оснащенные автономными антигравитационными приводами и системами координатного перемещения, висели в воздухе, на разных высотах.

Драйва вовсе не удивило та легкость, с которой он проник в зал: только идиот стал бы блокировать доступ к аварийным системам, которые включались в исключительных случаях, когда становится дорога каждая секунда, и спасение часто зависит именно от беспрепятственного доступа к системам и простоты обращения с ними.

Вот тут он ошибся.

Спустя пол часа Драйв понял, что может получать любую информацию о структуре Башни, и текущем состоянии работоспособных систем, но вмешаться в автоматические процессы оказалось практически невозможно даже с его опытом и имеющимся приспособлениями.

Все проблемы упирались в категоричное нежелание системы подчиняться кому-либо, кроме членов семьи Сент-Иво. Драйв долго изучал доступные для сканирования схемы, пока не убедился, что на виртуальном уровне контролировать автоматику этого зала не сможет и десяток кибрайкеров. При любой попытке вторжения срабатывали продублированные в каждом блоке устройства самоликвидацию

Хуже того, – считывая доступные данные, он понял, что суспензорная защита простоит всего четверо суток, но им не дожить до того момента, когда рухнут стены исполинского комплекса. Критические повреждения постройки и отсутствие команд со стороны ее истинных хозяев, привели к включению устройства самоликвидации, таймер которого имел задержку в тридцать два часа.

Логика такой схемы была проста и вполне укладывалась в образ мышления владельцев "Галактических Киберсистем". Если Башня разрушена и ее стены держаться лишь за счет пассивного поля защиты, значит имело место крупномасштабное нападение. Отключение центральных управляющих блоков и активация автоматики зала аварийных систем, предполагало, что оборона комплекса подавлена. Но Башня хранила множество тайн, и даже ее обломки, перемешанные с остатками аппаратуры могли дать огромный объем нежелательной информации, поэтому если в течение отведенного срока в этом зале не появлялся живой член семьи Сент-Иво, то суспензорное поле автоматически отключалось и

одновременно с этим инициировался взрыв питающего его аварийного реактора.

Простой и старый как мир принцип: не доставайся же ты никому.

Драйв потратил несколько часов (огромный срок, учитывая быстродействие его нейромодулей) изучая структуру системы, в попытке определить возможные способы ее взлома, но нашел лишь удручающее подтверждение первоначального вывода: ему потребуется не менее двух-трех недель, чтобы обезвредить многократно продублированные цепи самоликвидации, немедленно срабатывающие при попытке несанкционированного доступа к управлению параметрами системы.

Самое скверное – здесь не применялась схема электронных кодов доступа. Единственным ключом к комплексу был живой Сент-Иво, без разницы к какому поколению он принадлежит. Автоматика хранила генетические коды, отпечатки пальцев, структуру сетчатки глаз, и еще десяток неповторимых для каждого человека параметров, снимаемых сканером с ладони и кожных покровов лица, – такие записи имелись для каждого члена Семьи, кто когда-либо получал доступ в саму Башню.

Патовая ситуация, Фрайг ее раздери.

Не смотря на кажущийся тупик Драйв не собирался сдаваться. Не в его привычках опускать руки перед кибернетическим комплексом. Нужно лишь хорошо подумать и выход найдется, – он был уверен в этом.

В глубокой задумчивости перемещаясь от одного терминала к другому он невольно задерживал взгляд на объемных изображениях, передаваемые на стек-голографы с камер систем безопасности.

В одном из таких объемных пространств воспроизводящего устройства он увидел знакомую площадку предшлюзового накопителя, и Яну, застывшую на полу в безвольной позе.

Ее руки даже в бессознательном состоянии прижимали к груди треснувшую кристаллосферу.

Дикс вдруг ощутил чувство вины, – он совсем позабыл про нее… Конечно сострадание не являлось отличительной чертой характера Драйва, но в этот момент он испытал именно его. Дрейк понятия не имел, сколько пришлось пережить молодой женщине, отчаянно ринувшейся на поиски любимого… но если разбираться беспристрастно, то именно он, своим грубым вторжением в виртуальный мир Ветра, сломал ее счастье…

Драйву редко доводилось наблюдать за реальными последствиями своих мнемонических атак, и он, дождавшись, пока кресло бесшумно опустилось на уровень пола, решительно встал, подумав, что пол часа уделенного ей времени никак не повлияют на общий ход событий.

* * *

Медицинское крыло Башни почти не пострадало во время штурма Гермеса флотом корпорации "Генезис", но некогда стерильные помещения сейчас выглядели не лучшим образом: перешагнув внутренний порог шлюза Драйв, прижимая к груди бессознательное тело Яны, почувствовал резкий, неприятный запах и едва устоял на ногах, оскользнувшись на хрустком крошеве лопнувших плафонов освещения.

Пахло каким-то химическими препаратами. Скорее всего из-за сотрясений стен разрушились емкости с химикатами в одной из лабораторий… – подумал Дрейк, осторожно ступая по длинному коридору, который тускло освещали несколько уцелевших в потолке сегментов.

Двери по бокам были плотно закрыты, лишь вдалеке в коридор падал резкий отсвет ультрафиолетовых ламп, и Драйв пошел прямо, решив что сначала найдет для Яны аппаратуру первой помощи, а уже потом осмотрит уровень.

Стерилизующий свет падал на пол коридора из открытых дверей, за которыми в просторном помещении располагалось несколько комплексов медицинской аппаратуры, подключенные к герметичным саркофагам с прозрачными крышками. Внешне это напоминало конструкцию криогенных камер, только намного сложнее, чем обычное устройство низкотемпературного сна.

Ничего… Разберемся… – Подумал Драйв, бережно опуская тело Яны на жесткое пластиковое ложе.

Она так и не пришла в себя; Дрейку на протяжении всего пути приходилось не раз останавливаться, чтобы прислушаться к ее редкому, почти неощутимому дыханию.

С его сознанием тоже происходили странные метаморфозы. Он почувствовал, как что-то надламывается в душе еще в тот роковой миг, когда решился рискнуть, прикрывая огнем Райвена, откапывавшего утонувший в песке пилот-ложемент.

Потом внезапно возникшее чувство поглотила горячка боя, после которого ему, не взирая на усталость, пришлось искать и исследовать аварийный центр управления, и вот теперь оно вернулось вновь: Дрейк смотрел на бледное лицо Яны, ее руки прижимающие к груди темную кристаллосферу, и его рациональный, циничный рассудок вдруг опять начал сбоить, уступая напору чувств.

Он разрушил их любовь, а что получил взамен?

Совсем недавно Башня виделась Драйву как нечто загадочное, уникальное, а на самом деле, помимо всего прочего, она оказалась зловещей,на ней, будто проклятие, лежал незримый отпечаток воли людей, правивших из этих стен огромной экономической империей.

И только Джон, судя по всему, отличался от своих предков, – об этом Драйву красноречиво поведал скупой разговор с призраком, и общение с огромной серв-машиной, да и любовь, которую Дрейк разрушил в своем эгоистичном стремлении обладать этим комплексом, говорила сама за себя.

Кристаллосфера не способна любить…

Он не сомневался что Яна опытный мнемоник: ей потребовалось меньше суток чтобы вырваться из системы пятого Омикрона и отыскать Гермес среди сотен иных планет, а на такое, по мнению Драйва, способны немногие. Но ее порыв только подчеркивал – она верила в образ Ветра, была уверена, что за его фантомом скрывается ЧЕЛОВЕК.

Ни одной саморазвивающейся киберсистеме не обмануть мнемоника или кибрайкера.

Осторожно взяв кристаллосферу он положил ее на белоснежный стол, расположенный перед компьютерным терминалом и, вернувшись к Яне, быстрыми, уверенными движениями снял с нее скафандр. Остальное являлось делом техники: нейромодули Драйва уже вошли в контакт с медицинским комплексом аппаратуры, произведя холодный перезапуск системы, чтобы та произвела самотестирование и обнаружила вероятные сбои, – шутка ли, последний раз данной аппаратурой пользовались более полувека назад.

Однако к удивлению Драйва процесс реактивации прошел быстро и успешно. Его смутил лишь отчет о состоянии емкостей с химическими реактивами – оказывается камера была связана с тысячами резервуаров, где содержалась не только вся таблица Менделеева, но и органические соединения с незнакомыми ему названиями.

Он не стал гадать, для чего медицинский комплекс соединен с хранилищем химических веществ, – все тесты прошли успешно и он, закрывая прозрачный колпак камеры, мысленным приказом включил систему диагностического сканирования.

Прозрачный колпак опустился, над изголовьем с тихим шелестом возник гибкий щуп сканера, и по лицу Яны медленно поползла тонкая, ярко-зеленая полоска.

Одновременно с этим включился стек-голограф, в объеме которого, по мере продвижения сканирующей полоски, начала появляться трехмерная

модель исследуемого организма.

Судя по скорости, с которой работал сканер, процесс обещал занять не менее получаса.

Драйв решил что ему придется подождать, – он не рискнул включить полный автоматический режим незнакомого ему комплекса. Фрайг его знает какие функции заложены в него бывшими хозяевами Башни. Дрейк уже научился опасаться всего и вся в этих мрачных стенах.

Сев в кресло, он принялся рассматривать темную кристаллосферу.

Постепенно его заинтриговал этот процесс, один за другим машинально подключались нейромодули, Дрейк с неподдельным интересом сканировал сложную внутреннюю структуру связей между отдельными кристалломодулями, убеждаясь что они вполне могут поддерживать неповторимую информацию человеческой личности: большая часть кристаллических схем являлась ни чем иным, как искусственно воссозданными нейросетями, копирующими иерархию слоев церебральной коры головного мозга человека.

Минут через десять он пришел к окончательному убеждению, что кристаллосфера по своем потенциальным возможностям сравнима с двумя известными ему аналогами – мозгом человека и Логром: мини-компьютером расы логриан, который не смотря на свои небольшие размеры мог поддерживать не только записанные в него данные личности, но и сформированный для ее комфортного существования фантомный мир.

Впрочем сейчас его не занимал вопрос древних устройств – перед ним находился образец человеческих технологий, равного которому он попросту не встречал.

Окажись на месте Драйва кто-то иной, он бы не смог разобраться в устройстве кристаллосферы, но кибрайкер прекрасно видел и понимал ее внутреннюю структуру, более того, он сразу же обнаружил место повреждения – небольшой осколок разбил один из кристалломодулей, попутно оборвав цепь питания.

Дрейк глубоко задумался.

Без сомнения он мог удалить осколок и восстановить нарушенную подачу энергии, – скорее всего потеря одного из сотен тысяч кристаллов памяти не повлияет на целостность глобальной информационной базы данных, но…

Драйв вспомнил тот роковой миг, когда фантом Ветра с легкость пробил установленную им виртуальную стену.

Опыт кибрайкера подсказывал – Джону нужно было лишь захотеть,и Дрейк уже никогда не вышел бы из состояния виртуальной комы, а его тело

осталось бы лежать на полу мрачного коридора Башни, пуская слюни, будто новорожденный младенец.

Вместо этого Джон просто посоветовал: Беги, поищи удачи в другом месте…

Не это ли называется человечностью?

Дрейк закрыл глаза в тяжелом раздумье, и вдруг увидел себя со стороны, сгорбившегося за столом, с ладонями прижатыми к холодному бронепластику кристаллосферы…

Он ведь то же мог поступать по-разному, творя добро или зло.

Решающим являлся побудительный мотив, который исходил не от рассудка, а из глубин души. Сделает ли он доброе дело, восстановив личность Ветра? Вернет ли Яне утраченное счастье сфера, наполненная кристаллами?

Он сидел закрыв глаза, отдавшись в во власть трудных вопросов, и его попытка найти ответ внезапно трансформировалась в конкретное действие: Драйв даже не уловил тот миг, когда его собственные нейромодули соединились с сетью медицинского комплекса с огромной скоростью перебирая хранящиеся в нем базы данных.

Банк генетических материалов.

Список доноров.

Схемы вариантов клонирования.

Технические характеристики камер биореконструкции.

Экстренные действия системы в особых случаях.

Стоп!!!

Два важнейших вопроса внезапно совместились в одном ответе.

Считывая данные, Дрейк понял, что камеры биологической реконструкции, которые он поначалу принял за сложные медицинские комплексы, как и вся остальная аппаратура Башни подчинена исключительно благу семьи Сент-Иво.

Этот уровень предназначался не для создания киборгов, данные камеры были реконструированы Арамантом, последним владельцем "Галактических Киберсистем", в рамках проекта "Вечная Жизнь".

Неужели Джон не знал об этом?!…

Драйв резко открыл глаза.

* * *

Крохотные огоньки вновь исполняли замысловатый танец внутри

покрытой паутиной трещин сферы.

– Джон ты слышишь меня? Ответь?

Секундная пауза.

– Да. Я слышу тебя Драйв.

– Ты осознаешь себя, как личность?

– Абсолютно.

– Хорошо. Тогда я задам тебе один вопрос.

– Нет Дрейк, сначала я.

– Спрашивай.

– Яна. Что с ней?

– Она жива.

– Пообещай что отключишь меня когда получишь необходимые сведения. Ты ведь хочешь выбраться из Башни, верно? Позаботься о Яне, и я отвечу на твои вопросы.

– Оставим это. – Поморщился Драйв. – У меня начинает дрожать рука на контакте.

– Хорошо, я слушаю.

– Ты знал о существовании лабораторий, так называемой, "Вечной Жизни"?

– Да. Я взорвал их вместе с собственным отцом, который пытался клонировать себе новое тело. Мой брат Арамант довел проект до логической стадии завершения, но…

– Где располагался взорванный тобой комплекс?

– На сто семнадцатом уровне. Там все разрушено и выгорело дотла. Можешь проверить.

– А третий уровень? Что ты знаешь о медицинском крыле?

– Там не было медицинского крыла, Драйв, ты ошибаешься. Только лаборатории по разработке изготовлению новых образцов продукции.

Теперь Драйву стало понятно все.

Резервный комплекс. Конечно, Арамант в своей предусмотрительности был просто обязан продублировать уникальную аппаратуру. И ему было вовсе не обязательно было сообщать об этом кому бы то ни было.

– Последний вопрос Джон. Нет извини, два… Как осуществлялась перезапись данных личности в мозг клона?

– Стандартно. Через имплант нейросенсорного контакта. Посредством шунта прямого соединения.

– Отлично. И теперь главное. Ты любишь Яну?

– Да.

– в Таком случае, до встречи, Джон… – Драйв, чувствуя, как от нечеловеческого напряжения мышцы лица сводит судорогой, разомкнул цепь питания внутри кристаллосферы.

Он не хотел чтобы Джон успел задать ему вопрос, на который он пока затруднялся ответить.

* * *

Сканер закончил работу и в объемном пространстве стек-голографа рядом с прозрачной человеческой фигурой высветился диагноз и комментарии системы:

Депрессивное поражение нервных слоев коры головного мозга в результате морально-травматического шока.

Рекомендован глубокий искусственный сон с постепенным введением антидепрессантов и малых доз стимулирующих препаратов. Список прилагается. Возможна активация автоматической функции.

Драйв посмотрел на Яну, и отдал мысленный приказ на инициализацию автоматического процесса.

Дождавшись пока заработают программы реабилитации, он встал и подошел к соседней камере.

Голова гудела, и он решил воспользоваться сенсорной клавиатурой для предварительного ввода команд:

Активация.

Камера послушно подсветилась, ожили блоки кибернетической системы, послышался похожий на вздохи шелест.

Включился стек-голограф.

На виртуальном мониторе вспыхнула надпись:

Тестирование завершено. Все системы в норме.

Касание нескольких псевдокнопок, и в оперативном окне развернулся список доноров, чьи ДНК содержал банк генофонда.

Он пробежал глазами по строкам и остановил световой указатель напротив Джона Митчела Сент-Иво.

Подтвердите выбор.

Он подтвердил.

Колпак камеры биореконструкции начал опускаться. Внутри выдвинулась вторая пластиковая плоскость, затем в образовавшуюся герметичную емкость с прозрачной крышкой начал интенсивно подаваться дезинфицирующий раствор.

Последние данные анатомического строения сохранены в возрасте тридцати пяти лет. Игнорировать более ранние образцы?

Драйв переключился на нейромодули. Так все-таки надежнее, не смотря на запредельную усталость рассудка.

– Да. Игнорировать.

Две пластины вдруг начали медленно деформироваться; Дрейк мог видеть только верхнюю из них, материал которой постепенно выдавливало в форме человеческой фигуры, со смутно узнаваемыми чертами лица.

Процесс формирования матрицы облика завершен. Емкости с химическими реактивами подключены. Введен образец ДНК из банка генетического фонда. До начала процесса биореконструкции осталась одна минута.

Драйв ощутил, как дрожь охватила его тело. Внутри камеры что-то бурлило, гофрированные шланги изгибаясь, присасывались к пластиковой матрице и начинали пульсировать, будто живые…

На его взгляд процесс шел не то что быстро, – он протекал стремительно, но тут Дрейк вспомнил, что создание биороботов было поставлено "Галактическими Киберсистемами" в буквальном смысле "на конвейер", так что удивляться скорости отлаженного технологического процесса, наверное, не стоило.

Великое таинство заключалось в другом: спустя некоторое время из этой камеры восстанет не биологическая кукла, а*полноценный человек*.

Драйв понимал, что уже никогда не забудет этих минут.

…

Процесс биореконструкции завершен. Сформированный организм подключен к системам искусственного жизнеобеспечения. Для завершения всех операций требуется носитель с матрицей сознания. Внимание, если данные матрицы не соответствуют тестовым воспоминаниям Джона Митчела Сент-Иво, прототип будет автоматически уничтожен.

Драйв бережно установил кристаллосферу, соединил ее шунтом нейросенсорного контакта с ответным гнездом в камере биореконструкции и вновь замкнул разорванную осколком цепь питания.

Начато копирование данных.

Идентификация личности.

…

Статус: Личность Джона Митчела Сент-Иво подтверждена.

Ждите. До окончания процесса копирования данных осталось двадцать часов.

* * *

Яна дважды приходила в сознание.

В первый раз возвращение в мир оказалось недолгим, – она очнулась всего на несколько минут, совершенно не понимая где находиться.

Приглушенный свет ультрафиолетовых ламп, острый запах озона, зигзагообразный блик на колпаке, который отгораживал ее от реальности.

В сумраке, царящем по ту сторону прозрачной пластиковой преграды, раздавались голоса:

– Бросай заниматься ерундой Драйв! – Возбужденно говорил Фрост. Судя по удлиненной тени, что периодически падала на колпак камеры, Анжи возбужденно расхаживал по помещению. – Я же говорю тебе понятным языком: отсюда есть выход и я нашел его! Тоннель проходит под землей, туда не распространяется суспензорное поле, ты слышишь меня или нет?

– Слышу… Не ори мне на ухо и не размахивай руками. Ты получил, что хотел, какого Фрайга я должен и дальше выслушивать твои крики?

– Ты спятил Драйв! Там на плато стоит исправный корабль, у него всего лишь продырявлена обшивка. Подумай об этом! Пара часов работы для ремонтных роботов, и мы сможем свалить отсюда, забрав из Башни все что угодно, – скрытый тоннель рассчитан на габариты серв-машин, а внутри этого непонятного корабля я насчитал с десяток пустых ангаров, с приспособлениями для крепления тяжелой техники! Мы будем богатыми, Дрейк! Объясни, почему ты вдруг уперся? На что сдалась тебе эта девчонка? Зачем ты пытаешься вытащить с того света призрака? Подумай, до самоликвидации Башни осталось меньше двух суток! Чего ты добьешься оставаясь тут?…

– Ты высказался Фрост?

– Да.

– Тогда послушай меня. – Голос Драйва звучал тихо, без истерических ноток. – Я никуда не полечу с тобой. Можешь забирать корабль и убираться к Дьяволам Элио, только оставь меня в покое, ладно? Я смертельно устал и могу совершить глупость, о которой потом буду сожалеть.

– Опять угрожаешь?!

– Я не угрожаю, а прошу: ступай своей дорогой. Нам просто не по пути, Фрост.

– Почему? Почему ты отказываешься от свободы, от денег…

– Ты не поймешь моих мотивов, Анжи.

– Объясни. Может и пойму!

– Боюсь тебе не понравиться моя точка зрения.

– Зато я буду спокоен.

– Хорошо, Фрост, ты сам напросился. Я отвечу тебе честно, но знай, попробуешь сделать в мою сторону хоть один шаг, я больше не стану предупреждать. Согласен?

– Валяй. – Мрачно произнес Анжи.

Драйв смерил его долгим, изучающим взглядом.

– Ты прав Фрост, – наконец заговорил он. – Нас с тобой взрастили одни и те же трущобы Аллора… И ты и я цеплялись в этой жизни за малейший шанс, хотя выбор путей был совсем небогатым. Мне повезло немногим больше чем тебе, – я не пошел в уличную банду, а попал в среду кибрайкеров. Ты не понимаешь что такое киберпространство, а я бессилен растолковать, как этот параллельный мир меняет сознание.

– Какая разница Дрейк? Ты хочешь упрекнуть меня…

– Мы оба вне закона. – Прервал его реплику Драйв. – Но я в свои сорок девять лет прожил две жизни, постепенно понимая, что мир не ограничен рамками дикой Окраины. Ты же застрял между прошлым и настоящим, у тебя один путь, прямой и предсказуемый. Сам понимаешь какой. – Дикс неожиданно вздохнул. – Я тоже был слеп, считая что нищее, хреновое детство и хронические нелады с законом дают мне право забирать от жизни все, до чего способен дотянуться мой разум, а значит и руки. На самом деле все не так просто, Анжи. Есть предел. Киберпространство научило меня мыслить, и однажды я понял, что мог бы жить иначе, не вздрагивая по ночам, не скитаясь от одной планеты к другой. У меня появилась мечта, которая, как ты видишь, обернулась кошмаром. – Драйв посмотрел в сощуренные глаза Фроста. – Я вижу тебе не очень-то понятны мои слова, но раз уж я начал, то выскажусь до конца. Мы с тобой оба отморозки, Фрост, каждый по-своему. – Драйв кивнул в сторону камеры, где лежала Яна, и добавил: – Они любили друг друга. Ни мне, ни тебе неведомо это чувство, но я пришел в их мир и сломал счастье двух любящих душ… потому что мне так хотелось.

– Ты раскаиваешься?

– Да… Да, Фрост, я раскаиваюсь, ведь она – последовал короткий кивок в сторону камеры, где лежала Яна, – она похожа на меня, а ее любовь выдержала жестокое испытание. Я хочу вернуть им счастье, исправить то что сломал, и может тогда моя душа снова обретет равновесие. Тебе это не нужно, непонятно, потому я прошу – улетай. Иди своей дорогой Фрост…

– Ты спятил Дрейк.

– Нет, я всего лишь увидел последствия своих поступков. Я увидел как серв-машина в отчаянье разгребала песок, я слышал его голос, я прочитал в те мгновенья его жизнь… и невольно примерил судьбу Джона к себе…

– Так значит дело не в системе самоликвидации Башни? Я думал ты создаешь биологическую куклу, ключ, чтобы остановить процесс самоуничтожения.

– Нет. – Покачал головой Драйв. – Тем более, что ты нашел выход отсюда.

– Хорошо… – Фрост опять начал мерить нервными шагами пространство лаборатории. – Могу я попросить тебя о последней услуге?

– Ну?

– Здесь есть ремонтные механизмы, но я не знаю как с ними обращаться. Ты можешь активировать их и дать задание залатать дыру в корпусе корабля? Клянусь, я больше не стану доставать тебя… хочешь остаться тут – оставайся. Я последую твоему совету и улечу.

Драйв посмотрел на отчет системы, продолжающей процесс копирования данных с запоминающих устройств кристаллосферы и кивнул:

– Ладно Фрост, я помогу тебе.

* * *

Второе возвращение в мир было окончательным и бесповоротным.

Яна долго лежала, прислушиваясь к себе самой. С трудом верилось, что пробуждение реально: теряя сознание в накопительном отсеке она, прижимая к груди разбитую кристаллосферу, всерьез попрощалась с жизнью.

Воля мнемоника, продиктованная собственному разуму, равносильна самоубийству.

Она хотела умереть во сне, но не оттого что узнала в какую физическую оболочку оказалась заключена душа Ветра. Нет. Когда две трети жизни проходят за гранью реальности, грубые, парадоксальные вывихи реала становятся не так страшны.

Сидя на холодном полу, она не ощущала ничего, кроме вселенской пустоты.

Погибла любовь. Из жизни исчезло единственное чувство, наполнявшее ее смыслом.

Чувства мнемоника остры, они не терпят фальши, и любая мысль звучит как приговор.

Я люблю тебя, Ветер… горько шептали ее потрескавшиеся искусанные губы.

Бездна отвечала ей немым криком.

Нейромодули в последний раз включились в работу, отдавая не внешнюю команду, но внутренний приказ.

…

Она не умерла, и это казалось невероятным.

На фоне слабости проплывали клочья воспоминаний, какие-то обрывки разговора двух людей, споривших между собой, и вдруг…

Яна почувствовала его…

Как отголосок далекого шепота, как знакомый запах, эманация ментального поля проникла сквозь прозрачный пластик и коснулась рассудка.

ЭТО БЫЛ ОН!!!

Яна Лаумер могла ошибиться, но Селена – нет.

Оказывается как это страшно – обладать не свойственными обычному человеку средствами восприятия мира. Наступает миг, и они входят в жесткий конфликт с рассудком, опровергая логику, отбрасывая память, прямо указывая: ОН ТУТ!!!…

…

Драйв, о чем-то разговаривавший с невидимым собеседником, вдруг резко обернулся.

Прозрачная крышка биокамеры, под которой почти двое суток уникальные медицинские системы боролись за жизнь и рассудок Яны, вдруг начала резко подниматься вверх, действуя сама по себе, без команд… по крайней мере сигналы на контрольной панели по-прежнему свидетельствовали, что она остается в закрытом положении.

Так возвращается к жизни мнемоник… – Подумалось Дрейку и он, вместо того чтобы поспешить к демонстрирующей явный сбой камере, встал и отошел вглубь помещения, где по углам гнездился фиолетовый сумрак.

Он не собрался подслушивать, просто не успел отключить собственные нейромодули.

…

Тело плохо подчинялось разуму, теряя координацию движений, руки ухватились за мягкий уплотнитель, пальцы впились в него, до боли в суставах… она с трудом выбралась наружу и застыла, осязая пространство

незнакомого помещения.

Кибрайкера она просто проигнорировала, все чувства, ощущения сосредоточились на смутной фигуре, казавшаяся издали мрачноватой, сумеречной, – он стоял спиной к ней, подле работающего стек-голографа, и что-то внимательно рассматривал в трехмерной проекции.

Яна пошатнулась от мгновенного безошибочного *узнавания*.

– Ветер!…

Горячий шепот заставил задрожать воздух.

Он вздрогнул и начал резко оборачиваться.

Мудрый человек сказал, что глаза, – это зеркало человеческой души. Селена встретила знакомый глубокий взгляд, который, соприкоснувшись с ее теплыми зрачками, вдруг потянул, будто омут, увлекающий неосторожного пловца в бездонную глубину, и тут же отпустил, потеплел в ответ… – все происходило как несколько лет назад, при их первой случайной встрече в киберпространстве, с той лишь разницей, что теперь они рванулись навстречу друг другу, еще не веря, что это происходит наяву.

Каким острым, пронзительным оказалось живое тепло его рук,как дрожали их пальцы и срывался голос:

– Селена…

– Ветер…

Мир разлетался радужными брызгами грез.

Здесь в сумеречном зале давно позаброшенного зловещего комплекса заново рождались тела и души, реальность смешивалась с нереальным, и два… нет, три человека вдруг подумали, что в этом грешном мире все же осталось место для чуда…

Драйв не смотрел на них, по его щекам впервые за много лет скатывались непослушные воле кибрайкера слезы.

Глава 7.

Гермес. Окрестности Башни…

Фрост сидел в глубоком кресле за пультом управления странного корабля.

Вокруг работали десятки приборных панелей, но он ничего не понимал в их показаниях.

Какой-то замкнутый круг, фатальное невезение, преследующее его вот уже несколько дней кряду.

Ну почему тут нет внятного устройства, контролирующего работу навигационной и силовой установок? За каким Фрайгом здесь налеплено такое количество убогой аппаратуры? Ручное управление, полуавтоматические подсистемы, все сплеталось между собой, образуя настоящую головоломку.

Три часа… Скоро это проклятая Башня развалиться на куски… или рванет, если Дрейк не отключил систему самоликвидации, а он, как последний идиот, сидит, не в силах инициировать автоматическую стартовую процедуру.

Ну хорошо, с этим он как-нибудь разберется, но что значит этот допотопный переключатель вынесенный в самый центр подковообразного пульта управления?

"*Переход в режим гиперпространственного прыжка*".

Отсюда что ли?

Где привычное оборудование для автоматического поиска энергетически выгодных точек гиперперехода, определения безопасного расстояния от планеты?

Его не было.

Если следовать элементарной логике, то все устройства, управляющие кораблем, требовали непосредственного вмешательства пилотов, количество автоматических устройств сведено к минимуму, а любая попытка Фроста включить планетарную тягу, заканчивалась одной и той же надписью, появляющейся на непривычном плоском мониторе:

"*Запас реактивного топлива израсходован. Секции гипердрайва готовы к прыжку. Для начала процедуры старта следуйте указателям*".

Какие указатели?

Здесь только эта преувеличенно-большая кнопка, которая предлагает ему совершить акт самоубийства – включить гипердрайв прямо на

поверхности планеты.

Любой ребенок знает к чему приводят такие идиотские выходки.

Пока он зло и растерянно размышлял над проблемой старта, на вспомогательной секции пульта внезапно заработал еще один экран.

У Фроста едва не отвисла челюсть.

Три фигуры в скафандрах незамеченными подошли к кораблю и без всякого на то приглашения открыли люк.

Да что это твориться на самом-то деле?!

Он даже не успел отстегнуть страховочные ремни и встать из кресла, как они уже появились в рубке управления, преодолев несколько тщательно задраенных переборок.

Ну да, конечно… – Подумал Фрост, когда различил лица за забрали гермошлемов. -*Веселая троица. Кибрайкер, мнемоник и реинкарнированный хозяин Башни*.

– Есть разговор, Фрост. – Вместо приветствия произнес Драйв, откидывая забрало гермошлема.

Яна и Джон повторили его жест.

– Ну? – Нахмурился Анжи.

– Ты не можешь воспользоваться этим кораблем.

– Это почему? – Фрост ожидал чего-то подобного, поэтому даже не сильно удивился.

– Корабль экспериментальный. Он принадлежит не флоту "Генезиса", а Конфедерации Солнц. Его сейчас ищут по всей Обитаемой Галактике.

– Меня то же ищут. И тебя Драйв. – Напомнил Фрост.

– Не дури, Анжи. Дело серьезное. Мы сняли информацию с запоминающих устройств Башни, которые сканировали все внутренние каналы связи корпоративного флота. Люди "Генезиса" угнали этот корабль. Тебе ни за что не разобраться в его управлении, это испытательный, экспериментальный образец. Его следует вернуть, – за это нам с тобой спишут многие грехи… Неплохая перспектива, верно?…

Глаза Фроста начали наливаться кровью.

Его достало буквально все. Мало того, что в голову лезли всякие ненужные мысли, словно этот мерзкий внутренний голос действительно вздумал сделать из него покладистого садовника, так еще и постоянные угрозы со стороны кибрайкера, которого он считал человеком своего круга.

Нет. Хватит.

Фрост поехал с катушек. Он не осознавал того, но его разум не выдержал многостороннего психологического прессинга.

В таких ситуациях, когда его прижимали к стене, рассудок обычно

выключался: действовало тело, на рефлекторном уровне подчиняясь яростным, безрассудным порывам.

Именно поэтом ни Драйв, ни Яна не смогли понять его намерений и остановить движение руки Фроста.

– Я МОГУ УПРАВЛЯТЬ ЭТИМ КОРАБЛЕМ!!!

Его рука метнулась к центральной панели пульта и нажала призывно подсвеченный изнутри переключатель.

– А теперь убирайтесь к дьяволу со своими угрозами!

Никто не ответил Фросту.

Дрейк, Джон и Яна потрясенно смотрели, как взвихрилась на экранах хмарь гиперпространственного перехода и…

Свет в рубке мигнул, погас, а когда через секунду включился вновь, на контрольном дисплее гибридной системы управления появилась лаконичная надпись:

"Гиперпереход завершен. Активирована функция погружения в пределах Вертикали".

* * *

Десятый уровень гиперсферы.

Высокие орбиты Первого Мира.

– Я же предупреждал, с ним бесполезно договариваться. – Хрипло произнес Драйв, отстегивая от кресла обмякшее тело Фроста. – Нужно было вырубить его, не выходя из Башни! Что нам теперь делать? – Он посмотрел на небольшие экраны обзора, работающие от внешних источников света, и пораженно замолчал, созерцая энергетический сгусток, напоминающий миниатюрную копию галактического диска и девять обращающихся вокруг него планет.

– Думаю с нами выйдут на связь. – Ответил ему Джон, помогая поднять бессознательное тело Фроста. – Здесь должен базироваться гарнизон военно-космических сил Конфедерации.

– Мне от этого легче? – Внезапно огрызнулся Драйв.

Джон посмотрел на экраны, потом на Дрейка и ответил:

– Нам всем сейчас нелегко. – Он обернулся к Яне. – Подежурь в рубке, милая, пока мы отнесем Фроста в изолятор.

Она кивнула, не в силах оторвать взгляд от потрясающей, сводящей с ума картины, которую демонстрировали экраны обзора.

Десятый уровень аномалии… Во что же мы оказались втянуты?!…

…

Ответ не заставил себя долго ждать.

Планета вышла на связь, как только корабль, следуя законам тяготения, вышел на первый орбитальный виток.

Из огня да в полымя… – Думал Драйв. Теперь полностью проанализировав кристаллодиски бортовых компьютеров он прекрасно представлял себе развитие событий, которые протекали одновременно с их высадкой на Гермес. Более того, в базах данных содержалась подробная информация о Первом Мире и истории его открытия, так что для троих человек, составлявших в данный момент экипаж "Испытательного-2" не осталось загадок или неясностей в общей картине происходящего.

Вот только легче от этого действительно не становилось.

Идиотская выходка Фроста только осложнила ситуацию, теперь наверное можно забыть о перспективе переговоров с Конфедерацией, – их запросто поставят в общий ряд с Дунканом Итемом и Лайфом Коганом, а сомнительная репутация Драйва и находящегося во всепланетном розыске Фроста только подольют масла в огонь.

Он исподлобья взглянул на Джона и Яну, которые пытались разобраться в системах управления экспериментальным кораблем и подумал, что им то же придется несладко: ее разыскивают силовики корпорации "Эхо", а Джону больше некуда возвращаться – хотя они и остановили таймер самоликвидации, Башня наверняка уже рухнула, погребя под своими обломками остатки уникальных технологий и оборудования.

Да в принципе какая разница? Нам теперь нипочем не выбраться отсюда…

Мысли Дрейка оборвал резкий сигнал вызова на терминале связи.

Тускло осветился один из экранов, и на нем возникло молодое лицо офицера в форме военно-космических сил Конфедерации Солнц.

– "Испытательный-2", вас вызывает гарнизон Первого Мира. На связи капитан Кречетов.

Джон сделал предостерегающий жест.

– Я сам поговорю с ним сам.

Драйв не имел ничего против.

– "Испытательный-2" на связи. – Ответил Митчел переместившись вместе с креслом в зону действия передающей видеокамеры.

– Представьтесь по форме. Кто командует кораблем?

– Кораблем командую я – Джон Митчел Сент-Иво. Со мной экипаж из трех человек. Двое из них опытные мнемоники.

– Вы наделены полномочиями доступа в пространство Первого Мира?

– Нет. Ваш испытательный корабль совершил вынужденную посадку на планету, принадлежащую мне по праву частной собственности. Запуск гипердрайва явился следствием трагической неосторожности.

Кречетов нахмурился.

– Капитан, думаю я способен разрешить вставшую перед вами дилемму. – произнес Джон. – Мы владеем полной информацией по истории открытия Первого Мира, нам известны все последние открытия в области физики Вертикалей и десятого энергоуровня аномалии. Более того я могу оказать вам содействие, рассказав о действиях флота корпорации "Генезис"…

– Вряд ли это поможет. – Прервал его Кречетов. – Меня больше интересует отчет о состоянии бортовых систем корабля и степени вашей заинтересованности в сотрудничестве.

– Мы готовы передать вам корабль под гарантии личной безопасности. Что касается технического состояния систем корабля – они полностью исправны. Минус состоит лишь в том, что при аварийной посадке силовые установки исчерпали весь запас реактивного топлива. Мы не можем маневрировать.

– Это поправимо. У нас есть резервы: малые корабли поддержки доставят на борт топливо, штатный экипаж и заберут вас на поверхность планеты.

– Меня это устраивает. В том случае если вы не станете отождествлять нас с людьми корпорации "Генезис". При наличии связи с трехмерным пространством я могу предоставить доказательства, что флот "Генезиса" вторгся в границы моей частной собственности и был разгромлен автоматическими системами планетарной обороны. Фактически это означает что мы спасли для Конфедерации данный корабль.

– Я приму это к сведению. – Кречетов на миг исчез из поля зрения передающего устройства лазерной связи. Когда его лицо вновь появилось на экране он был по-прежнему сосредоточен и хмур:

– Мы проанализировали параметры вашей орбиты. В ближайшие сутки вам ничего не угрожает. Ни одна из известных Вертикалей не пересекается с курсом. Нам потребуется время чтобы дозаправить челночные корабли и сформировать экипаж. Вы можете гарантировать, что за это время не произойдет очередной "роковой" случайности"?

– Вы имеете ввиду включение секций гипердрайва?

– Да. Мы уже потеряли "Испытательный -1". Он не выключил гиперпривод и был захвачен восходящим потоком блуждающей Вертикали.

Вместе с ним в слепой рывок ушел крейсер "Дион" с двумя тысячами человек на борту. – Теперь Джону стало ясно чем так сильно озабочен капитан. – Я бы не хотел повторения подобной трагедии. – Продолжил Кречетов. – На корабле есть бытовые помещения. Опечатайте рубку, дождитесь прибытия наших кораблей поддержки, и тогда я смогу гарантировать вам полную неприкосновенность, по крайней мере тут, на поверхности Первого Мира. В дальнейшем, если подтвердиться информации о вторжении флота "Генезиса" в границы планетарной частной собственности и ваше участие в спасении "Испытательного-2", думаю не возникнет никаких проблем с возвращением вас и ваших людей в границы трехмерного континуума. Вы последуете моим инструкциям?

– Да, капитан. Мы покинем отсеки управления и будем ждать прибытия кораблей.

– Это разумное решение. Думаю мы поладим в дальнейшем.

Связь отключилась.

Драйв, внимательно следивший за ходом коротких переговоров, сокрушенно покачал головой.

– Ну и влипли мы… Спасибо, Джон, у меня бы не хватило выдержки вести спокойный диалог с планетой. Может все еще и не так плохо? Фроста точно арестуют, а я недавно сделал операцию по изменению генетического кода.

– Страшно подумать – две тысячи человек… – Внезапно произнесла Яна. – Их уже никто не сможет спасти, да?…

– Если повезет, то в точке выхода они найдут пригодную для жизни планету. – Пожал плечами Драйв.

– А если нет?

– Тогда им действительно не позавидуешь… – Драйв перевел взгляд на Джона. – Что будем делать до прибытия кораблей?

Ветер ласково обнял Яну и ответил:

– Лично мы пойдем спать. Думаю и тебе не повредит отдых.

Дрек кивнул.

– Да, пожалуй это лучший способ скоротать время.

* * *

Она уснула в объятиях Джона, ощущая тепло его тела, прижимаясь к нему в сладком, но тревожном забытье.

После всего пережитого Яна так боялась потерять любимого, что даже

не подумала отключить нейромодули из гнезд имплантов. Она не хотела терять даже капельки вновь обретенного счастья: ее рука обнимала Джона, а чуткие сенсоры ловили успокаивающий ритм мягкого водоворота его мыслей.

Рассудок постепенно тонул в ощущении блаженства, покоя, но на периферии сознания все же оставалась одна тревожная нота; мысль о том, что они сейчас находятся в самом центре аномалии космоса, не засыпала, словно ждала своего часа, затаившись на зыбкой неопределенной границе подсознания.

Наконец когда физическая усталость погрузила рассудок в глубокий сон, освободив разум от будораживших его чувств, тревожная мысль начала медленно поднимать из глубин, образуя новые замысловатые ассоциативные связи.

Так рождаются сны.

Яна дышала глубоко и ровно, ее тело полностью расслабилось, и тем удивительнее выглядела крохотная искорка индикации, просвечивающая сквозь прядь волос.

Нейромодули не спали. Они работали, подчиняясь полуосознанному чувству тревоги. Наверное, если существовал реальный выход из сложившейся ситуации, то найти его мог лишь мнемоник.

Сон постепенно обретал черты, присущие виртуалке.

Яна тревожно вздрогнула, но потом опять расслабилась.

Чернота, окружающая разум, начала трансформироваться в оттенки серого, словно ее рассудок попал в границы какого-то из давно позабытых хозяевами фантомных миров.

Уныло-серое, почти безликое пространство, уже не пустота, но и не осмысленное творение: какое-то непонятное марево, похожее на городской смог…

Где-то она уже видела подобную картину. Осторожно делая шаг за шагом рассудок машинально сформировал фантом, и вот уже не просто мысль, а *человеческая фигура медленно шла среди завесей мглы.*

Постепенно на пути Яны стали все чаще попадаться замысловатые гротескные фигуры, сотканные из той же серой субстанции: одни неподвижно висели на разных высотах, иные медленно вращались, поодиночке и группами.

Иногда человек четко осознает, что спит, но бывают такие реалистичные сновидения, в которые невольно начинаешь верить. Так произошло и с Яной. В какой-то миг она насторожилась, словно на самом деле оказалась в недостижимом киберпространстве, смутно знакомом, но…

Логрис.

Это был Логрис!…

Яна тревожно заворочалась во сне. Она крепко обняла Джона, прижалась к нему, и непослушные пряди волос разметались по подушке, открывая уже не одну а четыре искорки индикации.

Ее кибермодули работали на полную мощность.

Логрис… Почему мне сниться древняя машина ксеноморфов? Разум уже не спал, он постепенно начал осмысливать предложенную данность, решая принять или отвергнуть ее.

Обыкновенный человек, располагающий стандартным имплантом, удобным для работы и путешествий в сети Интерстар, не мог проникнуть в пространство Логриса без дополнительной аппаратуры и серьезной подготовки, и здесь неоспоримое преимущество получали мнемоники и кибрайкеры. Только они при желании могли обойти систему запретов, ограждающую древние вселенные Логриан от несанкционированного доступа.

Для таких людей как Яна или Драйв мерилом запретов являлась душа. Абсолютно правы сторонники движения "Интерстар без границ", утверждая, что имплантация кибермодулей не изменяет человеческой сущности, и побудительные мотивы в виртуальном пространстве, остаются точно такими, как в реальном мире.

Естественно, что сверхкомпьютер двухголовых ксеноморфов вызывал закономерный интерес со стороны определенной категории людей: не довольствуясь той информацией, что предлагал специально выделенный сервер Совета Безопасности Миров они нелегально проникали в древние искусственные вселенные, но лишь единицы отваживались надолго задерживаться тут…

Теперь Яна отчетливо вспомнила, где и когда видела подобное серое пространство: в день их знакомства с Ветром, на информационной площадке, поясняющей изначальное предназначение Логриса: три миллиона лет назад он создавался как единение фантомных миров, где двухголовые ксеноморфы могли обрести бессмертие для своей личности…

Совершенно неуместный, бессмысленный сон… – ее рассудок уже готов был поставить свою подпись под данным вердиктом, – находясь в пространстве десятого энергоуровня гиперсферы, она при всем желании не смогла бы попасть в фантомные миры Логриса, но вынесению окончательного приговора для странного сна помешал резкий шипящий звук.

Яна невольно вздрогнула во сне, а ее фантом остановился и резко

повернул голову, одновременно отмечая, что замысловатых фигур, вылепленных из вязкого сумрака неведомым скульптором-абстракционистом, стало в десятки раз больше, они теперь занимали все обозримое пространство, теряясь в обозначившейся туманной перспективе.

Сознание Яны лишь мельком отметило этот факт, сосредоточившись на гораздо более впечатляющем явлении: в нескольких метрах от нее, опираясь на мощные ногощупальца и нервно подергивая усеянным присосками хвостом, стоял Логрианин. Две плоские змееподобные головы покоились на длинных гибких шеях, которые то сплетались между собой, то расплетались, расходясь в стороны, будто ксеноморф в такие моменты пытался заглянуть за спину вторгшемуся в его виртуальный мир человеку.

Яна где-то слышала: когда логрианин совершает подобные манипуляции, значит, он волнуется.

Привлекший ее внимание шипящий звук издавала правая голова.

Было очевидно: Логрианин что-то говорил ей, но она не знала языка древней расы… да и ксеноморфов видела лишь в голографических проекциях…

Секундная растерянность не проходила, она только усугублялась: рассудок Яны не мог поверить, что находится в*настоящем фантомном мире, даже гротескные фигуры, которые вдруг поплыли мимо, будто готовые разразиться ливнем кучевые облака, не убеждали своей достоверностью.*

Десятый энергоуровень. У нас нет связи ни с Интерстаром, ни с Логрисом. Это сон…

Точку во внутреннем споре поставило чисто человеческое любопытство. Сон это или виртуальная явь, можно выяснить довольно легко… Яна смотрела на Логрианина без страха или отвращения, – когда твой разум много лет обитает в киберпространстве, вид ксеноморфа вряд ли может сильно задеть рассудок. Попадались фантомы и пострашнее этого… ничего, иные оказывались на поверку вполне сносными собеседниками.

Стоп. А как в данном пространстве обстоит дело с прямой передачей мысленных образов?

Яна сосредоточилась. Логрианина, который продолжал шипеть и щелкать, можно было понять – скорее всего, он впервые столкнулся с фантомом человека.

А нужно ли мне пытаться заговорить с ним?– Подумала Яна, после нескольких неудачных попыток наладить прямое мысленное общение. Может наилучший выход из абсурдной ситуации – проснуться, стряхнуть

наваждение непонятного ирреально сна?

Она уже готова была поступить именно таким образом, когда ее рассудка коснулась первая осторожная фраза, переданная на уровне мысленного образа:

Ты человек? – Шеи Логрианина на миг застыли, две головы, разнесенные почти на метр друг от друга, внимательно осматривали Селену взглядом четырех глаз, обрамленных в кожистые складки век.

Да – мысленно ответила она, выдержав взгляд призрака, которому было не меньше трех миллионов лет.

Не уходи. Мне интересно. Я уже не напуган.

Так значит, ты владеешь языком мыслеобразов? – Спросила Яна.

Это пространство полностью подчинено мне. Ты попыталась изменить его своими мыслями, и я сразу понял, как они формируются. Приятное упражнение.

Я не хотела нарушать твой покой. – Сон это или нет, но извиниться за невольное вторжение требовали элементарные правила вежливости.

Шеи Логрианина стремительно сплелись в тугой канат.

Нет. Хорошо. Я удивлен. Я хочу говорить.

Ладно. – Она улыбнулась. - *Давай поговорим. Ты никогда не видел людей, да?*

Фигуры вокруг на миг застыли.

Логрианин уже не щелкал, только его глаза продолжали пристально смотреть на Яну, пронзая ее взглядом, от которого веяло холодом вечности.

Теперь я знаю о тебе много.– Неожиданно заявил ксеноморф.

Она удивленно приподняла бровь.

Твой разум открыт. Ты не прячешь мысли. Некоторые из них понятны.

Вот как? Значит, читаешь мысли, да?

Только не путай меня с Инсектами. – В голосе Логрианина, который звучал для Яны как обыкновенная человеческая речь, появились первые нотки эмоций. – *Я не телепат.*

Тогда как ты читаешь мысли?

Это не я. Логр. Твой разум сейчас здесь, он в едином информационном поле со мной. Что такое "Ветер"?

Вопрос оказался неожиданным.

Неужели даже сейчас она подсознательно думала о нем?

* * *

Сон. Расслабляющая гимнастика для рассудка, столь необходимая после напряжения минувших дней.

Недоумение прошло. Это становилось забавным…

Логрианин оказался совсем не страшным… и даже не занудливым, не смотря на свой солидный возраст и довольно унылую, с человеческой точки зрения обстановку, окружающего их мира.

Они разговорились.

Его звали Иршмарк. Некоторое время он терпеливо отвечал на вопросы о Логрисе, потом, видимо решив, что настала очередь человека поделиться частью своих знаний, спросил:

Зачем живые люди приходят в виртуальное пространство?

Селена могла бы предложить ему сотни вариантов ответа, на выбор, но ограничилась обобщенной фразой:

Нам здесь интересно.

Логрианин пригнул шеи, разнося головы в стороны. Она уже успела подметить, что это признак глубокой задумчивости.

Вы прячетесь друг от друга. Это игра?

Ей пришлось серьезно задуматься, прежде чем ответить на прямо поставленный вопрос.

У каждого из нас есть мечта. Эталон совершенства. В реальном мире очень трудно достичь мечты.

А здесь легко?

Да. Но, создавая фантом, каждый из нас что-то меняет в своем истинном облике. Поэтому мы стараемся придерживаться некоторых условностей.

Боитесь узнать правду и потерять мечту?

Да. Ты абсолютно прав. У людей есть одно выражение, которое очень точно описывает эту фобию: "Ожидание праздника порой оказывается лучше самого праздника". Ты понимаешь, о чем я думаю?

Да. Поэтому ты так упорно отвергаешь данность?

Ты, что читаешь все мои мысли? – Искреннее удивилась Селена.

Нет. Только те, которые очень сильны.

Она вдруг ощутила, как румянец заливает щеки.

Надо же. Ксеноморф в роли личного психолога. Быстро же он разобрался в сути уникальных человеческих понятий.

Эта мысль то же не укрылась от Иршмарка.

Я то же был живой. Давно. Моей расе доступно то чувство, которое вы называете словом "любовь". Ты приходила в нереальное, чтобы найти

любовь?– Шеи Иршмарка вновь начали сплетаться между собой. – *А теперь пытаешься разгадать тайну Бездны?*

Селена вздрогнула от такого вопроса. Не слишком ли много животрепещущих проблем для одного выдуманного ее рассудком диалога?

Как у вас людей все сложно… – Изрек в ответ на всплеск ее эмоций Иршмарк. – *Я буду долго размышлять над этим.*

Ближайшую тысячу лет? – Не удержавшись, иронично спросила Селена.

К ее удивлению он понял иронию.

Ты узнаешь ответ гораздо быстрее... Нужно лишь осознать данность…

Какую данность Иршмарк?

Вы странные существа.– Повторил логрианин.– *Ваша способность проникать в нереальное, при живом физическом теле, уникальна. Две жизни в одной… и вечность, дарованная после…* - Его шеи застыли, глаза в обрамлении кожистых век внимательно смотрели на Яну. – *Ты все еще считаешь, что спишь?*

Яна медлила с ответом. Ее взгляд тонул в безумно-древних, полных загадочной, непознанной мудрости глазах, а рассудок анализировал его вопрос.

Дрожь.

Такое знакомое чувство… когда холод ползет вдоль позвоночника, а кожу начинает стягивать крупными мурашками.

Она уснула не отключив импланты. Какую же команду подал ее мозг на кибернетические устройства?

Да, только во сне, едва ли отдавая себе отчет в совершаемых действиях, можно было решиться на такое… Соберись она с духом для подобного опыта во время бодрствования, то неверие, логическое отрицание самой вероятности совершенного сейчас, привело бы к безрезультатности попытки…

– *Я в Логрисе?*

– *Да.*

Мое тело спит в недрах аномалии… – Яна старалась не прятать мыслей, она хотела чтобы Иршмарк следил за цепочкой ее рассуждений, – а разум в поисках выхода из создавшегося положения отдал приказ нейромодулям…

– Ты приказала им искать. Искать путь. Искать меня.

– Тебя?!…

– Да. В твоем рассудке был вопрос. Логрис един, хотя и составлен из

миллиардов отдельных Логров. Твой вопрос был услышан и направлен по адресу.

– В таком случае, кто ты, Иршмарк?

– Три миллиона лет назад по вашему исчислению я… – он на миг умолк, подбирая подходящую фразу, – я придумал способ отправки планет в аномалию.

– Ты руководил проектом по созданию узловой станции?!

– Говоря вашим языком, это называется именно так.

– Иршмарк…

– Да, я знаю. В твоей голове стало тесно от вопросов. Выбери главный.

– Как я оказалась тут?

– Вертикаль проводит энергию. Твой разум усилен машинами. Они исполнили приказ: послали запрос по доступному каналу, способному передавать импульсы гиперсферной частоты.

– По Вертикали?

– Да. Она свободно проводит информационные пакеты, не искажая их.

– Но это… Это же гиперсферная связь с Первым Миром!

– Для тебя это открытие. Для меня тоже. Я опять узнаю новое, после долгого покоя. Это приятно. Только не спрашивай, как ты смогла отыскать вертикаль, ведущую к Логрису.

– Почему?

– Ты знаешь ответ. Только такие как ты могут видеть Вертикали. Все дело…

– Подожди Иршмарк. Я сама… Магнитное поле центрального сгустка? Мои нейромодули оснащены сенсорами, регистрирующими изменения магнитных полей. – Разум Яны работал в этот момент на пике своего творческого, исследовательского потенциала, делая эмпирические выводы, вычисляя наиболее вероятные свойства Вертикалей… – Я думаю они разные… – Наконец произнесла Яна. У них различная напряженность, значит каждая вертикаль по-своему влияет на единое поле центрального сгустка?

– Правильно. Ты можешь наблюдать за возмущением магнитного поля в тех местах где проходят Вертикали. Каждая из них создает свой неповторимый отпечаток.

Мысль Яны, получив точку опоры, стремительно продвинулась в понимании сути вопроса.

– Иршмарк, что происходит с Вертикалью, когда по ней начинает восхождение материальный объект? Ее потенциал меняется?

– Да. Вертикаль демонстрирует нестабильность, резонансные колебания напряжения сохраняются… не знаю как долго в ваших единицах времени.

– А Вертикаль, ведущая к Логрису, вибрирует постоянно? Она воспринимает побочное излучение информационных потоков Интерстара?

– Ты сама ответила на все вопросы.

– Иршмарк… Это открытие. Величайшее открытие. – Яна теперь боялась лишь одного – внезапно проснуться и понять что это было всего лишь сон…

– Я бы сказал иначе. – Логрианин вытянул шеи глядя на Яну с двух точек. – Ты завершила работу, которую я начал. Наши машины не работали в аномалии. А соединять живое с неживым мы боялись. Вы удивительная раса.

– Мне нужно вернуться, Иршмарк. Я должна…

– Проверить? – Яне показалось что губы Логрианина тронула чисто человеческая улыбка. – Я понимаю тебя. Мне бы то же потребовались доказательства. Пообещай мне что вернешься?

– Обязательно вернусь.

* * *

Она лежала в постели, обнимая Джона.

По спине все еще гуляла дрожь.

– Ветер… – Тихо позвала она.

Джон заворочался во сне, потом открыл глаза.

– Что случилось милая? Тебе приснился кошмар?

– Мне кажется, я разгадала тайну Вертикалей. Нужно разбудить Драйва и связаться с Первым Миром. Нужна срочная проверка. Если я не сошла с ума, мы сможем вычислить Вертикаль, по которой ушел первый испытательный корабль!

Джон резко сел, и посмотрел на Яну.

– Успокойся милый, я в порядке. – Она посмотрела ему в глаза и добавила: – Мы должны действовать быстро, пока нужная Вертикаль не стабилизировалась. Я все объясню. Сейчас просто поверь мне на слово и помоги, ладно?

– Хорошо. – Джон взял коммуникатор и вызвал Дрейка.

– Драйв? Проснулся? Одевайся, мы с Яной ждем тебя в рубке. Есть срочное дело.

…

– Что случилось? – Дикс вопросительно посмотрел на Яну, которая пристегивалась к креслу пилота.

– Драйв, ты можешь проверить меня?

– В смысле?

– Я только что соединялась с Логрисом. Прямо отсюда. Во сне. Понимаешь Драйв, не с Интерстаром, а с ЛОГРИСОМ. Через Вертикаль. – Она говорила отрывисто возбужденно, одновременно включая секции приборов. – Мои нейромодули послали запрос и он был принят древней машиной. Они провели собственный поиск и я… Я была в виртуальном мире Логрианина, который когда-то руководил отправкой планет в аномалию!

Дрейк посмотрел на Джона, уже занявшего кресло второго пилота. Митчел выглядел спокойно, лишь в его глазах читался непонятный, лихорадочный блеск, словно он безоговорочно верил каждому слову Яны…

– Короче, – нахмурился Драйв. – Ты хочешь чтобы я отсканировал твой мозг?

– Да, Дрейк, – не оборачиваясь, ответила она. – Либо вынеси мне диагноз, либо подтверди, что это был не сон. В нашей ситуации только моей личной уверенности недостаточно.

– В какой ситуации?

– Долго объяснять. Сканируй и все поймешь.

– Хорошо. Только перестань мельтешить руками.

Яна покорно прекратила процесс ручной активации систем.

– Все закрой глаза. Расслабься. И не вздумай машинально ударить меня.

Джон повернулся к ним. Он сдержанно молчал все это время, и причина была одна: он заново учился ощущать себя человеком.

Сложно… Лишившись безграничных возможностей, которые давали его разуму кибернетические системы, он чувствовал себя ущербным. Джон понимал, – это пройдет, в крайнем случае он в ближайшее время имплантирует себе пару нейромодулей, и дискомфорт исчезнет, но пока он мог лишь наблюдать, сдерживая эмоции, чтобы не осложнять ситуацию.

Драйв и Яна, закрыв глаза, застыли друг напротив друга.

В этот момент раздался скрежет, за ним последовал ощутимый толчок, и корпус корабля начал передавать ритмичную вибрацию.

Мнемоник и кибрайкер даже не вздрогнули.

Джон посмотрел на экраны. В кормовом секторе, где располагались стыковочные узлы был виден корпус челночного корабля, только что

состыковавшегося с испытательным судном, которое они с Яной называли между собой "Первопроходцем".

Как быстро мы привыкаем к машинам. – Подумал Джон, с тревогой ожидая что сейчас раздадутся голоса, и в рубку начнут входить бравые парни из космического десанта.

Нет… Похоже пронесло. Это грузовой корабль, доставивший минимальный запас реактивное топлива, необходимого для корректировки орбиты.

Спустя три или четыре минуты челночный корабль начал процедуру отстыковки, и почти одновременно с этим Драйв открыл глаза.

– Ну? – Яна пытливо смотрела на него. – Я была там?

– Да… – Хрипло выдавил Драйв.

– Джон… – Она повернулась. – Милый… Ты один владеешь навыками ручного управления.

– Я готов. Но мне не сориентироваться без навигационных приборов. То что видишь ты, не передать ни на один экран.

– Шунт. – Подсказал Драйв. – У меня есть в наборе, – он вытащил из специального внутреннего кармана своей одежды продолговатый плоский футляр. – Вы с Яной меняетесь местами. Она занимает кресло навигатора, ты первого пилота. Длины шунта хватит чтобы соединить ваши стандартные импланты. Я сажусь сюда, – он указал на кресло второго пилота, – и страхую Яну, чтобы она могла сосредоточится на поиске Вертикалей.

– Так и сделаем. – Джон встал. – Только сначала я свяжусь с Кречетовым.

– Зачем? Победителей не судят, Джон.

– Я знаю. Но беглецам можно запросто запустить ракету в корму.

…

– Борт "Первопроходца вызывает Первый Мир. На связи Джон Митчел. Мне необходимо срочно поговорить с капитаном Кречетовым.

На экране связи появилось знакомое лицо.

– Да?

– Как тебя зовут капитан?

– Андрей. – Машинально ответил он, и тут же осведомился: – Что это за вольности, Митчел? Можете называть корабль как угодно, но я запретил вам появляться в рубке.

– Капитан, я нарушил данное слово. На то есть веские причины. Постараюсь изложить суть произошедшего в двух словах, а ты попытайся понять меня, душой рассудком, как угодно, только постарайся, хорошо?

Кречетов молча кивнул.

Выслушав краткое пояснение Джона, он слегка побледнел, потом поднял взгляд и, не смотря на разделявшее их расстояние, твердо посмотрел в глаза Митчелу.

– Что вы задумали?

– На борту два опытных мнемоника. Я неплохой пилот, имею стаж ручного управления несколькими типами кораблей. Наши низкочастотные генераторы заряжены. Если Яна при помощи анализаторов магнитного поля сумеет увидеть возмущения вертикальных линий аномалии, то по логике лишь две из них окажутся возбужденно-нестабильными – первая, как я уже сказал, ведет к Логрису, и по ней в будущем возможно эффективная связь с Интерстаром. А вторая Вертикаль будет той, по которой ушли в слепой рывок "Испытательный-1" и крейсер "Дион". Подумай, Андрей, есть реальный шанс спасти их. Две тысячи человек.

Кречетов продолжал смотреть в глаза Джону.

Когда-то он сам находился в подобной ситуации, вернувшись после двухлетнего отсутствия, расцененного как дезертирство, и стоял перед президентом Конфедерации Шейлой Норман.

Она поверила ему.

– Мы должны действовать быстро. – Нарушил затянувшуюся паузу Джон.

– Я понимаю. – Ответил Кречетов. – Сейчас на подходе к вам два шатла. Один с группой десанта, второй с дополнительным топливом. – Он решился, добавив:

– Дождитесь стыковки и начинайте. Командир десантной группы получит мои приказания. Я передам ему секретные коды связи, которые помогут вам отыскать "Дион" и установить контакт с его командиром.

Джон облегченно вздохнул. Этот капитан оказался настоящим мужиком.

– Пусть шатлы стыкуются. Мы начинаем поиск Вертикали.

– Удачи вам, "Первопроходец". – Голос Кречетова все же дрогнул на последней фразе.

Джон уже садился в кресло пилота.

Яна протянула ему контактный разъем шунта.

– Ты еще не забыл эти ощущения, Ветер? – Ласково шепнула она.

Он лишь улыбнулся, коснувшись губами ее щеки, прежде чем оптический кабель с глянцевитым черным покрытием соединил их разумы.

Киберпространство.

Оно не имеет границ, простираясь в бесконечность Вселенной.

Оно в миллиарды раз шире, разнообразнее любой мыслимой сети.

Энергии мироздания, – это тоже сеть, которую в эти мгновенья учился читать и чувствовать человеческий рассудок.

Ни Джон, ни Яна не ощущали как стыковались с "Первопроходцем" челночные корабли.

Обоим казалось, что они повисли посреди прозрачной фиолетовой бесконечности, в которой тонкими линиями пульсировали Вертикали.

Только человеческий разум, питая своей энергией сканирующие устройства нейромодулей, мог в данный момент увидеть и оценить эту картину.

Одна из Вертикалей отчетливо выделялась среди тонких линий своей постоянной мерцающей вибрацией.

Это Вертикаль Логриса? – Спросил Ветер.

Да. – ответила Селена, не зная чему она сейчас радуется больше – величайшему открытию или мысленному голосу Ветра, который вновь звучал в ее рассудке.

Она плавно переместила мысленный взор, как бы оглядываясь вокруг, внимательно рассматривая каждую нить, пока не увидела на правом траверсе "Первопроходца", чуть выше плоскости эклиптики системы еще одну пульсирующую Вертикаль.

Это она.

Я вижу.

Драйв, ты подтверждаешь?

Да.

Джон не открывая глаз, несколько раз сжал пальцы, чтобы почувствовать пористые рукоятки астронавигационных рулей, оснащенных гашетками включения двух маршевых двигателей реактивной тяги.

Дрейк, возьми рули управления. На них расположены дозаторы дюз ориентации. Будешь компенсировать вращательный момент, если в этом возникнет необходимость. Десант уже на борту?

Да.

Предай командиру группы, что мы видим Вертикаль. Пусть займет кресло второго навигатора и держит руку на переключателе генераторов низкой частоты. Мощность импульса должна быть минимальной.

…

"Первопроходец" медленно двигался в пространстве десятого энергоуровня.

Вертикаль уже практически не пульсировала, она успокаивалась, обретая прежнюю стабильность, но мысленный взгляд Джона не отпускал

найденную нить аномального напряжения, и корабль двигался точно к цели.

Сердце невольно замедляло ритм ударов.

– Я не могу определить дистанцию, Ветер.

– Это неважно. Мы идем прямо в нее. Драйв ты готов?

– Да.

Нить оставалось такой же тонкой, и Джону показалось что сейчас она начнет проходить сквозь корабль.

– Давай.

Цепь генераторов низкой частоты замкнулась, и прозрачно-фиолетовая бесконечность вмиг сменилась вязкой чернью.

Джон открыл глаза.

Бледная вспышка осветила экраны обзора. Ошибиться было невозможно. Это отсвет обратного перехода.

Вертикаль приняла их, и теперь стремительно возносила космический корабль туда, где сияли привычные для человеческого взгляда звезды.

Яна улыбнулась, и на ее щеках обозначились ямочки.

Сейчас не было смысла в словах.

Все замерли, считая бледные вспышки обратных переходов.

* * *

Свет.

Нестерпимый свет миллионов звезд ослеплял озорные экраны.

Вертикаль выбросила их в трехмерный космос в районе ядра Галактики, там где звездная плотность превышает показатели любого из известных шаровых скоплений.

Место абсолютно чуждое понятию "жизнь".

Здесь никогда не бывал ни один человеческий корабль и тем острее воспринимался появившийся на экранах образ: крейсер "Дион" состыкованный с "Испытательным-1" дрейфовали под защитой зеленоватого мерцания суспензорного поля.

Плохи их дела.

– Аварийную частоту связи, быстрее! – Приказал Джон.

Лейтенант, командовавший группой космического десанта, уже включил предназначенные для работы в трехмерном континууме кибернетические комплексы, и в рубке раздался его голос, передаваемый на частоте связи, способной проникнуть через модуляцию суспензорной

защиты крейсера.

– "Дион", вас вызывает спасательная команда. Говорит лейтенант Суханов, отдельная бригада ВКС Первого Мира. Не предпринимайте никаких действий. Мы включаем силовые захваты, приготовьтесь к экстренному погружению в гиперсферу.

Через несколько секунд в рубке "Первопроходца" раздался голос полковника Снегова:

– Слышим вас ребята… У нас критическая температура в отсеках. Система жизнеобеспечения работает на пределе.

– Держитесь. Идем к вам. Силовые захваты активированы.

…

Яна, Джон и Драйв не сговариваясь закрыли глаза.

Вокруг бушевало пламя, они плыли сквозь него, а за кормой ритмично пульсировала тонкая нить Вертикали.

Мост через Бездну…

Они прошли по нему, проторив дорогу ведущую по ту сторону Бесконечности.

Слова опять казались лишними, ненужными.

Буксировочные захваты вошли в прочный контакт с суспензорным полем "Диона" и "Первопроходец" начал плавный разворот к пульсирующей среди пламени Вертикали.

Они возвращались.

Эпилог

Первый Мир.

Два года спустя по локальному времени десятого энергоуровня.

Опрятный двухэтажный домик утопал в зелени окружающего его сада.

Стояло раннее утро, диск энергетического сгустка только взошел над горизонтом, и вдоль земли еще стлались перистые полосы прохладного тумана.

Обычно Джон и Яна вставали с рассветом, но сегодня у них был выходной, – на командном пункте диспетчерской станции Первого Мира дежурило подразделение мнемоников, которым руководил Драйв.

Вечером после смены он обещал зайти.

Накануне у них выдался трудный день – орбитальные причалы Первого Мира принимали два транспорта с поселенцами.

Узловая станция гиперсферы постепенно обретала реальные черты, первые картографические корабли Конфедерации с навигаторами-мнемониками на борту совершали регулярные восхождения и спуски по Вертикалям гиперсферы.

Яна сладко потянулась во сне, обняла Джона и в этот момент кто-то постучал в дверь.

Она открыла глаза, выскользнула из постели и, спустившись на первый этаж, увидела человека, стоявшего по ту сторону стеклянных дверей.

Что-то до боли знакомое угадывалось в чертах его лица, и она открыла двери, вопросительно посмотрев на раннего визитера.

Тот почему-то смутился, а потом произнес:

– Доброе утро миссис Митчел. Извините за ранний визит, но в отделе вакансий мне сказали что вы ищете хорошего садовника?

Май-июль 2004 года, город Псков.

notes

Примечания

1

Флайбот – машина использующая антиграв для полета. Способна передвигаться на колесах.

2

Кибрайкеры – (сленг) – образовано от слова кибернетика и английского взламывать (break open).

3

Стек-голограф – устройство объемного воспроизведения изображения (виртуальный монитор).

4

Нейромодуль и кибермодуль – два названия однотипных устройств, подключаемых к имплантам.

5

История Теи Митчел подробно изложена в романе "Роза для Киборга".

6

Событиям на планете Рай посвящен роман "Потерянный Рай".

7

История компьютерной сети Деметры – романы "Деметра", "Спираль".

8

О судьбе Райвена и Беатриче Блейз см. роман "Райвен".